

Санкт-Петербургский государственный университет
(факультет социологии)

Социологический институт Российской академии наук

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского

**ЖУРНАЛ
СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**
1999. Том II. № 1 (5)

**THE JOURNAL
OF SOCIOLOGY
AND SOCIAL
ANTHROPOLOGY**
1999. Volume II № 1 (5)

Журнал основан в 1998 году

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского
Санкт-Петербург
1998

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора - журналу 1 год

Социология: профессия и призвание [Интервью с профессором В. А. Ядовым](#)

История социологии и социальной антропологии [Тириахьян Э. Питирим Сорокин - мой учитель и пророк современности](#)

Теоретические проблемы социологии и социальной антропологии [Шлее Г. Проницаемость границ в теории конфликта](#) [Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора](#) [Якобсон А. Я. Этнические интересы и проблемы национально-территориальной политики](#)

Дискуссии [Хельшер Б.](#)

[Диттрих Р. Россия идет на Запад? Давыдов Ю. Н. Куда пришла Россия?](#)

Исследования [Браун В. Дж.](#)

[Русинова Н. Л. Социальные неравенства и здоровье: осознание индивидуальной ответственности и контроля](#) [Штайн-камп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство](#) **Научная жизнь**

[Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени](#)

Памяти Никласа Лумана [Зименкова Т. В. Никлас Луман глазами коллег](#)

[Универсализм системной теории Никласа Лумана: интервью с профессором Р. Штихве](#)

Рецензии [Бочаров А. Б.](#)

[Кантор В. К. «...Есть европейская держава».](#)

[Россия: трудный путь цивилизации](#) [Ильин В. И. Трудовая культура в процессе трансформации](#)

Abstracts

«Журналу социологии и социальной антропологии» исполнился год. Новое периодическое издание состоялось. Подводя итоги, редакция констатирует тот факт, что наши читатели смогли познакомиться с материалами четырех запланированных на 1998 г. номеров. Новый научный социологический журнал появился вопреки давлению неблагоприятных материальных и организационных обстоятельств. Финансово-экономическая депрессия в России хотя и усилила социальный пессимизм в обществе, но вызвала еще больший прилив интеллектуальной энергии. Впечатляет статистика поступления материалов в редакцию. Более 100 авторов из разных регионов России и зарубежья предоставили свои работы, и это является лучшим свидетельством интереса к журналу со стороны ученых.

Общеизвестно, что издание журнала связано с издержками. Подготовка и производство номера к публикации стоят немалых средств, хотя мы и пытаемся их сократить. Очевидно, что без поддержки указанных в каждом номере организаций мы вряд ли сумели бы выпустить намеченные номера. Нельзя не назвать эти организации. В первую очередь, журнал выходит благодаря постоянной финансовой и организационной поддержке факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, его декана проф. А. О. Бороноева и Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН и его директора С. И. Голода. Ряд номеров журнала был издан при частичном содействии и поддержке Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы»: Проект №326.84. «Интеграция научного и методического потенциала факультетов СПбГУ и Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН в целях обеспечения фундаментального уровня социологического образования», а также Независимого Аналитического Центра при Правительстве Ленинградской области (руководитель Ю. С. Крижанская), фирмы ГЭЛЛАП - Санкт-Петербург (руководитель Р. С. Могилевский). Редакция журнала признательна за оказанную в 1998 г. помощь.

Безусловно, показателем интереса к журналу со стороны читателей является его тираж и распространение. Тираж каждого номера журнала в 1998 г. составил тысячу экземпляров. К сожалению, подписка на журнал была незначительной. Возможно, новое издание еще мало известно среди научной общественности, на которую, собственно, и рассчитан журнал. Вероятно, содержание номеров имеет разные адресаты. Сформировать устойчивый спрос на научный журнал нельзя простым оповещением. Необходимы дополнительные усилия по организации распространения и абонирования через почту, книжные магазины, другие фирмы, что опять-таки требует денег. Помимо этого почтовые услуги увеличивают цену номера. Наша задача состоит в облегчении доступа к каждому выпуску журнала. Поэтому мы старались организовать распространение номеров через региональные отделения Социологического общества им. М. М. Ковалевского или персональные контакты и okazии в различных регионах России.

Современные средства электронного распространения информации резко увеличивают возможности доставить наш журнал всем интересующимся. В настоящее время все четыре номера журнала за 1998 г. размещены на Web-site странице факультета социологии СПбГУ. В дальнейшем мы хотим также с небольшим

временным лагом обязательно выставлять электронную версию журнала в Интернет. В частности, первый номер журнала был посещен более 4000 раз. Мы надеемся, что доступность журнала в электронном варианте, который пока является практически бесплатным, обеспечит ему известность и признание.

Главной заботой редакции была, безусловно, работа с авторами и корреспондентами. Без них невозможно создать достойное произведение в таком сложном жанре как научный журнал. Портфель нашего издания накапливался в течение года. Формирование его шло как целенаправленно, так и спонтанно. Трудность состояла, прежде всего, в том, что тематически журнал нацелен на обсуждение широкого спектра социологической и социально-антропологической проблематики, концептуально - на выход из теоретической неопределенности и многообразия эмпирических данных, организационно - на сплочение социологического сообщества. Следует учесть также организационные и технические сложности журнальной работы (небольшой состав редакции при весьма скромной финансовой поддержке лишь на редактирование, подготовку верстки и типографское изготовление). Журнал делается усилиями ученых, которые профессионально заняты исследованиями и преподаванием. Но нельзя обойтись без привлечения квалифицированных переводчиков, литературных редакторов, специалистов по макетированию. Мы искренне благодарим В. В. Тавровского, К. Г. Тимофееву, Т. С. Голову, М. С. Юдович, Е. Ф. Шараеву.

Нам представляется, что ряд разделов уже нашел свое признание у читателей. Например, регулярно проводимые интервью с ведущими социологами страны ярко высвечивают состояние современной социологии в России сквозь призму персонального видения и личной биографии. В течение года были опубликованы материалы встреч с А. О. Бороновым, И. А. Голосенко, А. Г. Здравомысловым, В. Я. Ельмеевым. В 1999 г. читатели познакомятся с воспоминаниями и размышлениями В. А. Ядова, Б. М. Фирсова, А. В. Дмитриева. В дальнейшем изъявили согласие дать интервью журналу Г. В. Осипов, В. Т. Лисовский, С. И. Голод. Иными словами, старшее поколение социологов имеет возможность в диалоге с читателями и друг с другом на страницах журнала изложить свое кредо, подвести итоги развития социальных наук на рубеже столетий.

Историко-социологический раздел в прошедшем году был намеренно посвящен предстоящей 110-й годовщине со дня рождения самого выдающегося российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина. Были опубликованы фрагменты переписки Сорокина с отечественными социологами И. С. Коном, И. А. Голосенко, а также публицистические статьи Сорокина и статьи о его творчестве. В юбилейном 1999 г. мы представляем рассказ Э. Тириакияна о своем учителе. Планируется публикация статьи Б. Джонстона, известного американского биографа Питирима Сорокина.

Идея интеграции фундаментальных исследований и практики образования в сфере социогуманитарных наук нашла отражение в последовательно проведенных тематических линиях. Достижением в прошедшем году стала серия работ о новых теоретических подходах в экономической социологии (Ю. В. Веселов, Д. В. Иванов, Ю. Л. Качанов) и публикация учебной программы (Е. В. Капусткина). В таком же ключе представлена концепция П. Бурдьё: авторский текст, аналитические и учеб-

но-методические материалы (Н. А. Шматко, Д. Б. Цыганков) Интересным мы считаем обсуждение на страницах журнала теоретической проблематики в увязке с концепцией преподавания новой дисциплины - политической антропологии (материалы В. В. Бочарова, О. А. Кармадонова).

Следует отметить, что рубрика «Исследования» становится достаточно полновесной. Основные материалы этого раздела поставляют ученые Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. В портфеле журнала есть немало исследовательских результатов зарубежных ученых. Лежащий перед вами номер прямое тому доказательство: диалог российских, американских и немецкого ученых о здоровье, заболеваемости, смертности и социальном неравенстве.

В ближайших номерах появится новый раздел «Критика социальных наук», который инициировали Н. Е. Копосов и Д. В. Хапаева. Читатели познакомятся с тематикой и результатами семинара, проводимого на филологическом факультете СПбГУ. Надеемся, что сотрудничество с Европейским университетом в Санкт-Петербурге даст свои плоды уже в ближайшем будущем.

Конечно, случаются недогляды, накладки и даже досадные ошибки. Редакция приносит извинения авторам и читателям за причиненный ущерб. Например, в материале «Вехи научной биографии», подготовленном на основе выступления А. Г. Здравомыслова, по вине редакции не были устранены неточности, на которые обратил внимание автор. В том же четвертом номере имеется ряд неточностей в статье В. В. Сафронова. Возможность исправить подобные ошибки мы видим лишь в электронной версии данного материала на [Web-site](#), где все замечания авторов будут учтены и внесены соответствующие исправления. Ряд недостатков имеется и в других материалах. Полагаемся на снисходительность авторов и читателей. Нас, надеемся, оправдывает отсутствие опыта и то обстоятельство, что это был первый год и мы только учимся. В последующем мы приложим все усилия, чтобы избежать всякого рода содержательных и технических недоразумений.

Выполнил ли журнал намеченные цели и задачи на 1998 г.? Напомню их содержание. Цель состояла в приращении академического потенциала социогуманитарных наук и профессиональной компетентности. Задачи заключались в следующем:

- 1) поиск новых концепций, стимулирование междисциплинарных исследований, разработка понятийного аппарата и исследовательских стратегий;
- 2) знакомство ученых и взаимодействие социологов-профессионалов с политиками и общественностью;
- 3) гласное обсуждение ключевых проблем нынешней жизни;
- 4) практическая ориентированность академической социальной науки.

На мой взгляд, перечисленные задачи частично решены, но предстоит еще большая работа, потому, что это задачи долгосрочного характера.

Вместе с тем мы намерены продолжать искать «свое лицо» в поле научной коммуникации. В первую очередь, мы стремимся концептуально выстроить журнал в режиме диалога разных поколений ученых как российских, так и зарубежных.

Никаких заведомых авторитетов и обязательных истин для журнала нет. Есть проблемы и есть разные подходы и варианты решений, которые непременно должны быть обоснованы и должны учитывать накопленный научный потенциал. Редакции приходится поэтому весьма строго отбирать подходящие статьи. В ряде

случаев мы рекомендуем доработать материалы в интересах поддержания высокой репутации журнала и его авторов. Наш журнал можно упрекнуть в многотемьи и разнородности обсуждаемых проблем. Но это не столько недостаток, сколько достоинство, ибо мы сознательно ориентируемся на междисциплинарность социальных исследований.

Редакция нацелена на поиск материалов, полезных для практических социологов и преподавателей социальных наук. Журнал - это круг его читателей и почитателей, которые видят в нем свою трибуну и место для ознакомления с новейшими научными результатами.

Надеюсь, что труд редакции и редакционного совета в 1998 г. был не напрасным. Хочу от имени вас, читатели и коллеги, сердечно поблагодарить членов редакционной коллегии И. А. Голосенко, А. В. Дуку, Н. Г. Скворцова, Д. В. Иванова, секретаря редакции Ю. М. Ермакович, и, конечно, весь состав редакционного совета за внесенный вклад и пожелать им благ и успехов в предстоящем году.

Вас, дорогие читатели я поздравляю с выходом первого номера 2-го тома нашего журнала. Уверен, что мы все заинтересованы в долгой и продуктивной жизни молодого, но уже взрослеющего на глазах журнала.

В. В. Козловский,
главный редактор

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ В. А. ЯДОВЫМ

Вопрос: Владимир Александрович, Ваша жизнь практически полностью связана с развитием социологии в Советском Союзе и теперь в России. Думается, что Ваши свидетельства существенно дополняют представления об истории социологии советского периода в тогдашнем Ленинграде и сейчас, когда Вы являетесь директором Института социологии РАН в Москве. У вас, вероятно, были разного рода отношения с коллегами и противниками по поводу институционализации социологии в стране, по поводу поддержки тех или иных направлений исследований. Очевидно, споры и дискуссии наложили печать на Ваше восприятие верного и неправильного пути развития социологии у нас в стране.

Ответ: Дискуссии в начале 1960-х гг. частенько переходили в плоскость прямого давления на сторонников эмпирической социологии и вульгарного доносительства на них в инстанции. По существу же полемики вопрос стоял вполне четко: как эмпирическая социология вписывается в марксистскую теорию. Здесь обозначились две позиции. Первая - полное отрицание «буржуазной» социологии и в теоретическом содержании и в методически-инструментальном. Великолепный пример, с Ленинградом прямо не связанный, это брошюрка И. Кальметьевой «Фетишизация числа» (1965 - 1967 гг.). Автор клеймила любую квантификацию социальных процессов, опросы - в особенности. Причем, в отличие от Питирима Сорокина, который тоже издевался над «квантификацией», но со знанием предмета аргументировал свою позицию, Кальметьева демонстрировала блистательное невежество. Другой пример - уже из моего опыта: отказ издательства «Знание» печатать небольшую брошюру (3-5 листов) о методах социологического исследования. Эту книжечку мы написали вместе с Эдуардом Беляевым по заказу общества «Знание» и получили зубодробительную рецензию академика Д. И. Чеснокова, которая изобиловала эпитетами: «буржуазное», «немарксистское» и т.п. Мы

обратились в суд и этот процесс друзья назвали «Ядов и Беляев против «Знания»». Суд мы выиграли, т. е. гонорар был выплачен, но брошюру не издали. В Ленинграде главными воителями против эмпирической социологии выступали В. Я. Ельмеев и его коллеги философы и экономисты. Они доказывали, что исследования, опирающиеся на опрос, есть субъективизм и идеализм, и клеймили меня и моих единомышленников как антимарксистов. Полемику с В. Я. Ельмеевым я прекратил в 1970-х гг., но Василий Яковлевич, до сих пор убежденный в своей правоте, ее продолжает.

Другая позиция состояла в том, чтобы совместить эмпирические исследования, скажем, отношения людей к труду, мотивации текучести кадров и т. д., с принципами марксистской материалистической диалектики. Решающий прорыв был сделан публикацией статьи В. Келле, И. Пилипенко и Н. Глезермана, помещенной в центральном партийном журнале «Коммунист» (1972 г.). Авторы утверждали тезис о трехуровневой структуре социологического знания: общая теория, т. е. исторический материализм - теории среднего уровня (многообразие) и систематизация эмпирических данных. Эту концепцию уже выдвигали Г. М. Андреева и мы с А. Г. Здравомысловым, но здесь она была сформулирована авторитетным партийным органом. Я думаю, что реально социологические исследования были «легитимированы» именно благодаря принятию этой концепции.

В Ленинграде тем не менее то, что Вы называете «полемикой» в области социологии долгие годы было сопряжено с противоборством «твердых марксистов» (я бы сказал «марксистов-фундаменталистов», т. е. ортодоксов) с марксистами же, которые допускали эмпирическую верификацию социально-теоретической концепции Маркса. Я ни на йоту не сомневался ни в социалистическом идеале, ни в том, что материалистический взгляд на историю - единственно научный подход. Исследование «Человек и его работа» имело непосредственной целью проверить на фактах, в какой мере в процессе построения коммунистического общества наблюдается тенденция превращения труда в первую жизненную потребность человека. Как соотносятся инструментальные и творческие мотивы трудовой деятельности. Мы нашли, что в рутинном малоквалифицированном труде перспективы его превращения в жизненную потребность нет, а развитие высококвалифицированного труда такую перспективу содержит. И сегодня я не вижу здесь ничего антимарксистского или антинаучного. Мы полагали, что «правильный путь» развития социологии - искать фактические свидетельства обоснованности теоретических суждений и концепций, начинать любое исследование с серии гипотез. Поэтому и суждение о превращении труда в жизненную потребность мы рассматривали именно как гипотезу, а не как идеологический постулат.

Вопрос: Каковы были взаимоотношения с представителями Вашего поколения и других поколений? Где Вы находили поддержку, где - безразличие, где - неприятие и разногласия? Насколько демократичными, по-вашему, были правила игры в социальных науках в СССР и нынешней России. Что позволялось, отвергалось и поощрялось в социологии и, шире, в общественных науках? Оставила ли эта дискуссия с Вашими оппонентами след в Вашей творческой биографии? Вопрос лишь в том, чтобы как можно более объективно осветить хронику «борьбы» за социологию в течение последних десятилетий в 1960-1990-е гг.

Ответ: К сожалению, я не могу похвастаться отличной хронологической памятью. Поэтому, стараясь быть объективным, не буду утверждать, что аккуратно помню даты событий.

В общем плане межпоколенческие взаимоотношения не были основой размежевания по идейным или научным позициям. Скажем, В. П. Тугаринов, В. П. Рожин, Б. Г. Ананьев, в Москве - Г. Глезерман, В. Ж. Келле, А. Румянцев, - эти ученые старшего поколения выступали активными сторонниками утверждения социологии в системе общественных наук. Ректор ЛГУ Александр Данилович Александров реализовал идею создания НИИКСИ, предложил Юрию Асееву и мне отправиться в годичную стажировку по социологии в США (Асеев) и в Англию (Ядов). Б. Г. Ананьев настаивал на внедрении междисциплинарного подхода к теоретическим и эмпирическим исследованиям человека, деятельности субъекта. В. П. Рожин первым отказался опубликовать книгу о марксистской социологии, утверждая правомерность нашей науки в марксистском общественнознании. Неординарности мышления В. П. Тугаринова (моего научного руководителя) мог позавидовать любой из исследователей младшего поколения.

Линия конфронтации проходила не между поколениями, но между консерваторами по складу ума и, скажем, «прогрессистами». Эти два сообщества включали людей разных поколений. В последующие десятилетия, думаю, сохраняется та же тенденция. Противоборствующие консервативные и более открытые новому типу субъектности. Конечно, в эти комплексы вклиниваются, и очень заметно, идейные факторы. Консерваторы в науке, они же сегодня часто группируются на платформе «почвенного патриотизма», антизападничества и антиреформизма.

О хронике, как Вы формулируете, «борьбы» за социологию немало написано. Один из примечательных персонажей на ленинградской «площадке» этой драмы становления социологии - И. И. Сигов, директор академического института ИСЭП. Более «упёртого» при своей малообразованности человека следовало бы поискать. Он был назначен в должность из «Народного контроля» (была такая структура при обкоме партии) и действовал соответственно: всех подозревал, постоянно создавал проверочные комиссии, интриговал. Это был щедринский герой. И вполне преуспел, надо сказать. Сумел многое развалить, прижать, избавиться от наиболее активных «инакомыслящих».

Драматические события середины 1980-х гг. были связаны с борьбой за руководство в Ленинградском отделении Советской Социологической ассоциации. Вызовы в обком КПСС, прямое давление на участников собрания, «выкручивание рук». В итоге либералы «прогрессисты» потерпели поражение. Я вынужден был покинуть свой коллектив в ИСЭП. И. Сигов смещал меня последовательно с должности заведующего отделом социологии, а потом и заведующего сектором. Наконец, я был лишен допуска к «материалам для служебного пользования» и оставался еще шаг до партийного выговора: за передачу на Запад доклада А. Аганбегяна и Т. Заславской о положении в нашей экономике, к чему я не был причастен, хотя мог бы сегодня гордиться таким поступком. В. Ж. Келле, мой добрый друг и коллега, убедил директора Института истории естествознания и техники АН СССР М. Микулинского выделить для Ядова ставку ведущего научного сотрудника в Ленинградском филиале, и там я с огромным удовольствием работал три года. Вместе с

молодыми психологами из сектора М. Г. Ярошевского мы осуществили неплохой проект исследования эффективности работы научных групп. Три кандидатские диссертации защитили мои молодые коллеги, а я ничего серьезного опубликовать по этому исследованию не успел, так как стал директором-организатором Института социологии в Москве, не до того было...

Возвращаюсь к событиям 1987 г. - выборы руководства Ленинградского отделения ССА. В Питер приезжает Президент ССА Т. Заславская (она была избрана на этот пост тремя месяцами раньше) и настаивает на приеме у секретаря Обкома по идеологии. Татьяна Ивановна остановилась у меня дома и оттуда звонит каждые полчаса-час до середины дня. Заведующий отделом просит подождать, подождать... И она едет в Обком, где заведующий отделом ее принял и, выслушав, сказал примерно так: «Собрание пусть решает, мы вклиниваться не будем»... У Обкома были, естественно, другие кандидатуры: на бурном собрании с выкриками с обеих сторон В. Я. Ельмеев с двумя-тремя сторонниками демонстративно покинул зал. Был избран состав бюро Отделения в русле перестройки и меня снова выбрали председателем этого бюро. Скажу честно, я тогда почувствовал, что все меняется к лучшему: действительно, наступает время гласности и свободомыслия. (Все это мы сегодня имеем сполна. Но кто мог думать, что и то и другое будет продаваться за деньги?)

А в 1988 г. ЦК КПСС назначило меня директором-организатором Института социологии АН СССР (потому я вынужден был уехать из Питера, раздумывал над этим решением все лето на хуторе в Эстонии). И накануне дня отъезда в Москву по указанию того самого второго секретаря Обкома, который отказался принять Заславскую, вышел номер «Смены» с фотографией и интервью Ядова во всю полосу. Газета сожалела, что Ленинград теряет одного из своих заметных ученых (там были и более патетические формулы). Какое счастье, что эти времена, идиотизма и всевластия партбюрократии, остались в прошлом, и не приведи нас Господи (если ты есть, в чем я очень сомневаюсь) вернуться вспять!

1990-е годы отмечены «следами» тех времен. И в Москве существует противостояние, но не по оси «за-против» социологии, а в плоскости монотеоретической социологии против политеоретического подхода. В Академии наиболее последовательным сторонником монотеоретического, марксистского подхода остается М. Н. Руткевич, с которым мы постоянно полемизируем. Я считаю, что социология - полипарадигмальное знание, но это - другая тема.

Вопрос: Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1940-60-гг. в Советском Союзе, Ленинграде, Ленинградском университете. Кто были Ваши кумиры и учителя? Что, на Ваш взгляд, утрачено безвозвратно и что необходимо вернуть и сохранить?

Ответ: Кумиры - это юношеское. И все же я бы назвал своими кумирами Плеханова - «академического» марксиста, размышляющего по существу теории, и Андрея Сахарова - наивного оптимиста в жизненной позиции.

Учителя были, кажется, названы. Б. Г. Ананьев занимает первое место, может быть разделяя его с В. П. Тугариновым. Эти исследователи постоянно ощущали неполноту своих знаний. Борис Герасимович напутствовал меня в Лондонскую школу экономики и политических наук так: «Аккуратно разберитесь с факторным анали-

зом и Q-техникой. Когда вернетесь, сделайте подробный доклад». И когда я, по возвращении, действительно делал такой доклад, Ананьев внимательнейшим образом слушал, задавал вопросы, делал заметки. Это был подлинный ученый. Василий Петрович отличался великолепной способностью чувствовать новое в науке. Он говорил своим аспирантам: «Тему надо брать не «заезженную», а то и вам будет скучно, и мне тошно». Я выбрал тему «Идеология как форма духовной деятельности». Пришел с набросками плана диссертации. Он говорит: «Не нашли ничего посвежее?» Я упорствовал, доказывая, что новый поворот обозначается в исследовании социально-психологических механизмов идеологического сознания, включая стереотипы по У. Липпману. «Какой еще Липпман?» И мы говорили часа два (это было у него дома, за чаем). Когда Тугаринов прочел представленную к защите работу, то бросил фразу: «Чушь, я это на защиту не выпущу». Прошел примерно месяц и в одном из выступлений он, ссылаясь на Ядова, говорит, что идеология - это не всегда классовое сознание, это - рационализация более глубоких побуждений социальных общностей, например, национальных. Я ушам своим не поверил и позже (через недельку) спросил: «В. П., может быть, выпустите это на защиту?» А он: «Что за вопрос! Надо публиковать». И тут же написал рецензию для издательства ЛГУ. И это была моя первая книга.

К числу своих учителей я отношу Хильду Химмельвайт - известного британского социопсихолога, у которой я имел возможность работать в семинаре. Семинар был построен на проблематике аттитюд- поведение, и мы рассматривали множество теоретических подходов к этой «загадке», выявленной Ла Пьером. Спустя пятнадцать лет мне пришло в голову одно из возможных решений этой загадки (теория диспозиционной саморегуляции поведения личности).

Что было утрачено из 60-х гг.? Энтузиазм, бескорыстие научного поиска, дух корпорации. Все это связано со становлением дисциплины, адепты которой ощущали плечо друг друга. Было бы наивно думать о возврате такого состояния духа. Хотелось бы сохранить основательность теоретической проработки в серьезном исследовании, неторопливость в выводах, тщательность и полевых работ и анализа данных (например, наш проект «Саморегуляция» занял 6- 7 лет, исследования Грушина в Таганроге - лет 8).

Сегодня это сделать нелегко: быстротекущие события не отпускают времени для длительной, кропотливой работы перед публикацией (устаревают данные).

Вопрос: Теперь вопрос общего мировоззренческого и даже политического характера. Что могли бы сказать в конце нашего «нервного» столетия о прошлом и настоящем нашего отечества? Каков Ваш диагноз нашего времени?

Ответ: Я думаю, Вы имеете в виду советское прошлое, то, о чем я могу судить по своему мироощущению, не по книгам... Это прошлое в моем сознании интегрировано и с юностью, с молодостью, но более всего - с великолепными идеалами общечеловеческой справедливости, равенства людей труда. Обыденность и прагматика того прошлого раздваиваются. На одном полюсе - доброе и героическое: Отечественная война, комсомольские стройки, коллективизм школьных лет, в университете, на заводе (где я работал токарем после исключения из партии в 1952 г. из-за того, что мой отец участвовал в «зиновьевской» оппозиции за два года до моего рождения), атмосфера «Старой квартиры». На другом полюсе - вечный

страх перед КГБ, своеволие партийно-административного чиновничества, отсутствие духовной и интеллектуальной свободы. Но я не считаю идеалы социализма ущербными. Напротив, то, что называют демократическим социализмом - это моя идеология.

Диагноз нашего времени общепризнан - страна вновь на распутье. Шесть лет подряд я участвую в международном симпозиуме «Куда идет Россия?», что организуют в Москве Т. Заславская и Т. Шанин. Суммарно это составляет 12 дней напряженных дискуссий. Резюме таково:

1. Россия - это расколота страна (термин А. Ахиезера), в которой извечно противостоят тенденции традиционализма (мощная сила крестьянства и «глубинки») и прозападничества, «европеизации» (мегаполисы, интеллигенция). И этот раскол укоренен в нашей культуре.

2. Государство, власть в России были и остаются силой, чуждой народу, опасной, но неизбежной. (Может, начиная с варягов, которых князь призвал для установления порядка на Руси?). Мы не можем воспринять идею государства как общественного договора, слишком велика и разнородна держава, чтобы договориться всем ее народам и регионам. Потому многое в судьбах страны вершится противоборствующими кланами, элитами, финансовыми группировками.

3. Народ наш чрезвычайно адаптивен к трудностям и лишениям. Не то чтобы все способен стерпеть, но намного более, чем какой-нибудь иной из западных. И очень трезвомыслящий. Сегодня, при полном отчуждении от властных структур люди находят способы как-то выжить, и, представьте себе, абсолютное большинство, судя по опросам, сохраняют надежду на будущее.

4. Что далее? Далее, как следует из этих многодневных дискуссий, - то постоянное «качание» к авторитаризму и великодержавности, то «броски» в сторону интеграции с Западом. Будущее человечества мне сегодня не представляется безоблачным постмодернизмом. Скорее, это противоборство тенденций к самосохранению человечества и экспансии эгоистического межнационального капитала.

5. Из многодневных дискуссий на тему «Куда идет Россия?» я заключил для себя, что социологическая наука на сегодняшний день сколь-нибудь надежный прогноз дать не способна. И главная причина состоит в том, что история человечества перестала быть *естественноисторическим* процессом. Она уже есть процесс *социально-исторический*, в котором роль субъективного фактора определенно доминирует, а целенаправленные действия людей, в том числе организованные, часто приводят к совершенно неожиданным следствиям.

История нашей страны уходящего века - тому доказательство.

Вопрос: Что побудило Вас заняться общественными науками, в целом социологией? Когда Вы пришли в высшую школу? Ваш профессиональный путь связан с академической наукой. Но начинали Вы в Ленинградском университете. Итак, что влияло на Ваш выбор и Ваши приоритеты в области социологии, в целом общественных наук?

Ответ: В обществознание я не мог не «вступить» потому, что мой отец Александр Ядов был первым комсомольцем в селе Ракша Тамбовской области, создал там ячейку комсомола, а позже был выдвинут на рабфак в Институт им. Н. К. Крупской в Питере. Он оставался идеалистом до самой своей смерти ровно в 60 лет.

В период тяжелой болезни отца к нему приехал брат Володя, летчик-испытатель, попавший в плен к немцам на три дня (его освободили югославские партизаны). Дядя Володя (в его честь и дали мне имя родителя) отчаянно спорил с отцом - мама вызвала меня в родительский дом потому, что «они сейчас передерутся». А что было причиной? Отношение к Сталину... Отец пытался разделить Сталина - «организатора победы» и диктатора, дядя Володя их не разделял. И в ту же ночь мой отец умер от отрыва ракового легкого.

С довоенных лет я помню, что у нас дома постоянно шли дискуссии на политические и философские темы. Отец преподавал историю КПСС в институте имени Бонч-Бруевича, мать была беспартийной, заведовала химической лабораторией на заводе «Пищевик». Отец отчаянно курил, и мама однажды, после каких-то политзанятий сказала: «Саша, а ведь Энгельс писал Марксу: «Ты себя губишь табаком...» Прошло время, и я, тогда восьмилетний, помню, что отец за обеденным столом парировал маме: «Слушай, Мария, в таком-то томе писем Маркса-Энгельса можешь прочесть: «Дело в том, что мне приходится курить дурные табаки». И заключил: «А ты даешь мне деньги только на «Звездочку»»...

Вот та атмосфера, в которой я воспитывался. В девятом классе я пытался освоить «Науку логики» Гегеля и после этого не было сомнений, куда поступать. Ясно, что на философский. Но вместе с тем, у меня с детства была склонность что-то руками делать. Мое хобби и в зрелые годы - работа по дереву. (Только травма руки заставила прекратить самоделничество, а сын до сих пор увлекается моделированием и очень успешно). Думаю, что эти склонности в двух противоположных направлениях - к абстрактному и конкретному, - определили интерес к социологии.

Выбор в пользу социологии был сделан случайно. Я работал на философском факультете преподавателем, и как-то в коридоре Игорь Кон посоветовал посмотреть учебник Гуда и Хатта об эмпирических исследованиях и спросил: «Почему бы тебе не заняться изучением бюджетов свободного времени? Знаешь, из этого может получиться очень интересное знание». И я ухватился за это предложение. С помощью В. П. Рожина, тогдашнего декана, мы с А. Здравомысловым и Э. Беляевым организовали социологическую лабораторию. Начали штудировать Гуда и Хатта и провели затем исследование бюджетов свободного времени 100 рабочих Кировского завода.

Мои приоритеты в социальных науках - социолого-психологическая проблематика, главным образом - мотивация поведения личности. Но меня привлекают в основном обобщающие, теоретические аспекты эмпирического исследования, а «прямые статистики» сами по себе не вдохновляют.

Вопрос: Находили ли Вы официальное признание результатов своих исследований? В чем оно выражалось? Привлекало ли Вас преподавание социологии и общественных наук в вузе?

Ответ: Принятие рекомендаций из исследования для управленческих решений всегда было однонаправленным. Принималось и принимается то, что отвечает интересам властных структур, а то, что начальству не подходит, как ни аргументируй - отвергается. Например, все, что касалось мотивации труда, ради сокращения текучести кадров как-то учитывалось. Благодаря исследованиям в сфере труда на предприятиях в Ленинграде и по всей стране была развернута система социологи-

ческих и социально-психологических лабораторий. Они сделали много полезного, и заводские социологи представляли собой хорошо организованное сообщество. Признание своих работ я вижу, как и любой из тех, кто их публикует, в ссылках и в использовании предложенных подходов другими исследователями.

Я стал преподавателем сразу после аспирантуры и до сих пор с удовольствием иду на занятия со студентами, магистрами. На базе Института социологии РАН мы открыли факультет Государственного университета гуманитарных наук. Интеграция академической науки с высшим образованием очень перспективна.

Вопрос: Ваша жизнь была связана с Ленинградом, где Вы сделали свои первые шаги в научной карьере? Почему Вы все-таки предпочли Москву и покинули невские берега?

Не было ли мысли воплотить свои научные идеи и замыслы именно в столице? Какую ситуацию Вы там застали? Что Вы предпочитали: академическую деятельность, публичную и политическую активность?

Ответ: Москву я не выбирал: меня туда «вытащили». Первым условием директорства в Москве было выделение социологического отдела ИСЭП в качестве филиала Института социологии. Так что в каком-то смысле я остаюсь в Питере вместе со своими сотрудниками из Филиала, ежегодно приезжаю на годичную сессию, мы постоянно в контакте и с С. И. Голодом, и с Б. М. Фирсовым, со многими из питерских друзей и коллег.

Мне нравится история, которой начинает свою книгу «Как быть иностранцем» английский сатирик венгерского происхождения Ференц Маркеш. «Когда я жил в Венгрии, - пишет Маркеш, - я влюбился в английскую девушку и сделал ей предложение. Она сказала:

- Я тоже люблю тебя, но боюсь, что мои родители не захотят, чтобы я вышла замуж за иностранца.

- Это кто же иностранец? Мы же находимся в Венгрии: это не я, а ты иностранка! На что Мэри ему ответила:

- Дорогой, истина не зависит от географии...

Тот факт, что мы с внучкой Катей живем в Москве, не отменяет нашего питерского гражданства.

Что касается предпочтений академической или публичной деятельности, то с публичностью я покончил, как только понял, что романтика перестройки иссякла, и начались будни политических разборок. Сейчас я стараюсь целиком оставаться в русле академической, т. е. исследовательской и преподавательской работы. И, конечно, много времени отнимают административные дела в Институте и на факультете социологии нашего академического университета.

Вопрос: Вы участвовали в работе НИИКСИ при Ленинградском университете. Что это был за период? Что он дал Вам лично? Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности? На что, собственно, направляли вы свои усилия - на самосохранение существовавшего положения дел в социологии или предпринимали попытки уже тогда принципиально изменить характер социологической науки и образования?

Ответ: Замысел НИИКСИ по идее Бориса Герасимовича Ананьева был великолепен. НИИКСИ задумывался как институт комплексных исследований человека. В

первый год работы под руководством Ананьева в Институте бурлила интеллектуальная атмосфера, на ученых советах и семинарах обсуждались проекты междисциплинарных исследований. С уходом Бориса Герасимовича Институт стал обычным департаментализованным научно-учебным центром.

Научный Институт преуспевает, если его возглавляет выдающийся ученый. Мы ушли из НИИКСИ основным составом лаборатории в ленинградский филиал будущего института конкретных социальных исследований АН СССР (тогда это был отдел в Институте философии, которым руководил Г. В. Осипов). То есть мы стали частью первого социологического подразделения в Академии наук и вновь оказались в исключительно творческой атмосфере.

Вместе с И. Коном мы регулярно участвовали в московских семинарах ИКСИ, наряду с Б. Грушиным, Н. Лапиным, Ю. Левадой, Н. Наумовой, Б. Ольшанским, В. Шубкиным.

Директором ИКСИ стал выдающийся ученый Алексей Матвеевич Румянцев, неординарно мыслящий, смелый и широко образованный. Так, на одном семинаре он сказал: «Знаете, в чем наши проблемы? Все формации развивались естественным образом, и только одна - путем целенаправленного строительства». Эта фраза дает представление об атмосфере, царившей тогда в московском Институте.

Вопрос: Это уже был период перестройки. Каково Ваше отношение к нему и возможностям, предоставленным эрой М. С. Горбачева?

Ответ: Я, как и многие из нашего поколения, которое сегодня называют шестидесятниками, был активным сторонником перестройки. В Питере я вошел в состав правления клуба «Перестройка», в Москве включился в работу «Трибуны московской интеллигенции», во главе которой был Андрей Сахаров. В «Трибуну» меня пригласили Лен Карпинский и Юрий Афанасьев. Были бурные дебаты: разгон демонстрации в Тбилиси (помните солдатские саперные лопатки?), события в Риге. «Трибуна» осуждала нерешительность Горбачева, требовала отмены шестой статьи Конституции (О руководящий и направляющей роли КПСС). Вместе с Ю. Левадой (ВЦИОМ) мы во время первого съезда Народных депутатов предприняли беспрецедентный марафон общесоюзных опросов общественного мнения. Ежедневно ставились вопросы об отношении граждан к наиболее острым выступлениям депутатов.

Был случай: на вопрос, одобряют ли граждане выступление Сахарова о выводе войск из Афганистана, большинство отвечало положительно. Председатель КГБ В. А. Крючков тогда воспрепятствовал публикации этих данных (они тиражировались сначала для депутатов съезда, и вечером или на другой день появлялись в прессе), но спустя два дня мы их все же опубликовали и ... без каких-либо оргвыводов.

Меня включили в рабочую группу по подготовке новой Программы КПСС и отозвали из Лондона, куда я поехал на три недели для работы в библиотеках. Эта программа была вполне социал-демократической: признавались ошибки партии, осуждался сталинский террор, допускались общепартийные дискуссии, утверждалась выборность руководства всех звеньев на альтернативной основе. Программа утверждала государственно-рыночную экономику, частное предпринимательство, ориентировала на социальные гарантии гражданам путем перераспределения доходов зажиточных слоев населения. Но Горбачеву не хватило смелости отстоять

эту Программу. На Пленуме ЦК он заявил о том, что если эта Программа не будет принята, то он уходит в отставку с поста генсека. В перерыве его уговорили этого не делать, но и Программу не приняли... Думаю, что это было поворотным пунктом в истории перестройки. Дальше все пошло вразнос. Я думаю, оставалась возможность более плавного перехода к рынку и утверждению подлинной демократии при сохранении федеративного союза государств (один из вариантов названия Союза был ССР - Союз Свободных Республик).

Мое отношение к Михаилу Сергеевичу вполне взвешенное. Я считаю, что он начал великое дело, но недостало твердости довести его до конца. Конечно, сейчас легко так говорить. Но «постперестройка» это уже подлинная драма, а возврат к коммунистическим порядкам может обернуться и вовсе трагедией. Думаю, у россиян хватит здравого смысла и ума не допустить этого.

Вопрос: На что направляли Вы свои усилия, на разработку новой проблематики, или основные идеи и концепции уже сформировались? Если вы пытались способствовать развитию духа научного поиска, а это было в духе проводимой во второй половине 80-х гг. перестройки, то что удалось и что не удалось осуществить?

Ответ: Я стараюсь действовать в трех главных направлениях. Во-первых, максимально способствовать утверждению теоретического статуса социологии. И в этом плане главное - освоить в достаточно полной мере богатейшее наследие прошлого и быть на уровне современных дискуссий в поисках интегрирующих концептуальных подходов. Я думаю, что активистская, деятельностная парадигма в социологической теории (например, Гидденс) наиболее перспективна.

Второе направление усилий вытекает из первого: укрепление в Институте социологии академической атмосферы, т. е. постоянства научных семинаров секций, проектов, общепрограммного семинара и привлечение, насколько это возможно, молодых современно образованных исследователей в штат Института.

Третье - развитие системы образования на базе академического института. В этом направлении уже много сделано. В том числе и для расширения нашей библиотеки как не только научно-исследовательской, но и учебной - для студентов.

Кроме того, я продолжаю руководить собственным исследовательским проектом по проблематике социальной идентификации личности и тенденций солидаризации в нашем обществе. Это очень богатая и постоянно открывающая неожиданности тематика. Сейчас мы с коллегами готовим обширную книгу под названием «Я, мы и они». Книга будет не совсем обычной, рассчитанной одновременно и на специалистов и на широкого читателя. Посмотрим, удастся ли эксперимент.

Что же удалось сделать? Трудно сказать, потому что во всех этих направлениях что-то не удалось так, как хотелось бы. Но у меня нет чувства «полного провала» в жизненных планах. Возможно потому, что всегда пытался ставить более или менее осуществимые задачи.

Интересное наблюдение из нашего исследования периода работы в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники (ЛЮИИЕТ). Мы с группой молодых психологов из сектора М. Г. Ярошевского осуществили проект изучения эффективности работы научных групп и обнаружили, что состояние оборудования (исследование проводилось в биологическом институте) не коррелирует с показателями продуктивности работы. Один из ведущих ученых объяснил этот, нам

казалось, странный феномен очень просто: я никогда не берусь за работу, которую нельзя выполнить без уже имеющихся средств. То есть наши биологи-молекулярщики так строили свои планы, что легко переходили к теоретическим проблемам, если упирались в невозможность дорогостоящих экспериментов. В социологии на малых выборках можно получить не менее ценные данные, если хорошо обдумать теоретические гипотезы. Я уже не говорю о качественной методологии и вторичном анализе статистики.

Вопрос: Для ученого в сфере социальных наук важна методологическая позиция и пристрастия. Каково Ваше отношение к современным социологическим теориям и подходам и Ваше кредо научной веры?

Ответ: Я уже говорил, что становлюсь приверженцем деятельностного подхода в социологической теории. Думаю, что здесь богатые возможности интеграции основных теоретических направлений: и Маркса, и структуралистов, и микросоциологических подходов.

Не случайно, но вполне целеумышленно я предложил издать в русском переводе книгу П. Штомпки «Социология социальных изменений», и на днях выйдет из печати учебник Э. Гидденса «Социология» с подзаголовком «Пособие конца 90-х гг.» Гидденс - один из лидеров активистского, деятельностного направления в современной теории, утверждающий, вслед за Марксом, принцип активного преобразования субъектом социальных структур (теория структуриации). Штомпка стремится в своей теории «становления общества» интегрировать деятельностные подходы Маркса, Э. Гидденса, М. Арчер, Дж. Александера, П. Бурдьё и других, не игнорируя структуралистов и феноменологов. Мне представляется, что здесь, в этих поисках нащупывается выход из того состояния, которое называют иногда «кризисом социологической теории».

В теоретической социологии, я думаю, ситуация хотя и не вполне определившаяся, но все же намечается «свет в конце туннеля»: у экономистов, как я наблюдаю, дела обстоят иначе. То, что теоретики-экономисты называют «мейнстрим» (основное течение в теории) - это не более чем признание сосуществования разных школ - кейнсианцев, монетаристов и структуралистов. Интегративной концепции пока что не обозначается.

Особая проблема - с русской социологической классикой. Русские школы в социологии остались в истории мировой науки и, помимо Питирима Сорокина, не были интегрированы в современную мировую социологию. Причина известна: советская власть отменила разномыслие в социальной теории. Если бы свобода научного творчества не была закована в жесткие цепи, уверен, что именно активистское направление получило бы толчок в России и могло стать лидирующим в мировой социологии. К этому были все предпосылки: марксизм, русская субъективная школа Михайловского, Кареева, Лаврова, социология Сорокина, который первым объединил в одно целое социальное и культурное в социокультурной динамике. Не дано было случиться такому, а вполне могло бы...

Вопрос: Во всяком случае, предыдущий вопрос тесно связан с проблемой мотивации преподавательского и научного труда, его продуктивности. Можете ли вы назвать наиболее значимые, с вашей точки зрения, собственные научные и педагогические достижения, которые являются этапными в вашем творчестве? Что, по

вашему мнению, более всего стимулировало вашу активность: мотив познания, жажда успеха, стремление к власти в академическом поле или другие факторы?

Ответ: О мотивации собственной деятельности трудно говорить. Один ответ покажется рисовкой, другой - неискренним самоуничижением. Можно заведомо сказать, что нет исследователей, которых бы не подталкивал интерес к предмету и которые были бы равнодушны к признанию их работы научным сообществом. Зачем же тогда публикуют свои труды?

Из достижений наиболее значимыми я считаю прежде всего разработку диспозиционной теории регуляции социального поведения личности, наш коллективный труд «Человек и его работа», несколько изданий учебника по методологии социологического исследования. Наверное, и книга «Социология в России» под моей редакцией - явление значительное.

Вопрос: Каковы сегодня материально-технические и организационные условия функционирования Института социологии РАН? Как Вы оцениваете достижения Института? Имеются ли у него перспективы и с чем они связаны? Имеется ли какая-либо продуманная стратегия развития Института социологии РАН?

Ответ: Материально-техническая база Института сейчас вполне удовлетворительная. Полная компьютеризация, «интернетизация», реконструируется и богато пополняется библиотека, создано свое издательство. Плохо, как и всем, с зарплатой. Поддерживают исследовательские гранты и гранты на развитие образования. Стратегия дальнейшего развития, как она фиксирована и в общеинститутской программе, нацелена на изучение социальных проблем России в контексте мировизации социально-экономических процессов с акцентом на работу в области теории и методологии. Поэтому мы стараемся «придерживать» заказные проекты, сугубо прикладные разработки. Такие исследования составляют не больше 10- 15% в общей институтской тематике. И второй вектор развития Института - интеграция с образовательной деятельностью, особенно магистратура.

Узкое место - организация конференций, международных и общероссийских симпозиумов. Не хватает сил добывать деньги на все сразу. Однако надо эту «прореху» ликвидировать.

Вопрос: В каком направлении, с вашей точки зрения, развивается современная российская социология?

Ответ: В российской социологии определенно происходит размежевание академического (исследовательского) и прикладного направлений. Уже возникла Ассоциация исследователей общественного мнения и маркетинга. В эту область будут вливаться молодые специалисты, получившие должное образование. И в первом и во втором векторах развития трудности очень значительны.

Все зависит от выхода страны из экономического кризиса. В начале года на конференции «Россия сегодня» коллеги сообщали на основе своих исследований, что произошел перелом на «рынке труда» молодых специалистов. Социологи и психологи опередили экономистов, «рынок» которых, видимо, насытился быстрее. Правда, обнаруживается, что особым спросом пользуются выпускники наиболее продвинутых университетов и высших школ: усиливается процесс дифференциации высших учебных заведений по качеству образования, и конкуренция здесь будет нарастать.

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о ваших личных намерениях и целях. Какие исследовательские планы имеются в вашем багаже? Что уже осуществлено, что предстоит сделать?

Ответ: Ближайший план - книга, о которой я говорил. Далее мы начинаем исследование по гранту РГНФ, смысл которого - изучение процессов конструирования социальной реальности разными группами населения страны.

Интервью подготовил и провел В. В. Козловский

. А. Тириакиян

**ПИТИРИМ СОРОКИН:
МОЙ УЧИТЕЛЬ
И ПРОРОК СОВРЕМЕННОСТИ***

Предисловие

Для меня большая честь и удовольствие выступить на этом памятном собрании. Мы все приехали сюда из различных стран с различным историческим опытом, и это имеет разные значения для нашей жизни. Однако, собравшись здесь, мы сразу же объединяемся в единую интеллектуальную семью, в центре которой наши чувства восхищения, любви и уважения к Питириму Александровичу Сорокину, который родился в глухой деревне в России 110 лет назад. Я уверен, что этот великий *провидец*, - потому что Сорокин предвидел как наше время и условия человеческой жизни в период поздней модернизации, так и развитие социологии [1] - был бы очень рад, что его работа получила признание на его родине. И что принесло бы ему наибольшее удовлетворение, это то, что его «возвращение на родину» способствовало стимуляции дальнейшего развития постсоветской, посткоммунистической социологии в Российской Федерации и СНГ. Более того, он знал из своего личного опыта и наблюдений, что нужно для того, чтобы социология могла играть конструктивную роль в перестройке российского общества в переходный, кризисный период.

Накануне революции более 80 лет назад социология в России только начиналась, и Сорокин, еще будучи студентом, тогда, когда не было еще факультета социологии, занялся изучением права и обществоведения, уже в возрасте 25 лет опубликовал работу «Преступление и кара». Ему довелось в последующие несколько лет быть свидетелем стольких преступлений и наказаний, большинство которых были политическими, совершавшимися защитниками общественного порядка. Я вернусь еще к этому вопросу, когда буду говорить о его исследованиях «поздней модернизации».

Когда он стал первым заведующим кафедрой социологии в Петроградском университете в 1919 г., он уже пережил, как и Достоевский, «опыт приговоренного к смертной казни». Я думаю, что американцы не могут представить, какие тяжкие испытания перенес Сорокин в период 1917-1921 гг. в качестве политзаключенного и пережившего ужасный голод, который, к сожалению, является уделом многих русских и сегодня.

Как мы знаем, Сорокин покинул свою родину в 1922 г., и с его отъездом, а также с

отъездом Георгия Гурвича, его университетского товарища, который обосновался во Франции и фактически обновил французскую социологию в Сорбонне², Россия потеряла двух великих социологов нашего века. Сейчас, на пороге нового века, признание Сорокина и его «социологии вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня», заимствуя термин из его президентского обращения 1965 г. [3, Р. 833-843], будет во многом способствовать ренессансу русской социологии. В свою очередь, согласно традиции, которая восходит к основателям нашей дисциплины Сен-Симону и Конту, ренессанс социологии должен иметь в качестве конечной миссии перестройку современного демократического общества России, которое не будет ни копией прошлого, ни копией какого-либо современного постиндустриального общества.

* Автобиографические заметки об этом см. у Джорджа Гурвича [2, с. 3-12]. Сорокин и Гурвич сохранили связь на всю жизнь, что отражается в том, что Гурвич участвовал статьей «Социальная структура и множественность времен» в юбилейном издании в честь Сорокина, которое я подготовил в 1963 г. (Sociological Theory, Values and Sociocultural Change), а Сорокин написал вступление к работе Филиппа Боссермана, где он представлял социологию Гурвича («Диалектическая социология», 1968), это была одна из последних работ Сорокина. [Назад](#)

Но это было бы претенциозно с моей стороны говорить о будущем России и русской социологии. Что мне хотелось бы здесь, это, во-первых, поделиться своими краткими воспоминаниями о человеке, которого я знал в течение последних 15 лет его жизни, и, во-вторых, привлечь внимание к его работам последнего периода, которые, хотя и не такого же социологического масштаба, как его великие работы, опубликованные в 1920, 1930 и 1940-е гг., тем не менее удивительно современны. Нет сомнений, что Сорокин был социологическим гигантом, чьи пионерские исследования «Социология революции», «Социальная мобильность», «Современные социологические теории» и, конечно, «Социальная и культурная динамика» (называя только наиболее выдающиеся) - очертили основные рамки для важных социологических проблем. Но хотя он был академическим профессором, он был также пророком, который чувствовал свою ответственность, чтобы критиковать и изобличать определенные условия и поведенческие модели современного модернизированного общества, чтобы предупредить о последствиях и попытаться подготовить нас к преодолению ценностного кризиса поздней модернизации. Перечитывая его «мелкие работы» 1950-х и 1960-х годов, я был поражен тем, насколько они адекватны, если не ко всему западному миру, то, по крайней мере, к США как к стране, являющейся форпостом модернизма. Следовательно, во второй части моего сообщения я коснусь того, что Сорокин говорил в частности о власти, сексе и морали - темы, которые особенно актуальны для американской нации сегодня. Учитывая, что эта международная конференция внесет вклад в новые связи между американской и русской социологией, я также хотел бы обсудить некоторые вещи, которые Сорокин говорил о США и о России, и здесь, я полагаю, он также был пророком.

Призвание пророка часто дорого обходится человеку, так как повседневный мир институционализированного общества не любит тех, чей голос является «гласом вопиющего в пустыне», а Сорокин был таковым большую часть своей жизни. И он дорого платил за это.

Что касается личности Сорокина, я не думаю, что ему *нравилось* критиковать своих современников, будь то в области социологии или в других сферах. Однако его деятельность и печатные труды были критическими, он критиковал тенденцию западного общества к переходу в «состояние дегенерации», критиковал социальные элиты и критиковал то, что он называл «псевдонаучными» ориентациями социальной науки. В этом отношении Сорокин был резким и непримиримым и не старался быть вежливым со своими американскими коллегами, так же как это делал Торстейн Веблен за поколение до него или С. Райт Миллс.⁴ Он не был человеком *склочным*, как некоторые пророки; он был одновременно человеком *страстным* и человеком *сострадающим*. Поэтому позвольте мне вернуться назад и рассказать кое-что о моих встречах с Сорокиным, а затем я поделюсь с вами тем, что я считаю наиболее важным, что имеет значение для нашей ситуации поздней модернизации.

* Хотя я не могу подробно рассматривать это здесь, интересная глава американской «критической социальной теории» еще должна быть написана, где будет проведено сравнение и конвергенция между Сорокиным и Миллсом в 1950 и 1960-е гг., и рассмотрена их общая критика псевдоисторических недостатков доминировавшей тогда теории «социологического воображения», и также их обвинения в адрес американской «властвующей элиты» и ее вовлеченности в войну против стран третьего мира, такую, как вьетнамская война. [Назад](#)

I. Сорокин: Первые встречи

Моя первая встреча с Сорокиным произошла осенью 1952 г., когда я стал аспирантом на факультете человеческих отношений Гарвардского университета. К 1950-м гг. Сорокин уже не преподавал (не вел курсы лекций и семинаров), но существовал ритуал, когда раз в неделю аспиранты по социологии собирались, чтобы встретиться со светилами факультета, которые спускались с олимпийских высот по этому случаю и выпивали стаканчик вина с неофитами. Я уже прочитал некоторые работы Сорокина во время моей учебы и, вероятно, лелеял амбицию в эти первые осенние недели написать докторскую диссертацию уровня «Социальной и культурной динамики», этого «блестящего опуса» (*magnum opus*), т.е. зрелой работы, не характерной для начинающего ученого, - и это будет оправданием выбора меня аспирантом ведущей кафедры страны, *ad astra per esepa*. Я, возможно, поделился этой амбицией с другими аспирантами из моей когорты.

Каково же было мое удивление, когда Сорокин, посмотрев на нас, сначала на каждого из нас, а затем на всех вместе, улыбнулся и сказал:

«Дамы и господа, если я могу дать вам полезный совет, который другие вам не дадут, то это совет написать вашу диссертацию как можно быстрее и как можно лучше. Для диссертации выберите небольшую тему исследования, делайте ее

хорошо, но не тратьте на нее много времени. Получите свою профсоюзную карту, которой является докторская степень, и уже *потом*, после этого делайте что-то серьезное и стоящее!»).

Я был поражен, поскольку я ожидал, что Сорокин настроит нас на выбор для диссертации крупной проблемы, но эти его слова изменили мою ориентацию на аспирантские исследования и я действительно получил свою профсоюзную карту довольно скоро.

После этой короткой встречи я не предполагал, что мне представится случай снова встретиться с Питиримом Сорокиным, но судьба распорядилась иначе. В начале второго года моей аспирантуры осенью 1953 г. я обратился к директору по аспирантуре Гордону У. Олпорту (который был хорошим другом Сорокина), чтобы узнать, какое финансирование будет у меня на следующий год. Его секретарь сообщила мне, что я получил грант на преподавание, и она добавила, что в следующий семестр я назначен ассистентом-преподавателем у Сорокина на его курсе по истории социологической мысли. Может показаться странным в этой аудитории, но ее слова означали для меня все равно как если бы мне сказали, что я должен провести время в чистилище. Она добавила, что на следующий весенний семестр, когда меня прикрепят к кому-нибудь другому, я буду вознагражден

В 1950-е гг. облик Сорокина на кафедре был образом интересного человека, но маргинального, который прежде написал несколько очень хороших социологических работ, таких как «Социальная мобильность» и «Современные социологические теории», но затем в своих более поздних работах удалился не в социологию, а скорее, в социальную философию, мало полезную для аспирантов. И, кроме того, в 1950-е гг. существовал некий оптимизм об американском обществе и о социологии. После второй мировой войны было стремление перестроить социологию, совершить великие дела, и поэтому кто обращал внимание на пожилого человека, который возмущался состоянием вещей в мире и занялся исследованием такой не социологической проблемы, как альтруизм?

И все-таки работа ассистентом-преподавателем на этом курсе была наиболее счастливым событием моей академической жизни. Кроме того, извлекая выгоду из его громадной эрудиции, слушая его лекции, я также в самом начале семестра воспользовался тем, что он заметил меня, когда накануне одной из его лекций он простудился и у него сел голос. Его секретарь позвонила мне и сказала, что если я не захочу заменить его и прочитать лекцию, он сможет это сделать на следующий день, и я должен объявить классу, что лекция переносится из-за болезни проф. Сорокина. Я спросил, какая тема лекции, и секретарь сказала «Герберт Спенсер». В 1950-е гг. Спенсера уже не читали и не преподавали студентам социологии.* Но я сказал, что, конечно, я буду рад прочитать эту лекцию. Я бросился в Гарвардскую библиотеку и лихорадочно прочитал все, что мог, написанного Спенсером и о Спенсере, и дал лекцию на следующий день. Очевидно, это было не очень плохо, потому что слухи об этой лекции дошли до проф. Сорокина, и он пригласил меня в свой кабинет, чтобы поговорить о моих научных интересах. Он был рад узнать, что я интересуюсь философией и историей и, прежде чем закончился семестр, он проявил неожиданное гостеприимство,** пригласил меня (и мою невесту) к себе домой в Винчестер, где мы имели удовольствие познакомиться с Еленой Сороки-

ной, которая сама была замечательным ученым.

* Талкотт Парсонс писал в начале своей книги «Структура социального действия» (которая впервые была опубликована в 1937 г., в том же году, когда вышел первый том «Социальной и культурной динамики») знаменитую цитату известного гарвардского историка Крейна Бринтона: «Кто читает сегодня Спенсера»? Этого было достаточно, чтобы аспиранты не трудились читать что-либо об этом британском социологе. [Назад](#)

** Кроме других благожелательных жестов, Сорокин однажды позвал меня к себе в кабинет и сказал, что его друг, который заведовал кафедрой в университете Дюка, написал ему о том, что у него есть вакансия ассистента, и не может ли Сорокин порекомендовать ему кого-либо? Сорокин спросил меня, хочу ли я получить эту работу. Я был очень польщен, но сказал ему, что отказываюсь (я не слышал ничего об университете Дюка в то время!), потому что я всего лишь аспирант второго года обучения и еще не сдал экзамены и не закончил курсовую работу. Сорокин согласился, что было бы неумудро принять предложение. По странному совпадению оказалось, что тогда я впервые услышал о том месте, где я провел большую часть моей академической карьеры. [Назад](#)

Было много мелочей, которые способствовали развитию моих отношений с Сорокиным и которые переросли в дружбу на всю жизнь. Я скоро стал ценить его как одного из самых мощных интеллектов, когда-либо встреченных мною. И вероятно, именно это его качество давало ему превосходство по сравнению с его соперником по кафедре Талкоттом Парсонсом (который также имел мощный интеллект). Потому что, по крайней мере, аспирант социологии не мог сравняться интеллектуально с Сорокиным: он просто знал так много и имел такие сильные убеждения, что можно было только слушать его благоговейно; ничего или немного можно было предложить ему в качестве интеллектуального обмена. Я, вероятно, чувствовал бы такое же благоговение в присутствии Макса Вебера. Парсонс же, напротив, казалось, хотел иметь интеллектуальное сотрудничество со своими студентам (и фактически, со многими студентами других дисциплин), и он стал консультантом моей диссертации (насколько мне известно, Сорокин не руководил и не консультировал докторские диссертации в период перед уходом в отставку). Когда я был студентом, один блестящий историк преподавал мне историю *дипломатии*, но моя аспирантура в Гарварде дала мне замечательный практический опыт дипломатии, когда я балансировал между моим руководителем диссертации Талкоттом Парсонсом и Питиримом Сорокиным, моим старшим другом. Окончательной проверкой этого хождения по натянутой проволоке было распространение Сорокиным среди своих студентов и коридорах факультета десятистрочного документа, в котором он рассматривал «Сходства и различия между двумя социологическими системами». Проводя сравнение между работой Парсонса «Социальная система» и ранее опубликованными работами Сорокина, читатель этого документа (который мог бы носить заимствованное у Достоевского название «Социологические записки из подполья») мог сделать вывод, что Парсонсу не удалось бы оправдаться перед Сорокиным за поразительное сходство концептуаль-

ных схем. Я не буду больше распространяться об этом эпизоде, но я помню, как мне было грустно, что эти два гиганта социологической теории сталкивались между собой.

Это, конечно, было проверкой моих дипломатических способностей взаимодействия с обоими учеными, при том, что каждый из них знал, что поддерживаю отношения с другим.

Теперь я оставлю свои воспоминания и перейду к основной части своего выступления, которое сфокусировано на следующей проблеме: в чем актуальность Сорокина в сегодняшний период поздней модернизации?

II. Актуальность идей мировоззрения Сорокина

Присущее Сорокину острое чувство социокультурных изменений, опыт которого он получил в годы формирования его взглядов, когда происходило множество насильственных действий, и которое он приобрел, объективно изучая историю, позволило ему сделать анализ «глубинных структур», которые лежат в основе широкомасштабных общественных систем, а также поставить диагноз будущих тенденций. Он являл собой пример того, что С. Райт Миллс считал необходимым для «социологического воображения» [4].

На общем уровне чтение Сорокина сегодня - это стимул для социологического воображения, *потому что очень многие его работы предвосхищают основные и наиболее значительные аспекты нашей сегодняшней ситуации*. Более того, вызов социологам, брошенный в работе «Россия и Соединенные Штаты» - это выведенное из его публикаций то, что может быть названо «исследовательской программой по интегральной социологии». Отправной точкой должен быть подход Сорокина, который принимает за сравнительную единицу макроанализа цивилизацию, а не страну-государство. Структурный и динамический анализ цивилизаций *и их интерпретации в огромном множестве разных процессов глобализации* дают громадное поле для сравнительных исследований. Это особенно справедливо для США и России, т.е. обе эти страны были и продолжают быть подверженными влиянию многих цивилизаций в результате как прежних территориальных завоеваний, так и современной иммиграции.

Несколько лет назад известный американский политолог Самуэль Хантингтон выдвинул идею, что эра, наступившая после холодной войны, превращается в новый международный порядок, состоящий из цивилизаций, а не из государств, которые конкурируют за ресурсы модернизации; и его анализ признает приоритет Сорокина в изучении цивилизаций [5]. Я согласен с Хантингтоном в том, что настало время, когда «цивилизация» должна стать стратегической единицей макроанализа, потому что она является крупномасштабной социокультурной единицей в появляющемся «глобальном веке». Имеющей больше смысла, чем страна-государство, которая была основной макро-единицей анализа (даже в так называемом «анализе мировой системы», которому недостает культурной специфики и дифференциации). Но Сорокин, вероятно, не согласился бы с дальнейшим рассуждением Хантингтона, что различные цивилизационные условия - например, западная, исламская или конфуцианская цивилизации - имеют фундаментально нулевой результат в конкуренции друг с другом за ресурсы модернизации. Если я верно прочитал Хантингтона, он, кажется, делал вывод, что самой лучшей политикой для

США и для Запада является отделение от вторжения других цивилизаций и от влияния на них, так, чтобы избежать глобального конфликта. Я не думаю, что это возможно при теперешних процессах глобализации, так как например ислам существует не только вне Запада, но также и все больше внутри Запада (североафриканские и турецкие иммигранты, осевшие в Германии, Франции и т.д.), ислам также существует и в Восточной Европе (на Балканах) и в бывшем Советском Союзе.

Я думаю, что Сорокин предложил бы как часть новой исследовательской программы изучить, как «интегральная социология» могла бы привести, после тщательного сравнительного и исторического исследования, к рассмотрению происходящего культурного синтеза интерактивных цивилизаций, к скорее созидательным, чем деструктивным контактам. Такие контакты могли бы затем стать базой новых «идеациональных» или «идеалистических», форм социокультурных моделей, которые, как предвидел Сорокин, придут на смену старым в новом столетии и заменят уже истощенную чувственную цивилизацию.

В работах Сорокина я хотел бы привлечь ваше внимание к нескольким специфическим проблемам. Во-первых, в отличие от некоторых секуляризационных пророков периода поздней модернизации, которые смотрели на этот период с глубоким пессимизмом из-за неизлечимых пороков, Сорокин видел «свет в конце туннеля», потенциал для нового витка культурного роста и развития. Во-вторых, и это связано с первым, хотя Сорокин хорошо понимал в 1930-е гг. деструктивные возможности новых войн и других стихийных бедствий, вызванных деятельностью человека, он также и после войны в 1950-1960-х гг. не видел социокультурной основы для конфликта между Советским Союзом и США; нет нужды говорить, что это было время, когда «холодная война» была главной структурой международных отношений, включавшей очень много опасений и предчувствия в недалеком будущем многих катаклизмов между этими двумя странами.

Сорокин, который умер в 1968 г., не предвидел распада Советского Союза, но тогда никто этого не предвидел. Но я хотел бы упомянуть, что он в своем первом исследовании дал убедительный анализ того, что США и Россия *имеют очень много сходства и что они скорее будут друзьями, чем врагами*. Хотя это было написано в 1944 г., когда США и Россия были номинально союзниками в войне против держав Оси, уже тогда начало появляться некоторое недоверие, и Сорокин написал работу «Россия и Соединенные Штаты» [6], чувствуя, что это недоверие, основанное на якобы культурных и других различиях, могло иметь отрицательные последствия и должно быть скорректировано путем социологического изучения сходства двух стран.

III. Россия и Соединенные Штаты (1944)

Сравнительные социологические исследования Соединенных Штатов либо имеют тенденцию либо подчеркивать американскую «исключительность» (линия анализа, которая восходит к Алексису де Токвиллю и его ключевой работе «Демократия в Америке»), либо проводят сравнения с другими англо-саксонскими странами, с которыми они имеют общее наследие, в частности, с Канадой, которая находится к северу от США [7]. Намного опередив время, Сорокин в своем сравнительном исследовании США и России, хотя и выделяет некоторые мелкие различия, высве-

чивает довольно удивительные сходства в ценностях и институтах, начиная с фактического утверждения того, что эти две страны никогда не воевали друг с другом за всю историю США; анализ привел к выводу о возможности прочного мира между двумя странами. Нет нужды говорить, что в течение почти полувека большинство «экспертов» по русско-американским вопросам ожидали совершенно иного результата, и мы все очень рады, что Сорокин оказался прав. Это сравнительное исследование, сделанное в 1944 г., должно быть заново «открыто» новым поколением американских и русских социологов, которым любопытно узнать о «другой» стране.

Сорокин анализирует структурные факторы, лежащие в основе нерушимого мира, и этим он проявляет свое знание «изнутри» российской и американской истории, русских и американских социальных институтов. Обе страны, - указывает он, - характеризуются *единством разнообразия*, это сплоченное социальное целое, основанное на этнической и расовой гетерогенности, которая способствует культурному богатству и многообразию [6 с. 33]. Так же, как в США произошла отмена рабства в 1860-х, так и в России в 1861 году было отменено крепостное право. Сорокин развенчивает различные мифы о России, начиная от «беспощадного угнетения» этническими русскими других народов [6 с. 38] и кончая мифом о мистической, непрактичной «русской душе», которая является полной противоположностью рациональной, расчетливой, неэмоциональной «американской души» [6 с. 48]. Вероятно, еще более пронзительным был его вывод о коренном сходстве «в существе демократической структуры основных социокультурных институтов» [6 с. 63]. Иностранцы наблюдатели России - до-татарского и пост татарского периодов, и особенно второй половины XIX века и даже настоящего (вспомним, что это было написано в 1944 г.) послереволюционного периода - преувеличивали автократический аспект режимов в России, вплоть до уровня семьи. Сорокин обсуждает корни политической и экономической демократической природы крестьянской системы, представленной *миром и общиной*, и после 1861 г. местным провинциальным и муниципальным самоуправлением - *земством* (стр.75). С IX до XX в., отмечает он, политическая система России была по своему функционированию демократической, так же как и большинство европейских стран; и там, где царский режим проявлял автократические тенденции, это было под германским влиянием, «который подражал автократии Фридриха Великого» [6 с. 89]. Россия, как и США, после 1860-х гг. вступила в период большой модернизации, включая становление общества, в котором *все граждане равны перед законом*, с возможностями социальных достижений в соответствии с талантом. После того как была принята конституция 1906 г., в довоенной России были даны основные демократические свободы [6 с. 133], а также произошел значительный социальный (в вопросах здравоохранения и образования) и экономический прогресс (включая рост уровня жизни и дохода на душу населения), который почти был равен уровню США [6 с. 143].*

* Я встретил интересное подтверждение этому в докладе французского экономиста Эдмона Тьери [8, р. 261], который заключает свой доклад утверждением, что то, что происходит в России - это «великая экономическая реформа». [Назад](#)

Коммунистическая революция была неожиданным шагом назад, вину за который Сорокин возлагал в основном на таких преступников, как Троцкий, Рыков, Каменев и Зиновьев (с.207), но эта деструктивная фаза революции закончилась термидорианской реакцией в виде «политических чисток» 1930-х гг. Он считал, что подспудные демократические тенденции российского общества стали возрождаться и это будет продолжаться и после войны. США и Россия должны осознавать свою совместимость и даже взаимную дополняемость: Соединенные Штаты должны влиять на Россию с тем, чтобы оно покончила с нарушениями прав человека, тогда как Россия должна обогащать культуру, особенно искусства и науки в США [6 с. 210]; и обе страны должны сотрудничать с тем, чтобы построить новый мировой порядок без войн [6 с. 211]. В заключение Сорокин выдвигает в качестве условий для длительного мира реинтеграцию и переоценку современных материалистических ценностей, распространение обязательных норм и ценностей на все государства, ограничение государственного суверенитета в отношении войны и мира, и установление «высшей международной власти, облеченной властью принимать обязательные и поддержанные силой решения всех международных конфликтов [6 с. 235].

IV. Основные тенденции нашего времени (1964)

Сорокин начинает с диагноза трех долговременных тенденций нашей продвинутой модернизации. Во-первых, за многие годы до других Сорокин заметил, что центр творческого лидерства смещается с Европейского Запада через Атлантический океан на более широкую область Тихого океана [6 с. 13].* Этот эпохальный сдвиг принес «возрождение великих культур Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [6 с. 15]. Вторая секуляристическая тенденция - это упадок и разрушение доминирующей чувственной культуры и систем ценностей Запада. Третья тенденция - это эмбриональное зарождение нового «интегрального» порядка в обществе, ценностей и личности. Здесь он в сжатой форме представил большую часть того, что есть в работе «Социальная и культурная динамика», и его обсуждение первой тенденции предвосхитило всплеск недавнего интереса к «постколониальным исследованиям», которые дают слово не-западным культурам. Он отметил расширение научно-технического поля среди азиатских и африканских народов; расширение их креативного лидерства (отраженное в международных призах и наградах за выдающиеся достижения); растущее влияние на Запад восточных философий, религий, этических, легальных и художественных ценностей и т.р. [6 с. 65-67].

* Я не отметил предвидение Сорокина, когда писал статью [9 р.131-147]. Не заметил этого и Андре Гундер Франк в его более поздней работе о перспективе сдвига с Запада на Восток [10]. [Назад](#)

В качестве альтернативы против раздельного цивилизационного развития он выдвинул идею невраждебного взаимодействия между Востоком и Западом,

новый, дополняющий, комплиментарный, «интегральный порядок». Для Запада этот новый интегральный порядок потребует возрастания «спиритуализации» и «идеализации» западного мира путем «забвения чувственных псевдореальностей и превознесения вечный и универсальных чувственных ценностей» (с. 71); для восточных народов первоочередным вопросом является значительное улучшение материального положения масс [6 с. 71]. В сущности, есть настоятельная необходимость обновить существующие суперкультурные системы каждой крупной части человечества, которые сейчас представляют собой «дизинтегрирующий чувственный порядок Запада» и «окаменевший идеалистический порядок Востока» [6 с. 71]. Существует возможность в качестве альтернативы катастрофической дезинтеграции двух больших цивилизационных систем построить новый интегральный порядок, соединяющий творческие ресурсы обеих систем. Этот новый порядок, - добавлял он, - может развиваться только при условии отсутствия самоубийственной глобальной войны.

Лейтмотив Сорокина об «интегральном» порядке звучит также и позднее, там, где он вновь обсуждает вопрос о конвергенции между США и (тогда) Советским Союзом. Вспомним, что в то время, когда он писал это, был пик холодной войны и конфронтации СССР и США в ООН, и каждая сторона считала, что будущее принадлежит ей. Сорокин предполагает здесь, что если войны удастся избежать, в будущем доминирующей формой общества и культуры будет не капиталистическая, не коммунистическая, а скорее, промежуточная, интегральный тип между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни [6 с. 78]. Этот новый тип будет иметь унифицированную систему интегральных культурных ценностей, социальных институтов и типов личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических моделей.

Далее Сорокин в деталях рассматривает основные черты конвергенции, происходящей между двумя мирами, которые в значительной степени соответствуют его работе 1944 г., с некоторым обновлением материалов.

Меня могут спросить, как его видение поздней стадии модернизации выдерживает проверку временем.

С одной стороны, Сорокин, как и остальные, не предвидел бескровную «победу» капитализма над коммунизмом, так как в течение последних около десяти лет казалось, что мир (или, по крайней мере, властные элиты) стремится к переходу к рыночной экономике путем «приватизации» того, что раньше было «национализировано». Но я не уверен, что мы не наблюдаем сейчас эхо деструктивной фазы коммунистической революции, когда банда Троцкого и других пыталась сделать революцию перманентной и интернациональной за счет местных условий; и была термидорианская реакция, как вы помните, вызванная деградацией жизни и ухудшением условий жизни. Я думаю, что, возможно, будет серия термидорианских переворотов в разных частях света, но без возврата к политической автократии прежних режимов. И эти термидоры могут быть вызваны новыми движениями национального самосознания, секуляристскими или религиозными движениями, или какими-то новыми переходными формами обращения к совести или социальной справедливости, о чем говорил недавно Папа Римский, призывая простить долги третьего мира в год тысячелетнего юбилея.

Но Сорокин был прав, рассматривая США и Советский мир как проявляющие всех больше сходства, несмотря на идеологические заявления. В этой книге, как и раньше, он предвидел все увеличивающуюся *поляризацию* мира, но эта поляризация - явление внутри поздней чувственной цивилизации, когда с ускорением процесса распада и декаданса население становится все более поляризованным.

На негативном полюсе имеет место все большая деморализация в межгрупповых и межличностных отношениях, моральный цинизм, коррупция и вульгарный сексуализм [6 с. 141], отражающиеся в резком росте разводов, добрачного и внебрачного секса. Вот как Сорокин пишет об этом: «Мы в действительности живем в век огромной негативной моральной поляризации, которую вряд ли можно найти в истории человечества» [6 с. 141].

Негативная поляризация также производит положительную поляризацию, например, в форме неинституционализированной религиозности и интенсивного поиска лучшей реальности и высших ценностей, или окончания длительных ссор между конфессиями и поиска объединения религий, или альтруизма (Сорокин легко бы признал работу Матери Терезы «Медицина без границ» в этом русле), или освобождения народов от колонизации.

Еще раз хочу сказать, что Сорокин здесь выдвинул эвристичную концептуальную схему в виде идеи моральной поляризации - сильно отличающейся от марксистского понятия поляризации как ситуации классового конфликта. Но эта схема должна быть частью исследовательской программы изучения поздней стадии модернизации: тщательная оценка компонентов позитивной и негативной поляризации, которые можно изучать и внутри стран - например, США и России, и в глобальном масштабе.

V. Власть и мораль Американская сексуальная революция (1956).. Кто будет охранять охранников? (1959)

Теперь я рассмотрю две «маленькие», но в высшей степени релевантные и актуальные работы, опубликованные с небольшим промежутком времени. Вероятно, ничто не может служить лучшим примером или типологией ускоряющегося упадка «чувственной» культуры, чем радикальное ослабление сексуальной морали, с одной стороны, и рост преступности правителей, с усилением их власти, - с другой. В этих двух полемических и острых работах Сорокин коснулся того, что я считаю огромными «черными дырами» 1990-х гг., актуальных в США как нигде. Непосредственным толчком для работы «Американская сексуальная революция» послужила публикация доклада Кинзи о сексуальном поведении американцев (данные этого доклада подвергались сомнению относительно их достоверности). Но Сорокин пошел дальше этого доклада, проработав исторические документы прошлого и настоящего, чтобы показать появление «аморального общества». Он внимательно рассмотрел негативные социальные последствия сексуальной анархии, влияющие на семью, на искусство и на такие институты, как право. Он утверждал, что «когда ... сексуальное моральное разложение с его зловещими спутниками уже глубоко внедрилось в коллективный ум и тело общества, в его поведение и культуру, в его социальные институты и в образ жизни, общество редко добивается успеха в прекращении сползания к катастрофе и, как правило, оно скользит к самой страшной катастрофе» [6 с. 75].

И далее, Сорокин предупреждает, что «наша сексуальная свобода начинает распространяться за границы безопасности, начинает деградировать до анархии» [6 с. 132]. Эта «сексуальная анархия» проявляется в быстром росте разводов, уходов из семьи, добрачных и внебрачных отношений; граница между законным браком и внебрачной связью все более стирается (там же).

Глядя назад, на 1950-е гг., кажется, это был довольно умеренный прогноз американской культурной жизни, и, конечно, сегодняшние «Бумер поколение» и «Икс поколение» посчитали бы тогдашнюю сексуальную жизнь американцев далекой от сексуальной анархии. Действительно, большинство американцев моложе 60 лет не приняли и не признали бы наши сегодняшние сексуальные выражения в средствах массовой информации и в социальных отношениях как часть «сексуальной анархии» или того, что Дюркгейм называл «сексуальной аномией» [11. р. 1025-1053].⁴ Если бы Сорокин вернулся на американскую сцену, он обнаружил бы, что сблизись его самые худшие опасения относительно роста сексуальной анархии, будь то в количестве внебрачных детей (термин, возможно, не совсем политически корректный), частоте разводов (вред которых для детей еще должен быть оценен), поскольку ответственность семьи отступает на второй план перед «более удовлетворительными сексуальными отношениями»; обнаженность и симуляция совокупления становятся характеристиками фильмов типа «R», детская порнография, и последнее, но не менее важное, огромное внимание и сочувствие вокруг споров о требованиях гомосексуалов получить те же права и льготы, которые имеют остальные: в церковном браке, на работе и т.д. Короче говоря, «сексуальные предпочтения», кажется, дают почти неограниченную степень свободы. В предпоследней главе Сорокин, видя, что американская сексуальная революция, кажется, сползает к курсу полной вседозволенности, пишет: «Нет никакой общенациональной образовательной кампании, которая показывала бы нашим гражданам мрачные последствия гипертрофированной сексуальной свободы. Не была развернута борьба с промискуитетом, добрачными и внебрачными отношениями, разводами и распадом семей» [6 с. 131].

* Что касается последствий сексуальной аномии, я обращаюсь к этому вопросу в работе [12]. [Назад](#)

Следует добавить, что сегодня сексуальное образование в системе общественных школ, распространенное даже и ниже возраста teen-age, пропагандирует не абстиненцию, а «безопасный секс» путем инструкции, как пользоваться презервативами, и раздачей их. Тогда как, когда Сорокин писал это, существовал в американском (и советском) обществе идеал целомудрия и моногамии, даже если были нарушения этого идеала, - сегодня в США девушка-старшеклассница или студентка колледжа, говорящая «нет» - это скорее отклонение от нормы, принятой у сверстников, чем правило.

Какова же цена? Сорокин предвидел ужасные последствия проникновения в нашу культуру и социальные отношения сексуальной анархии. Действительно, «у нас тенденция к сексуальной анархии еще не принесла катастрофических последствий.

Но тем не менее синдромы серьезной болезни уже появились» [6 с. 133]. Вероятно, Сорокин увидел ранние признаки распространения инфекций, болезней, которые передаются половым путем. Но глобальная эпидемия СПИД, которая появилась внезапно в 1980-е гг. в сексуальной анархии голубой культуры в крупных городских районах (в барах, банях и т.п.), явилась чумой в истории человечества, которая распространилась из центров «цивилизации» в страны третьего мира и особенно поразила районы Африки к югу от Сахары, где от 1/4 до 1/3 взрослого населения заражены вирусом СПИД. Нет необходимости говорить о том, что смертельный вирус распространяется (отчасти из-за шприцев) и на гетеросексуалов, как, например, больных гемофилией, получивших зараженную кровь путем инъекций, жен бисексуальных мужей, детей, заразившихся в утробе матери. Сорокин был бы весьма огорчен этим, так как известно его сострадание людям, но он не был бы удивлен этими ужасными последствиями сексуальной анархии. Что касается морали власть имущих, он провел представительное исследование со своим бывшим студентом Уолтером Ланденом, в котором он критиковал все увеличивающуюся концентрацию власти в наше время. Также, как и в прежние времена, увеличение этой концентрации ведет к злоупотреблению, безответственности и к использованию разрушительного оружия. Конечно, мы сейчас живем в период, когда концентрация экономической и политической власти достигает еще более высокого уровня, чем тогда, когда Сорокин писал это. На Западе мы каждый день читаем о «союзах» между гигантскими корпорациями с «миллиардными» активами, которые стали общим местом в жизни западных стран (как внутри стран, так и между ними). Подразумевается, что это делается для выгоды держателей акций, чтобы «повысить их ценность», но человеческая цена здесь не учитывается, так как доходы этих корпоративных объединений прежде всего приводят к увольнению рабочих, труд которых становится ненужным. Общественный договор о гарантии занятости на всю жизнь взамен мира и стабильности со стороны рабочих, который де-факто существовал во многих индустриальных странах, теперь сместился на обочину. Сорокин также говорил о правителях, которые сегодня бесконтрольно применяют оружие массового уничтожения. Он был одним из первых и твердых оппонентов вьетнамской войны и был против бомбардировок и химического оружия, применявшегося Соединенными Штатами. Его смелая оппозиция войне была важным фактором того, что студенты социологии вновь открыли его и воспринимали его как икону на конгрессе Американской Социологической ассоциации в Сан-Франциско в 1969 г. Я там был и стоял под лозунгом «Сорокин жив!» на встрече, которую «радикальные» студенты организовали на социологической конференции, посвященной памяти Сорокина. Что сказал бы Сорокин сегодня об американских бомбардировках гражданских целей в Судане (фармацевтический завод) и посылке «умных бомб» в другую исламскую страну - Ирак, который якобы имеет оружие массового уничтожения? Молчаливая война Соединенных Штатов против «демонизированного» правителя и фактическая «холодная война» против Ирана, - это характерные черты американской политики, которую Сорокин вряд ли одобрил бы. На самом деле сейчас, когда я обращаюсь к этой аудитории, мир является свидетелем

лем жалкого спектакля об импичменте американского президента. Сорокин, казалось, имел доступ к волшебному хрустальному шару, когда он писал в «Американской сексуальной революции»: «... секс в различных формах теперь является постоянным и необходимым компонентом нашей политической жизни» [6 с. 50].

Опросы общественного мнения в США показывают, что американская общественность, с одной стороны, знает о моральном разложении высших должностных лиц в республике, а с другой - экономическое процветание страны заставляет принять позицию «страуса, прячущего голову в песок» для того, чтобы не потревожить мир и покой хорошего времени (см. карикатуру из местной газеты). Наверное, можно ожидать, что в период усердного упадка чувств публики предпочтет либерализацию аскетизму. Но это для работ Сорокина будет указанием на то, что большая часть его анализа периода поздней модернизации до сих пор справедлива. Да, как я и предполагал, Сорокин предвидел, что за этой стадией деморализации будет новый, более здоровый «интегральный период», как в политическом, так и в социальном развитии, и, конечно, как он говорил в своем президентском обращении к Американской Социологической ассоциации в 1965 г., это будет способствовать переходу социологии в следующую творческую фазу, которая будет называться «интегральной социологией». Я думаю, что есть причина, почему сама тема «интегрального» ренессанса может найти особенный смысл на русской почве, но также и на американской почве, и это оттого, что обе эти почвы культурно богаты. Но это должна быть часть будущего научного исследования, опирающегося на наследие Питирима Сорокина.

*Пер. с англ. Г. Е. Полторановой
Под редакцией В. В. Козловского*

* Доклад представлен на международном симпозиуме «Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени». Москва - Санкт-Петербург, 4-6 февраля 1999 г. Частично этот проект поддержан Центром славистики евроазиатских и восточно-европейских исследований университета Дюка. [Назад](#)

Литература

- Donald N. Levin. Visions of the Sociological Tradition. Chicago: University Press of Chicago. 1995.
- Gurvitch, G. Mon itin raira intellectuell ou l'exclu de la horde In: L'homme et la societe. N 1. July-September 1966.
- «Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow» - президентский адрес на ежегодном конгрессе Американской Социологической Ассоциации, Чикаго, Сентябрь 1965 г. напечатана в American Sociological Review, 1965. Vol. 30 №6.
- Mills C. W. The Sociological Imagination. New York: Oxford University Press. 1959.
- Huntington S. P. The Clash of Civilization and the Remaking of the World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Russia and the United States. N. Y.: E.P. Dutton and Co. 1944.
- Lipset S. M. Continental Divide: the values and institutions of the United States

and Canada. New York: Routledge, 1990.

Thiery E. LA Transformation economique de la Russie. In: Paris: economiste Européen, 1914.

Tiryakian E. A. The Changing Centers of Modernity In: Comparative Social Dynamics; Essays in Honor of Samuel N. Eisenstadt. Ed. by Cohen E., Lissak M., Almagor U. Boulder, CO; Westview Press, 1985.

ReOrient: global economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998).

Tiryakian E. A. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change In: Social Forces, 59, N4. 1981.

Tiryakian E. A. From Underground to Convention: Sexual Anomie as an Antecedent to the French Revolution. In: Current Perspectives in Social Theory. Ed. by McNall S. G. 5. 1984. P. 289-307.

Г. Шлее

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ В ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

Связи, пересекающие групповые границы (cross-cutting ties), по крайней мере в том смысле, в каком они рассматриваются в данной статье, всегда предполагают наличие групповой границы, которую они пересекают. Вторая компонента - собственно сама пересекающая границу связь - может быть различного вида. Это может быть диадическая родственная связь, скажем, отношения «дядя - племянник», супружеские узы или отношения свойства. Однако это может быть и другой тип групповой аффилиации, поскольку число групп, которые можно образовать, используя различные критерии группового членства и различные способы их формирования, практически бесконечно, а вероятность того, что две такие группы, выделенные на основании разных критериев, будут одинаковы, крайне мала. Таким образом, можно предположить, что границы групп пересекаются и что одни и те же люди могут быть членами разных групп.

Когда о пересекающих групповых границах связей говорят в контексте войн и набегов, то их, рассматривают, главным образом как факторы, противодействующие этим формам вражды. Связи, которыми, как в случае отношений свойства, люди связаны с представителями противостоящей этнической группы или клана, смягчают конфликт между группами или, по крайней мере, регулируют или контролируют проявление насилия. Человек, вероятнее всего, будет избегать того, чтобы нанести вред своим родственникам и, скорее всего, предоставит это другим членам своей группы. М. Боллиг следующим образом обобщает такие гипотезы: «Те, кто одновременно принадлежат двум группам, будут стараться, чтобы конфликты между ними не приводили к насилию. В случае конфликта обе стороны будут требовать от них проявления лояльности к себе, выходом из такой ситуации может быть только быстрое и ненасильственное разрешение конфликта» [1, p. 23]. Межгрупповые, т.е. пересекающие групповые границы связи, ведут к особо острому конфликту лояльностей в тех случаях, когда эти связи представляют особую ценность для деятелей.

Примером может послужить ситуация, когда кто-то берет жену из другой группы. Непохожесть и отдаленность групп, из которых произошли супруги, проявляется тем сильнее, чем шире границы экзогамных групп, независимо от того, идет ли речь о географических или генеалогических критериях. Подобную ситуацию можно выразить в виде утверждения: «те, с кем мы вступаем в брак, - это те, с кем мы воюем», - утверждения, которое Х. Ланг [2] положил в основу своей диссертации, посвященной исследованию экзогамии и внутригрупповых войн в обществах, не имеющих центральной власти.

Война между группами, члены которых связаны друг с другом узлами брака, не может быть объяснена тем, что супружество приводит к войне. Она объясняется факторами не прямой причинности: тех, с кем человек породнился, и тех, с кем он ведет войну, объединяет то, что они являются другими или далекими, и этот общий момент определения как раз и обуславливает высокую степень взаимного наложения двух категорий. Люди вступают в брак за пределами своей группы и за ее пределами они ведут войну. Вот то, что касается диадических связей, пересекающих групповые границы, и трудностей, которые могут возникать при их образовании.

Другим видом связей, пересекающих групповые границы, является тот, который, как мы уже отметили, включает два типа группового членства, пересекающих друг друга. Члены одной и той же однолинейной по своему происхождению группы могут быть рассеяны по различным локальным группировкам, враждебно настроенным по отношению друг к другу. Примером этого могут служить нуэры, исследованные Э. Эванс-Причардом [3]. М. Глакмен был одним из первых,⁴ кто описал возможные последствия существования пересекающих групповые границы связей, состоящие в снижении напряженности межгрупповых отношений, и сделал это очень тщательно и последовательно. Он установил, открыто при этом признавая, что Эванс-Причард не дал этому обстоятельству никакого эмпирического обоснования что в результате географической разбросанности любая из групп, вовлеченных в жестокие конфликты, осознает, что среди ее членов есть и те, кто «относится к мстителям» и оказывает на них давление, чтобы вступить в переговоры с другими группами [4, p. 11f]. Это хорошо согласуется с теорией Глакмена, которая является не теорией конфликта (конфликты происходят повсеместно, потому что существуют групповая дифференциация и конкуренция, например, за обладание властью, и это обстоятельство не требует особых объяснений), а теорией относительного мира: он хочет объяснить, почему насилие в большей степени ограничивают и регулируют, нежели ожидают или избегают. Он стремится объяснить, как он говорит, «сплоченность». На то обстоятельство, что эта позиция восходит к функционалистской традиции, делающей акцент на тех факторах, которые поддерживают общество и восстанавливают в нем равновесие, обычно не обращают внимание. Мы не будем обсуждать здесь достоинства и недостатки этой теории в целом. Вернемся к более частному вопросу - следствиям существования пересекающих границы связей в ситуациях конфликтов с применением насилия.

* Сам М. Глакмен связывал свои идеи с работами поэта, драматурга и эссеиста Т. С. Элиота, который в 1949 г. писал: «Чем больше конфликтов и подозрительности,

тем лучше: так все будут союзниками в одних отношениях и врагами в каких-то других, и ни один конфликт, зависть или страх не возобладает...» (цит. по: [4, р. 2]).

[Назад](#)

К. Холлпайк [5] описал то, что Глакмен [4, р. 12] тщетно искал в работе Эванс-Причарда [3]. Что происходит с людьми одной группы, оказавшимися по разные стороны баррикад, и как это отражается на развитии конфликта? Но то, что он обнаружил у тауаде, живущих в высокогорных районах Папуа-Новой Гвинеи, отличалось от того, что М. Глакмен утверждает в отношении нуэров. Он пришел к неожиданному выводу о том, что связи, пересекающие групповые границы, вообще не оказывают сдерживающего или контролирующего влияния на конфликт, напротив, они ведут к эскалации противостояния. Локальная дисперсия групп, принадлежащих одному роду, приводит к тому, что очень часто члены группы, совершившие какое-либо насилие по отношению к членам другой группы, живут в непосредственной близости от нее и тем самым являются легкой добычей для совершения мести. А поскольку один акт мести вызывает ответный, легко можно представить себе динамику развития событий, вызываемых наличием пересекающих групповые границы связей.

Даже это краткое обсуждение проблемы показывает, что существование данных связей обуславливает более чем один вариант мирного или основанного на применении силы развития отношений между группами. Пример, который я хочу здесь привести, позволяет нам сделать вывод о том, что связи, пересекающие групповые границы, могут также оказывать влияние на внутригрупповые отношения. Способствуя укреплению солидарности с сегментами других групп, они могут нанести ущерб отношениям с другими сегментами собственной группы. Это обстоятельство вновь заставляет усомниться, оказывает ли существование пересекающих групповые границы связей влияние на уменьшение вражды между этническими группами.

Данная статья рассказывает о племени габбра, проживающем в районе кенийско-эфиопской границы, при этом его основная часть живет (точнее, проводит большую часть времени, ведя кочевой образ жизни) в Кении, и об их противниках, рендилле - племени кочевников на верблюдах, живущих в низинах северной Кении. Описанные события произошли в северной Кении, но их нельзя понять, не учитывая их связи с событиями в Эфиопии.

«Сидам» - так обобщенно называют эфиопских воинов - играют значительную роль в устной истории благодаря набегам, которые они совершали в этой области в период правления Менелика.* Наряду с очевидной целью личного обогащения участников, набеги преследовали цель демонстрации их присутствия и притязаний в «схватке за Африку» до тех пор, пока граница между Британской и Эфиопской империями не была установлена при деятельном участии Зафиро - британского агента по демаркации границы, грека по происхождению, чья фигура занимает значительное место в устной традиции. Со времени своего установления граница стала играть большую роль в жизни людей по обе ее стороны: народ гарре многократно пересекал границу, чтобы избежать налогов со стороны британских влас-

тей, в социалистический период из Эфиопии через границу контрабандой перенесли крупный рогатый скот, чтобы уйти от системы контролируемых цен, за контрабандистами следовали дезертиры, покидавшие зону войны в Эритрее, к ним присоединялись противники режима Менгисту Хайле Мариама. В 1991 г. те, кто был причиной первых волн беженцев, сами оказались беженцами и присоединились к своим жертвам в Кении. Во все эти периоды налетчики пользовались границей, чтобы укрыть по другую ее сторону свои трофеи.

* Император Эфиопии в 1889-1919 гг. - прим. переводчиков. [Назад](#)

То, что набеги с целью захвата верблюдов и убийства в отношениях между габбра и рендилле имеют многовековую историю и следуют привычным образцам, легко доказывают колониальные архивы, устная история и тексты древних военных песен. Конфликта, о котором пойдет речь, возможно, не было бы, не будь того огромного потока современного оружия, который наводнил соседнюю Эфиопию во время падения режима Менгисту. Это становится очевидным, если взглянуть на другие конфликты. По всей Северо-Восточной провинции Кении, в северной части Восточной провинции, включающей район Марсабита, и далее до Западной Кении и Уганды бандитизм и мелкие войны распространились после свержения Менгисту столь быстро, что весьма трудно отрицать причинную связь этих событий. Могут возникнуть вопросы: каким образом количество оружия может влиять на причины и ход конфликта, как это было в Эфиопии в период гражданской войны - войны, в результате которой габбра и рендилле получили большую часть своего оружия, или в случае огаденской войны 1978 г., ради которой развернулась гонка вооружений в регионе Африканского Рога? Очевидно, что Эфиопия и Сомали были вооружены соперничающими сверхдержавами до такой степени, что после падения правящих режимов этих стран и широкого распространения оружия реальное разоружение местного населения едва ли оказалось возможным.* Необходимо также иметь в виду и тот факт, что в Африке до сих пор имеется оружие, оставшееся со времен первой мировой войны, и непохоже, чтобы оно скоро вышло из обращения.

* Цифры и источники, подтверждающие эту точку зрения, см.: [6]. [Назад](#)

Габбра, живущие на самом юге Эфиопии и на севере Кении к востоку от озера Туркана и живущие чуть южнее рендилле, являются пастухами-кочевниками, у которых самым ценным животным считается верблюд. Однако племена резко отличаются по языку. Рендилле говорят на языке, схожем с сомалийским, тогда как габбра говорят на боранском диалекте оромо. Хотя оба языка принадлежат к одной ветви восточно-кушитской группы языков, они отличаются настолько, что говорящие на них не понимают друг друга. Достижение взаимопонимания возможно только на основе двуязычия. Покрой одежды, форма домов и поселений указывают на очевидные этнические различия габбра и рендилле. Хотя эти различия не

являются причиной постоянной вражды, два народа вели периодические или, по крайней мере, время от времени возобновляемые войны. Когда возрастной класс рендилле *илкичили* занимал с 1965 по 1979 г. ступень воинов, отношения племен постоянно были плохими. Около трехсот воинов этого класса носили ожерелья из белых бусин, которые символизировали то, что они убили габбра. Однако число их жертв, по-видимому, было больше трехсот, потому что многие, без сомнения, убили не одного мужчину-габбра. Женщин также убивали, но убийство женщины не давало права носить отличительный знак. С другой стороны, габбра, вероятно, убили столько же рендилле, и это позволяет нам говорить о том, что потери этих народов, численность каждого из которых составляла всего около 20 тыс. человек, были достаточно велики. Габбра, живущие по обеим сторонам эфиопской границы, имели более легкий доступ к огнестрельному оружию, но ночные атаки рендилле, использовавших в условиях ближнего боя превосходство копыя и меча, были также очень опасны. Во время последней вспышки конфликта в 1992 г. у габбра, однако, было явное преимущество. Вследствие развала режима Менгисту в Эфиопии и массового бегства его сторонников и солдат в северную Кению хлынул поток автоматов и другого современного вооружения. И вновь габбра, благодаря близости к границе, смогли получить оружия больше, чем рендилле. (См. [1].) Я не буду подробно описывать один из многих конфликтов местного значения в Африке, но проанализирую только один из его специфических аспектов - главным образом, последствия вооруженных набегов габбра на одну из групп рендилле, члены которой заявляют о своем габбрском происхождении и имеют постоянные связи с братьями по клану со стороны габбра. Тема моего анализа - отношение между связями, пересекающими групповые границы, набегами и войной.* Пример, который я рассматриваю - субклан элемо из рендилльского клана гаалдейлан, эквивалентный линиджу масса из фратрии галбо, относящейся к габбра. Еще до того как военные события вновь привлекли к ним мое внимание, я подробно описал эти клановые группы в книге «Идентичности в развитии» [8], которая связана исключительно с проблемами межэтнических клановых отношений.** Все действующие лица излагаемой ниже истории названы в ней по имени. История, если можно так выразиться, дописала мою книгу.

* О других аспектах недавнего конфликта внутри и вокруг Эфиопии см. [7]. [Назал](#)

**Исследование, лежащее в основе книги и многих других публикаций, в том числе и этой, было щедро профинансировано DFG (Немецкий исследовательский совет) с 1978 по 1980 г. (Schl/186-1). Более позднее исследование, проведенное в Кении и Эфиопии, было также профинансировано DFG посредством Байройт SFB 214, «Cultural Identity in Africa» (A3, A4, A6). Моя работа над «Kenya Range Management Handbook» и исследовательские затраты были поддержаны GTZ. Я выражаю благодарность всем этим организациям, а также моим коллегам, с которыми я имел возможность обсудить ранние версии этой статьи, - участникам Colloquium africanum в Кельне и Исследовательского коллоквиума Исследовательского центра по проблемам социологии развития в Билефельде. [Назал](#)

История события: этническое взаимодействие кланов масса/элемо.

Подсчитывая поколения и возрастные классы, можно сказать, что это случилось примерно в конце XVII в., т.е. 300 лет назад, когда члены линиджа масса из племени габбра, как сообщает устная традиция, обосновались на Бургаабо ? плоском холме с небольшим количеством деревьев, которые служили защитой посреди широкой безлесой равнины Диид Галгалло. С ними было множество других габбра. Опасаясь набегов рендилле, большинство габбра вскоре покинули это место. Однако одна семья вынуждена была остаться, так как самки верблюдов только что принесли потомство и не могли двигаться дальше. Верблюды этой семьи были белыми, как и большинство верблюдов фратрии галбо племени габбра, которые использовали только белых самцов-производителей. До сих пор существует выражение, воспроизводящее ту ситуацию: «Гаал дакхан Бургаабо огооге» - «белые верблюды покрыли Бургаабо». Когда воины племени рендилле из клана гаалдейлан наконец пришли, они обнаружили беззащитную семью с большим стадом, и им даже не пришлось сражаться. Они увели всех ? и людей, и животных.

Имя того человека из линиджа масса, которого взяли в плен вместе с людьми и животными, предположительно было Элимма, и его потомков в племени рендилле продолжали называть элемо. Но он, по всей видимости, не единственный прародитель этого субклана, потому что позже его младший брат последовал по пути своей семьи и присоединился к рендилле, так как он больше не мог жить среди габбра. Собственность, конечно же, является социальным отношением. Это отношение между людьми по поводу вещей или животных. В привычном смысле, а также в том, как понимают это рендилле и габбра, собственность ? это отношения между владельцем и тем, чем он владеет. Если отношения собственности между кланом-группой и племенем верблюдов проходят через поколения, то связь между ними становится все более тесной. Таким образом, у верблюдов тоже есть кланы. Стадо верблюдов отражает человеческое общество. Очевидное различие заключается в том, что племена верблюдов пополняются по материнской линии, а кланы рендилле и габбра ? по линии отца.

Таким образом, в данном случае мы, для простоты, можем говорить о собственности как об отношениях между людьми и животными. В случае с элемо и люди и верблюды были вместе захвачены в качестве военной добычи и их отношения не были нарушены. Благодаря этому, элемо до наших дней продолжают сохранять свою идентичность в качестве субклана гаалдейлана. Если бы были взяты только верблюды, то они стали бы полной собственностью победителей и передали бы свою породу следующим поколениям. Если были бы взяты только люди, то их идентичность рано или поздно растворилась бы в клане захватчиков. В данном же случае была захвачена межвидовая пара ? люди и верблюды. До настоящего времени элемо, живущие среди рендилле, сохранили свою собственную породу верблюдов, отличающуюся от пород других субкланов гаалдейлана и идентичную породе из клана масса племени габбра*. Среди их верблюдов белый цвет также продолжает доминировать, отличая их от красных верблюдов гаалорра ? самого большого субклана гаалдейлана.

* Изображение этих пород и другие этнографические детали, например, генеало-

гии, см. в полной версии этой статьи [6]. [Назад](#)

Самый большой субклан гаалорра, который часто называют просто гаалдейлан, заметно отличается от других кланов рендилле. Причина может быть в том, что гораздо раньше они сами были не рендилльского происхождения. Устная традиция указывает на дассанеч и арборе, живущих на северной оконечности озера Туркана, а также на саббо ? брачную половину племени боран, которые сами, скорее всего, являются сочетанием разнородных элементов. Прически замужних женщин, бисерные украшения девочек, система запретов, проклятия и благословения, свойственные этому клану, элементы конструкции домов и другие черты отличаются от обычной картины клана рендилле. Элемо не восприняли эти характеристики. Они не ассимилировались, а обособились в отдельную единицу. Разумеется, им не позволили продолжать быть габбра и носить среди рендилле отличительные знаки вражеской группы. Они должны были приспособиться, но вместо того чтобы вобрать в себя типичные культурные элементы гаалдейлана, она ассимилировала то, что считалось типично рендилльским, восприняв так называемую стандартную среднюю культуру рендилле, если такая вообще существует.

Теперь новые рендилле женились на рендилльских женщинах, и так продолжалось в течение восьми поколений. Если можно было отметить гены тех, кто говорил на языке оромо в 1700 г., и затем посчитать, сколько из них перешло от говорящих на рендилле, то можно было бы увидеть, что лишь одна часть из 256 происходит от габбра. Разумеется, важен тот самый предок в восьмом поколении, от которого и ведется патрилинейное происхождение. Поэтому даже в небольших спорах элемо называют «боранто» ? термин, который относится и к габбра и к боран из-за их общего языка и носит уничижительный оттенок, который не может быть оставлен без внимания в подобных ситуациях.

В 1992 г. были очень необычные дожди.* Начиная с июня, т.е. в разгар сухого времени, шли сильные дожди. С другой стороны, во время краткого сезона дождей было сухо. Напротив, в декабре 1992 - январе 1993 гг. снова пошли обильные дожди, достигавшие в Бубисе 100 миллиметров в сутки. Верблюды рендилльского субклана элемо, которые вместе с другими стадами верблюдов клана гаалдейлан периодически паслись на северных пастбищах, были в июне захвачены габбра, принадлежавшими, как утверждают, к фратриям алаганна и гаар. В то время как другие кланы со своими стадами спасались бегством от набегов, уходя на юг, по направлению к Карги, ближе к центру области рендилле, стада элемо и двух других субкланов рендилле нашли убежище в Бубисе, небольшом поселке на территории габбра. Масса, находящиеся в Бубисе,** т.е. братья по клану рендилльского субклана элемо, вместе с главой Бубисы с трудом защищали скот от грабежа. Загоны были поставлены довольно близко к поселку, ночью находились под охраной. Из-за сильных дождей поля вокруг зазеленели, и скот мог пастись неподалеку от лагеря. За рендилле боялись, даже если они отходили от лагеря по нужде. С пастухами и стадами двух других субкланов рендилле обращались так же, как и с элемо. Поскольку все они теперь находились под защитой жителей Бубисы, масса не могли сказать: «это наши, а это не наши». Наконец, возможно в октябре, назначенный

правительством глава рендилле в Карги организовал перемещение скота остальных рендилле под охраной резервных частей полиции Кении назад в Карги. Элемо отказались идти с ними. Когда остались только животные элемо, все они были распределены по разным стадам, принадлежащим масса, и затем отправлены в лагерь-спутники с тем, чтобы невозможно было определить их былую принадлежность к рендилле и увести.

* В отношении недавних событий - я должен поблагодарить тех, чьи рассказы помогли мне реконструировать их, в особенности Конкоро Мамо, Баарова Адичарех, Хассан Т. Муса, Элимма Элемо, Фарре Элемо. Источники более ранних событий детально описаны в [8]. [Назад](#)

** Информация об этих событиях была получена в начале 1993 г. в Корре, т.е. от рендилле. Точка зрения масса на эти события была выражена членом этого субклана габбра, моим давним знакомым Конкоро Мамо, навесившим меня там. [Назад](#)

Тем не менее, около 70 голов скота было украдено из стада одного из элемо, Хаандоонто, причем воры ? 3 человека из Майконы (50 км к западу от Бубисы) ? принадлежали к фратриям габбра одоола и галбо. Масса этого так не оставили, и им удалось вернуть животных. В качестве наказания каждый из 3 воров должен был отдать, в дополнение к украденным животным, 85 голов, так что Хаандоонто оказался достаточно обеспеченным. Одному вору, чтобы выплатить штраф, надо было отдать всех животных, поэтому Хаандоонто милостиво отказался принять часть животных. Оставшиеся габбра начали упрекать людей масса, что они заботятся о своих братьях по клану рендилле больше, чем об остальных габбра.

Все это время элемо старались организовать перевоз своих домов и оставшихся в Карги членов семей, чтобы полностью эмигрировать от рендилле к габбра. Несмотря на возражения представителей власти рендилле в Карги, большая часть субклана элемо, восходящего к габбра, но вместе со своими верблюдами 300 лет назад захваченного рендилле, с возвращением верблюдов последовали за ними и, таким образом, воссоединились с габбра.

Однажды несколько людей масса наняли старый грузовик помощника главы Бубисы, чтобы перевезти оставшихся членов семей элемо из Карги в Бубису. Когда они прибыли в Карги, то Хаандоонто, который их сопровождал, хотел угостить их чаем, а также заколоть несколько голов скота, которых он специально для этого получил от Рендилле. Но перед едой габбра хотели посмотреть на торговый центр Карги. Вокруг них собралась толпа, и помощник главы Карги Вамбиле приказал им немедленно покинуть город, несмотря на наступление ночи и неисправность фар грузовика. «Идите и провалитесь в Гооф Чоба (кратер около Марсабита)! Если бы вы пришли из Майконы, мы бы вас убили, но так как вы из Бубисы, мы отпускаем вас. Убирайтесь немедленно! Сначала габбра захватили наших верблюдов, а теперь они вернулись за нашими людьми!».

Хаандоото был очень обижен; он до сих пор не простил жителям Карги, что они не дали ему возможности проявить гостеприимство.

В течение последующих недель жены тех из элемо, которые теперь жили среди

габбра, постоянно приходили из области рендилле в Бубису за деньгами, вырученными от продажи скота. Некоторые из них остались с мужьями, некоторые вернулись в свои семьи к Рендилле. Кроме того, было очень много разговоров по поводу того, как и когда мальчики элемо смогут вернуться к рендилле, чтобы над ними было совершено обрезание. Так как у них всех брат матери был рендилле и так как именно брат матери дарит верблюдов племянникам по случаю обрезания, то лучше всего было совершить этот ритуал среди рендилле.

В марте 1993 г. местный сомалийский торговец и член Окружного совета графства приехал из районной столицы Марсабита в Корр в область рендилле и привез с собой Элимма Элемо, моего хорошего знакомого, который теперь живет с габбра. Элимма вынужден был вернуться из Бубисы в связи со смертью своего отца, так как он должен был побрить своих младших братьев в знак окончания траура. Он собирался сделать это в безлунный период следующего месяца, фурама. Элимма рассказал мне, что незадолго до этого, чтобы смягчить горечь утраты, галбо дали ему четырех верблюдов.

Затем он рассказал, что среди тех, кто устроил набег на верблюдов клана гаалдейлан, были представители фратрии галбо, принадлежащей габбра (куда входили и масса). Абудо Гуййо, *каллу* (священный глава) масса, настоял, что этих верблюдов необходимо считать украденными и вернуть прежним владельцам.

Такая интерпретация, которая, казалось, удовлетворяла также и члена Окружного совета, основана на том, что во время набега никто из рендилле не был убит. Если бы пролилась кровь, то верблюды стали бы рассматриваться как военная добыча и, таким образом, стали бы в полной мере собственностью габбра.* Рендилле уже не смогли бы принять их обратно, так как они стали бы *ood*, т.е. приносящими несчастье. Поскольку набег, без сомнения, был актом вооруженного насилия, интерпретация его как простой кражи несколько искусственна. Однако возможно, что это приведет к политическому разрешению конфликта.

* Соответствующее правило говорит, что добытое копьем принадлежит копью, т.е. военная добыча принадлежит захватчику. Если бы рендилле увели этих верблюдов во время ответного набега, то они достались бы не их прежним владельцам, а наиболее удачливым воинам. Если бы габбра по доброй воле отдали верблюдов, то они все равно не стали бы собственностью рендилле, так как ни рендилле, ни габбра не знают передачи прав собственности на верблюдиц, кроме некоторых ритуальных контактов, например, в качестве награды убитшему врагу, которую вручает брат матери. Рендилле могли бы принять верблюдов только как маал (т.е. заем), но на это они не соглашались. Существует поверье, что верблюды, неверно считающиеся собственностью, навлекают несчастье на стадо, в котором они находятся, или полностью уничтожают линидж, который неоправданно предъявляет на них права (см. [8, P. 130 ff]). В противоположность этому, украденные вещи нужно возвращать. В этом и состоит преимущество интерпретации такого набега как простой кражи. [Назад](#)

Как бы то ни было, Абудо Гуййо угрожал тем галбо, в чьей собственности находятся

эти верблюды, что он отнимет у них ритуальный головной убор высшего возрастного класса, *дабела*, который он дарует старейшинам.

Некоторые члены элемо твердо решили остаться с рендилле. Так, братья из двух семейств оказались разделенными между габбра и рендилле. Я нечаянно услышал, как один из них говорил кому-то, что эмиграция части элемо вызвана презрительной кличкой «боранто», которую до сих пор употребляют рендилле. Кроме того, расписание получения воды из колодца часто нарушалось, и элемо ничего не доставалось. Когда элемо получали воду, раздавались жалобы, например, «Почему это животным нахаган (еще один клан рендилле) не дали воды, а стадам элемо, этим боранто, позволили пить?».

Через 3 года, в начале 1996 г., через 21 год после моего первого знакомства с некоторыми героями этой истории у меня наконец появилась возможность посетить поселок элемо в районе габбра около Бубисы.

В домах, представляющих собой полусферические покрытые циновками палатки, очаг по-прежнему был расположен в правой половине. «Правый», обозначающийся тем же словом, что и «север», определяется по отношению к человеку, который стоит лицом к двери внутри палатки. Так как дверь всегда указывает на запад, север всегда расположен справа от этого человека. У габбра, наоборот, домашний очаг расположен в левой половине. Один из старейшин элемо сообщает, что габбра просили их изменить место очага, но что до сих пор они отказывались это сделать. Конкоро Мамо, мой помощник и товарищ со стороны масса, клана габбра, эквивалентного элемо, проявляет большой оптимизм в отношении соглашения о переносе домашнего очага. Он утверждает, что планируется праздник, на котором предполагается отметить официальное присоединение элемо к габбра, и тогда элемо придется изменить место очага.

Другие элементы домашнего убранства габбра не являются столь значимыми для определения идентичности и поэтому были переняты как дополнительные удобства: так, например, внутренняя часть домов, а именно, восточная половина, отделена перегородкой, затянутой тканью (*динка*), препятствующей взглядам входящих; стали использоваться кровати, возвышающиеся над полом (*сирре*).

Ранее, как и у других рендилле, постель, представляющую собой связанные полосками кожи стебли пальмовых листьев, просто расстилали на земле и покрывали шкурой для сна. Две коровьи шкуры, служащие дверью, согласно обычаю габбра, были заменены на полотняные простыни.

Но как же все-таки попали сюда дома? Усилия, направленные на организацию переезда, увенчались успехом, и на том же самом собрании, где было принято решение о переносе очага, габбра устроили денежный сбор. На эти деньги был нанят грузовик, чтобы перевезти дома и оставшихся в Карги членов семей переселенцев, так как это были только пастухи и люди, оказавшиеся в лагере во время набегов.

Не все женщины хотели переезжать: жена Елева (имя было изменено по понятным причинам) приехала, но без дома и вещей. Она устроила собрание в доме Конкоро из клана масса племени габбра, который закончил школу и был проповедником, братом-по-клану ее мужа, но принадлежал к другой этнической группе и другому миру; иными словами, был человеком, состоявшим в достаточно близких, но, с

другой стороны, достаточно далеких отношениях, чтобы быть посредником. На этом собрании она объяснила, почему она не хотела переезжать в Бубису. Муж часто бил ее. Она знает, где среди рендилле искать убежище от побоев, здесь нет. Поэтому она вернулась в Карги и заодно забрала из Бубисы обоих своих детей. Один из сыновей Елевы уже обрезан (ему позволили «перескочить» через один возрастной класс), он будет первым из братьев, кто женится и продолжит род. Он тоже живет в Карги. Елева, таким образом, в одиночестве присматривает за верблюдами. Так как у него нет больше детей, он периодически посылает деньги в Карги. У него нет другой семьи кроме той, которая не хочет быть в его власти. Клань рендилле и габбра патрилинейны. Дети принадлежат группе мужа, а жена - нет, несмотря на нерасторжимость брака⁴. Женщины принадлежат своему клану и сохраняют с ним тесные связи, именно там они ищут защиты при возникновении семейных конфликтов.

* О браке, выкупе за невесту, отцовстве, см. [10. P. 56: левират] (усвоение системы запретов, принятых в клане мужа, женой: 138, отцовство: 141f), [9] (происхождение: 10). [Назад](#)

Однако происходит не только потеря женщин, но и их приток. Вышеупомянутое разделение братьев произошло потому, что младший брат после смерти жены оставил старшего брата в Корре и переехал вместе с двумя маленькими детьми в Карги к другому брату. В результате волнений он оказался в Бубисе. Там он женился на девушке габбра из клана одоола, дочери бывшего помощника главы Бубисы. Через положенный срок она родила. Независимо друг от друга двое старейшин элемо решили вернуться к рендилле в связи с обильными дождями в той области. Они интересуются состоянием пастбищ в Карги. Один из них объясняет, что они до сих пор дожидаются дальнейшего перераспределения скота, полученного от габбра, и надеются, что позже, когда габбра и рендилле снова смешаются, они поменяют стороны так быстро, что габбра не заметят. На вопрос, не уйдут ли жены из племени габбра обратно к своим при переселении, один из них объяснил, что те, у которых уже есть здесь дети, останутся. Кроме того, переход на другую сторону приведет к разлуке по крайней мере с одной из дочерей: габбра из фратрии одоола женился на дочери Ирбале, одного из элемо.

Если в классической социальной антропологии общества рассматривались как вселенные в себе и описанию подлежали в основном их центральные или типичные представители,⁵ то после Барта [11] больше внимания стали уделять границам между обществами и их составными частями. Можно считать это запоздалым развитием. Где находится центр, если не определены границы? В чем классическая социальная антропология черпала уверенность, выбирая «типичные образцы»?

* Такой взгляд ведет к возникновению эпистемологических проблем, связанных с «культурным релятивизмом», которых, однако, я не буду здесь касаться. [Назад](#)

Уделяя должное внимание границам между обществами, этнология, как часто называют европейский вариант социальной антропологии, наконец оправдала свое название. «Этнические группы» и «этничность» проявляют себя именно на границах. В обществах, которые считают себя этнически однородными, нет оснований заниматься рассмотрением таких конструкций. Именно на границах утверждаются права и принадлежность к группе, развиваются лояльности, пересекающие эти границы, и меняются заключаемые союзы, причем во всех этих процессах «политики» даже больше, чем может пожелать ученый, и возможно больше, чем хотели бы люди, которых это прямо касается. Дополнительные методологические требования, например, знание лингва франка и, при возможности, более одного местного языка в полиэтничных контекстах, а также увеличение времени исследования и расширение территории, на которой оно проводится, несомненно, будут оправданы качеством полученных результатов.

Связи, пересекающие групповые границы, почти наверняка ускользнут от внимания тех исследований, которые изучают ту или иную группу посредством ее «типичных» представителей, но обязательно попадут в поле зрения тех, кто изучает границы и линии конфликта.

Эта статья посвящена пересекающим групповые границы связям в межэтнических конфликтах. Предположение, что эти связи смягчают конфликты и сдерживают насилие, столкнулось с контрпримером, изложенным выше. Связи между кланами габбра и рендилле не могли предотвратить конфликт между этими группами. На уровне этнических групп, таким образом, трудно определить пользу этих связей. Однако на уровне кланов все выгоды и преимущества, которые возникают при таких связях, образуют более четкую картину. Принимающий клан может увеличить силу, включив в свой состав ищущих защиты людей, однако защита интересов новичков может вызвать враждебность членов этого клана. Межэтнические связи в данном случае ухудшают связи внутриэтнические.

Дополнительная точка зрения на эту проблему, т.е. точка зрения принятых в группу новичков показывает, что как раз они-то и являются победителями. Из-за недостатка вооружения (близости их противников к оружию, поступающему из конфликтных зон Африканского Рога) рендилле оказались в невыгодном положении и испытывали потери верблюдов в таком масштабе, что от них нельзя было ожидать никакой ощутимой компенсации при перераспределении верблюдов. Восстановление исторических отношений с этнической группой, во владении которой эти верблюды находились в тот момент, было более разумным шагом. Кочевники следуют за своими животными.

Из-за пугающих размеров проблемы беженцев в глобальном масштабе и особенно на Африканском континенте, местные структуры, помогающие преодолеть последствия войн, вновь обнаружили интерес у исследователей. Эти структуры особенно важны там, где не действует огромный, медленно реагирующий и плохо информированный аппарат международных организаций помощи беженцам. По сравнению с последним эти структуры не создают новых форм зависимости, так как у принимающей социальной общности, не имеющей никакого бюджета, не остается другой возможности, кроме интеграции тех, кто, будучи в состоянии производить

продукцию, просит помощи.

Перевод Д. В. Граборова, Н. А. Ипатовой, Н. Г. Скворцова

Под редакцией А. В. Тавровского

Литература

1. Bollig M. Die Krieger der gelben Gewehre: Intra- und interethnische Konfliktaustragung in Afrika bei den Pokot Nordwestkenias // Koelner Ethnologische Studien 20. Muenster: Lit Verlag, 1992.
2. Lang H. Exogamie und interner Krieg in Gesellschaften ohne Zentralgewalt (1974): Kommissionsverlag Klaus Renner. Hohenschaeflarn, 1977.
3. Evans-Pritchard E. E. The Nuer. Oxford: Clarendon Press, 1940.
4. Gluckman M. Custom and conflict in Africa. Oxford: Basil Blackwell, 1966.
5. Hallpike C. R. Bloodshed and Vengeance in the Papuan Mountains: The generation of conflict in Tauade Society. London: Oxford University Press, 1977.
6. Schlee G. Cross cutting ties and interethnic conflict: the example of Gabbra, Oromo and Rendill // Ethiopia in broader perspective / Ed. by F. Katsuyoshi, E. Kurimoto, S. Masayoshi Kyoto: Shokado Book Sellers, II, 1997. P. 577-596.
7. Schlee G. Shongolo A. A. Local war and its impact on ethnic and religious identification in southern Ethiopia. GeoJournal 36, 1:7-17. 1995.
- 8 Schlee G. Identities on the move: clanship and pastoralism in nothern Kenya. Manchester University Press and New York: St. Martin's Press (Paperback Nairobi 1994:Gideon S. Were), 1989.
9. Schlee G. Das Glaubens- und Sozialsystem der Rendille. Kamelnomaden Nordkenias. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 1979.
10. Spencer P. Nomads in alliance. Symbiosis and growth among the Rendille and Samburu of Kenya, London: Oxford University Press, 1973.
11. Barth F. Ethnic groups and boundaries. London: G. Allen & Unwin, 1969.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИТУАЦИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

Культура - «цемент общественных отношений» не только потому, что она передается от одного человека к другому в процессе политической социализации и контактов с представителями других культур, но также и потому, что формирует у людей чувство принадлежности к определенной общности, т.е. чувство идентичности. «В современном мире... культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий», - отмечает С. Хантингтон [1, с. 142-143]. При этом этническая идентичность наиболее устойчива и значима для большинства людей (особенно в условиях общественного кризиса). Для отдельного человека именно этническая группа, к которой он принадлежит, представляется тем, что важнее и больше его самого, что во многом определяет пределы и направленность его жизненных стремлений, и что будет существовать после него. Такое одновременно сакральное и естественное восприятие своего этноса обусловлено тем, что человек его не выбирает. Этническая принадлежность «задается» вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением, в которое он попадает и которое, в свою очередь, «задает» общепринятые стандарты поведения и самореализации личности. Для миллионов людей этническая идентичность - это само собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе «Кто я и с кем я?». Таким образом, этническая идентичность формируется стихийно, в процессе социализации личности, в то же время, осознание принадлежности к определенной этнической общности становится одним из первых проявлений социальной природы человека.*

* В политической лексике, а зачастую и в научной литературе понятия этнической и национальной идентичности употребляют как синонимические, и это нельзя считать большой ошибкой, так как понятия «этнос»/«этничность» являются базовыми для этнической классификации, а понятие «нация» определяется чаще всего как государственная форма этнической общности людей (на Западе как согражданственная общность). Тем не менее, надо помнить то, что подчеркнул в свое время В. М. Межуев: «Нация, в отличие от этноса, ... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию - выбираю, могу выбрать... Нация - это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [2 (159), с. 16.]. Кроме того, распространенная еще недавно установка на то, что в условиях модернизации и глобализации произойдет замещение этнической идентичности национальной, не подтверждается практикой.

Как своего рода компромисс между испытываемой многими в условиях кризиса

социальной ненадежностью и острой потребностью в защищенности - этническая идентичность становится для многих универсальной формулой ответа на вопрос о смысле существования и социального действия. Ибо идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Этническая идентичность выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей. Следовательно, идентификация с большой социальной (этнической) общностью может служить достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия (особенно в кризисном обществе). А посему, распространенность определенной групповой идентификации (в частности, этнической) может стать и одним из факторов прогноза возможного направления политического развития социума.

Этническая идентичность является одновременно важнейшим средством легитимации и делигитимации политической власти в переходном обществе, поскольку она легитимирует деятельность национальных элит и создает необходимые предпосылки для этнополитической мобилизации.

Какое содержание вкладывается в понятие «идентичность»?

Согласно определению А. Турена, «идентичность - осознанное самоопределение социального субъекта»[3, с. 360], следовательно, идентификация - это процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей.

Принятие той ли иной идентичности опосредует связь идентификации (процесса становления, функционирования и развития идентичности) с сигнификацией, понимаемой как процесс реализации этой идентичности в общественной практике человека или группы. Идентификация и сигнификация включены в механизм социализации личности и выполняют важную адаптивную функцию.

Понятие «идентификация» впервые введено в научный оборот З. Фрейдом в 1921 г. в эссе «Психология масс и анализ Я». Исследователи отмечают при этом, что З. Фрейд вкладывал в него содержание близкое по смыслу понятию «подражание», ключевому для теории г. Тарда. В частности, Элленбергер пишет: «То, что Тард называл подражанием, Фрейд назвал идентификацией, и во многих отношениях похоже, что идеи Фрейда это и есть идеи Тарда, выраженные в психоаналитических понятиях»[4, с. 528]. Это нетрудно доказать: в одной из работ Фрейда идентификация определяется как «... ассимиляция одного «Я» другим, в результате которой первое «Я» ведет себя в определенном отношении так же, как и второе, имитирует его и в некотором смысле вбирает его в себя»(Цит. по: [5, с. 311]). Каждый индивид, по мнению З. Фрейда, есть частица множества масс, связанных посредством сети идентификаций. И потому человек строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации двойственна. Во-первых, он включен в процесс социализации человека. Во вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. У

человека создается впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное существо, руководствующееся в поведении формулой «Каждый за себя!». Это состояние З. Фрейд назвал «психологической нищетой масс».

Всестороннее развитие концепт идентичности получает в работах известного американского социального психолога Э. Эриксона. В противоположность представлениям классического психоанализа об антагонизме личности и общества, Э. Эриксон особо подчеркивал адаптивный характер поведения индивида, центральным интегративным качеством которого и выступает идентичность. Ученый определяет это понятие как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ей социального бытия как своего [6, с. 203-204].

Идентичность рассматривается Э. Эриксоном в двух аспектах:

Во-первых, это «Я-идентичность», которая, в свою очередь, состоит из двух компонентов: органического, т.е. данности физического внешнего облика и природных задатков человека, и индивидуального, т.е. осознания им собственной неповторимости, стремления к развитию и реализации собственных способностей и интересов.

Во-вторых, социальная идентичность, которая также подразделяется на групповую и психосоциальную. Групповая идентичность рассматривалась Э. Эриксоном как включенность личности в различные общности, подкрепленная субъективным ощущением внутреннего единства со своим социальным окружением. Наконец, психосоциальная идентичность это то, что дает человеку ощущение значимости своего бытия в рамках данного социума (и с точки зрения социума) [7, с. 675-679]. Отметим специально, что между индивидуальной и групповой идентичностями нет непроходимой границы, так как индивидуальная идентичность, является видом групповой идентичности, существующей в голове индивида, а групповая - это сумма общепринятых норм и образцов, берущих начало в поведении отдельных людей. Сегодня понятие «идентичность» в различном контексте широко используется и в социальной психологии (эгопсихологии), и в социологии (социальной антропологии, символическом интеракционизме), и в философии (феноменологии), и в этнологии, и в политической науке.

Стабильность идентификации обеспечивает способность человека достигать гармонического соотношения между собственным представлением о себе и представлениями других, между социальным и индивидуальным «Я». Однако адаптация - это динамический процесс, поскольку в ходе развития людей их идентичность «испытывается» реальностями изменяющегося внешнего мира. Отсюда возможность нормативного, психосоциального кризиса, впервые отмеченная также Э. Эриксоном, который выражается в активном осмыслении своего места в мире, своих целей, стремлений и отношений с другими.

Кризис вызывают и у индивида, и у группы сходные реакции - фрустрацию, депрессию, агрессивность, внутренний конфликт. Тем не менее, по Э. Эриксону,

психосоциальный кризис - неизбежный этап на пути саморазвития личности к обретению новой, более зрелой идентичности. Он же подчеркивал тесную связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития. Поскольку кризис идентичности наступает, как правило, тогда, когда (начинающийся под влиянием острого социального кризиса) распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой.

Для нашего исследования важно отметить и то, что в структуре идентичности Э. Эриксон выделяет позитивные и негативные элементы. Формирование идентичности всегда сопровождается противоборством этих двух составляющих. В зависимости от силы общественного кризиса возможно возникновение ситуации, когда у значительных групп людей негативные элементы выходят на передний план за пределы позитивной идентичности. Негативная идентичность строится по схеме «я/мы не такие-то» и содержит неприятие или отрицание того или иного социального объекта или тотальное противопоставление «нас»- «им». Так, негативную окраску идентичность приобретает у тех индивидов и социальных групп, которые усматривают во вновь возникающих формах социальной и политической жизни не дополнительные возможности для личного существования и саморазвития, а «обман» государством населения, происки «врагов» (внешних и внутренних), а то и «заговор» против «народа», «нации», «трудящихся» и т.п.*

* Несомненно, что «любая общность - прежде всего демаркация с другой общностью», а «этничность - это форма социальной организации культурных различий» (Ф. Барт) [8, с. 15]. Однако для различения форм идентичности групп, стремящихся в политике найти компромисс и достигнуть консенсуса с другой группой, акцентировать черты сходства, а не отличия и общностей, которые в политической сфере ориентируются на навязывание своего интереса другим и провоцируют конфликты, рассматривая свое окружение априори как враждебное, необходимо некое дополнительное определение. Именно поэтому автор и вводит, опираясь на некоторые суждения Э. Эриксона, различие негативной и позитивной идентичностей.

[Назад](#)

В случае затяжных кризисов индивиды могут потерять надежду на преобразование элементов отрицательной идентичности в позитивную. И тогда подавленная отрицательная энергия находит выход в поддержке массами психопатических лидеров, социальным основанием существования которых является именно негативная идентичность.

Известно, что универсальной, архетипической формулой самосознания и самоидентификации любой общности людей (или групповой идентичности) является формула «мы», включающая представления об консолидирующих признаках. Однако процесс групповой идентификации, самоопределения «мы» с необходимостью предполагает распознавание позитивно или негативно значимых «обобщенных других» (Д. Мид) [9].

Согласно точке зрения Д. Мида, человек обретает собственное «социальное Я» лишь в групповом действии, как бы примеряя на себя роли «обобщенных других». В отличие от Мида, у Э. Эриксона в качестве опосредующего инструмента идентификации (вместо «обобщенного другого») выступает «идеология». Поскольку «...именно в юности идеологическая структура среды становится для «эго» важной, потому что без идеологического упрощения мира «эго» юного человека не способно организовать опыт в соответствии со своими конкретными возможностями и все большей вовлеченностью в события». Социальный кризис характеризуется, как правило, нарушением «идеологической цельности» общества, расшатыванием ее прежней системы ценностей. При этом отдельные, наиболее одаренные индивиды попадают в состояние «психосоциального моратория», т.е. не приемлют общепринятых ценностей, а формируют свою собственную, отличную от принятой систему ценностей [10, с. 677-679].

То есть - это и обособление данного сообщества от других, проведение границы между ними, выяснение степени близости или удаленности их социальной позиции («маркировка различий») от той, которая признается «своей», а значит, и является наиболее предпочтительной. Следовательно, «мы» с необходимостью предполагает психологическую оппозицию - «они»(включающую представления о дифференцирующих признаках), поскольку общность «мы» не может быть определена вне «значимого другого»(Т. Парсонс). «Они», - это социальная общность, имеющая иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности и имидж.

Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации, только в результате взаимодействия, прямого и опосредованного, с иной группой, данная общность обретает свои «особые» признаки. Можно сказать, что идентичность - символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других. Однако, по нашему мнению, необходимо еще раз подчеркнуть, что позитивная идентичность - это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы»), без жесткого противопоставления «мы»- «они». Негативная же идентичность - это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим («они»). В этом случае общность «мы» возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию общности «они». Отсюда относительная неустойчивость негативной идентичности, «размывается» негативный образ «они»- исчезает и фундамент такой идентичности (правда, как показывает политическая практика современной России, один негативный образ «они» может быть достаточно легко заменен другим).

Архетипическая оппозиция «мы - они» лежит в основе этнического самосознания, этнических отношений. Причем этот архетип является одним из самых древних. Так, Б.Ф.Поршнева полагал, что это психологическое размежевание, возможно, является отпечатком опыта столкновения первых людей со своими животными предками, которые воспринимались как опасные и враждебные «нелюди» или «полулюди»[11, с. 83; см. также: 12, с. 477-480].

Правы, по-видимому, те исследователи, которые считают исходной точкой отношения к другим этносам комплекс «ино-странности»(т.е. иностранец - не только «иной» («чужой»), но и «странный»). О том, что этот комплекс закреплен не

только в русском языке, говорят сравнения с другими языками. Например, во французском языке слово «иностранец»(stranger) - это субстантивированное прилагательное, которое переводится как «чужой» и «странный». То же можно сказать и о немецком корне «fremd» и о соответствующих корнях в некоторых других языках»[13, с. 14; См. также: 12, с. 483; 14, с. 41-52].

Следует особо отметить, что дефиниции «этноса», «этничности» дается многими исследователями через понятие «групповой идентичности». * Так, Л. Н. Гумилев, определяя этнос, писал: «...это коллектив особей, выделяющих себя из всех прочих коллективов... Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобки мы можем только одно - признание каждой особи: «Мы такие-то, а все прочие другие»[16, с. 122]. Почти то же самое пишет З.Сикевич: «...под этничностью мы понимаем особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве «Или... «этничность - это исторически устойчивый, надлокальный комплекс идентификаций»(см.: [17, с. 7-8; 18, с. 296; 19, с. 4. и др.]).

* Отметим, что можно выделить по крайней мере три основных аспекта в определении и научной интерпретации такого сложного феномена, как «этничность»: а) интеракционный, когда этничность интерпретируется как форма межгруппового взаимодействия; б) атрибутивный, когда этничность - это качество (набор определенных качеств) группы; в) субъективно-символический, когда этничность рассматривается прежде всего как этническая идентичность [См.: 15(253), с. 49-113]. Для нашего исследования важен именно этот последний подход. [Назад](#)

В этом смысле этническая идентичность заключается в «...субъективном символическом или эмблематическом использовании некоторых аспектов культуры для того, чтобы отличать себя от других групп». Личностная же этническая идентичность - это «сознательное отнесение себя к какой-либо этнической общности, а также использование тех или иных этнических ярлыков и их конкретное толкование»[20, с. 16].

По мнению американских социопсихологов в ряду элементов этнической идентичности решающим в период развития индивида является чувство неизменности и устойчивости этнических характеристик, или «этническая константность». Причем этнические константы утверждаются в поведении и сознании человека не ранее 12-13 лет. Поскольку для осознания этнических различий «помимо простой перцепции необходимы более сложные механизмы социокультурной идентификации и межпоколенной передачи информации, поэтому формирование этнической константности ...завершает процесс поэтапного осознания неизменности основных психосоциальных характеристик»[21, с. 1, 12, 14].

Однако сама этничность, как форма групповой идентичности, подвержена времен-

ным трансформациям, а значит, можно предположить, что существуют ее различные исторические вариации. Отсюда, в частности, предположение А. Г. Здравомыслова о том, что и понятие «нация» носит референтный характер, т.е. обязательно предполагает сравнение национального «мы» с инонациональными значимыми «они»[22, с. 84.]. «Русские потому русские, что есть немцы». Кроме того, в рамках каждого национального самосознания складывается своя собственная иерархия «значимых других» национально-этнических групп. Иногда это может быть обобщенный образ группы цивилизационно близких национально-государственных образований. Например, образ Запада чрезвычайно важный в силу исторических и геополитических обстоятельств, для национальной идентичности России и русских. Причем характер соотношения «мы» и «они» не остается неизменным и определяется реальными межнациональными связями и контактами. Следовательно, понятие «нации» носит не только референтный, но и относителный, релятивистский характер. Отсюда радикальный вывод В. Тишкова «Нация - продукт веры»[23].*

* Мы разделяем, в целом, процитированный вывод автора статьи, поскольку в нем нет ничего экстраординарного и он, в основном, совпадает с позицией, заявленной в науке так называемыми «инструменталистами» (Б.Андерсон, Э.Геллнер, А.Д.Смит и др.), которые считают нацию современным «общественным проектом». Истоки этого определения восходят к ренановскому определению нации как «ежедневного плебисцита». Однако, в то же время, мы не согласны с его крайне радикальными заявлениями о том, что нация является лишь «политическим лозунгом» и что это понятие «не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки» (критику этих позиций см., например [24(119)]). [Назад](#)

Важность и необходимость не только этнической, но и национальной идентификации определяется, по крайней мере, тремя базовыми психологическими потребностями личности.

- 1) Потребность в безопасности и защите.
- 2) Потребность принадлежности к общности, к группе; (как показал Э. Фромм, в условиях острого социального кризиса, распада традиционных общностей и атомизации социума, личность зачастую готова променять обретенную (или навязанную) свободу на чувство (даже иллюзорное) безопасности и принадлежности к группе. По Э. Фромму, именно универсальная потребность в идентичности стоит за стремлением людей к обретению социального статуса и за конформизмом, как одним из четырех описанных им психологических механизмов «бегства от свободы»*. Именно эти массовые потребности удовлетворяли фашистские движения межвоенного периода, актуализируя именно этническую/расовую идентичность (См.: [25]).

* Религия и национализм, равно как и любая традиция, а также верование, каким бы абсурдным или постыдным оно ни было, если только они связывают одного индивида с другим, являются спасительными прибежищами от того, чего человек больше всего боится: изоляции», - писал, в частности Э.Фромм [25, с.20.] [Назад](#)

3) Потребность в самобытности, уникальности своего «Я», уверенности в себе, независимости от других, ибо существование человека как личности означает абсолютную непохожесть его на других. Указанные базовые потребности человека вступают в явное противоречие друг с другом, что объясняется единством процессов идентификации и индивидуализации.

Это противоречие, как представляется, не может быть разрешено в рамках этнической идентичности (или разрешено путем подавления стремления человека к реализации своего «Я»), поскольку этнос по своей сути есть групповая общность (по Л. Н. Гумилеву, природная общность), в которой индивид не отличает себя от группы, осознает себя лишь в категориях группового мышления, т.е. не является личностью. «Для такого сознания любая другая группа предстает как «чужая», враждебная «своей». Между «своим» и «чужим» здесь нет никаких опосредствующих звеньев, никаких общих ценностей, побуждающих к взаимному согласию и сотрудничеству. Отсюда и противостояние одного этноса другому, которое разрешается либо силой, либо путем духовного «прорыва» к надэтническим ценностям (например, религиозным или национальным), либо и тем, и другим»[2, с. 15-16.]. Поэтому обращение политиков к актуализации этнической идентичности, доминирование ее в социуме означает его архаизацию, возвращение к древним и более примитивным формам осознания общности.

Однако личности необходимо удовлетворить все эти потребности и, следовательно, как-то согласовать их между собой. Процесс согласования и выражается в том, что человек, удовлетворяя свои потребности в безопасности и принадлежности к общности, осознанно идентифицирует себя с национальной общностью и формирует чувство «мы», а с другой стороны, удовлетворяя потребность в самобытности, отделяет свою общность от других, определяет её специфичность и превосходство в сравнении с иными общностями и формирует чувство «они». Таким образом, «смысл сообщества держится на индивидуальности каждого его члена, а смысл личности проистекает из смысла сообщества...», при этом «истинное сообщество... - это сообщество ответственных личностей»[26, с. 199, 201].

Отметим еще раз, что механизмы этнической/национальной идентификации имеют субъективную психологическую природу. Но при этом этничность обуславливается и поддерживается факторами, существующими для каждого отдельного индивида объективно. Это территория, язык, религия, государство, традиции, овеществленные в материальной культуре и базовых моделях повседневного поведения, эстетические и этические каноны и т.д. Однако в своей «превращенной», субъективной форме они служат основой для этнического самоопределения, выполняя функцию символа-маркера этнической идентичности. Территория («Родина», «мать-земля»), язык («родная речь»), государство («отечество»), жилище («домашний очаг»), религия («истинная-православная» и «ложная-бусурманская») - целая система символов, позволяющая отделить свою этническую/национальную общность «мы» от других «они» и одновременно дающая ощущение принадлежности «я» к «своей» родственной общности.

Этническая идентификация рассматривается рядом авторов как многоуровневое

образование. «Первый уровень - это классификация и собственно идентификация, являющиеся основанием для формирования оппозиции «мы - они». Второй уровень составляет «формирование образов», т.е. приписывание этническим общностям определенных культурных, статусных и т.п. характеристик. Третий - уровень этнической идеологии, под которым понимается «более или менее связанный взгляд на прошлое, настоящее и будущее своей собственной группы в отношении к иным этническим группам»(см.: [27, с. 10-11]).

Подчеркивая особую значимость этнической идентификации для человека и социальной группы, английский исследователь А.Эпстайн утверждает, что она «...является конечной идентификацией, которая охватывает меньшие роли, статусы и идентификации»[28, с. 16]. По нашему мнению, этническая идентичность носит относительно устойчивый, надситуационный и слабо-reflexируемый характер (а не произвольный или предписанный, как у В. Тишкова [29, с. 35]), в отличие, например, от политической идентичности, которая по преимуществу ситуационна и рефлективна. Этим объясняется, в частности, то, что рост значимости этнической идентичности для многих граждан нашей страны не ведет автоматически к росту поддержки политических сил, выступающих от имени и в защиту этноса/нации, или не приводит по крайней мере к становлению массовой устойчивой политической идентификации с этими силами (хотя и создает благоприятные предпосылки).

Однако характер соотношения этнических «мы» и «они» не остается неизменным и определяется не только устойчивыми этническими/национальными авто- и гетеростереотипами, но и реальными межнациональными связями и контактами. Как отмечает немецкий политолог А. Нойманн: «...идентичность - это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса»[30, с. 349]. Чувство идентичности может либо укрепляться от подобных сравнений, либо подвергаться разрушению, если какие-то характеристики «своих» перестают соответствовать сложившимся представлениям, а их поведение уже не отвечает ожиданиям, основанным на прошлом опыте и т.д.

Отсюда, отмеченная многими исследователями, исключительная роль языка в процессе этнической идентификации, особенно при необходимости «оградить», отличить свой этнос от другого. Родной язык человек усваивает как некоторую природную данность, без видимых усилий. Язык же является хранилищем всего разнообразия накопленных знаний, жизненного опыта, обычаев этноса, которые можно сохранить во времени и передать следующим поколениям. Из этого возникает представление о естественной принадлежности носителя языка к языковой и национальной общности «мы».

При этом язык как некое объективное явление (как и традиция) может быть воспринят только в сравнении, только тогда, когда мы узнаем о существовании других - иностранных языков. Отсюда, этнические «они»- это, прежде всего, те, кто не понимает нашу речь, или те, чью речь не понимаем «мы»(отсюда русское «немцы»). Именно поэтому, при определенных политических обстоятельствах, язык может приобрести гипертрофированное значение, превратиться в национальный символ, в средство этнодифференциации и реализации архетипа «мы»- «они». С помощью языка очерчивается тот круг, границу которого «национализированный» человек ни в коем случае не должен переступать.

Вспомним, например, «титанические» усилия украинских властей и «национальной» интеллигенции сформировать этническую идентичность на базе акцентирования и конструирования языковых и исторических отличий от «москалей» (еще Ф. Барт отмечал особую роль «этнического предпринимательства» в «конструированных маркерах-различий»), поскольку иных: расовых, культурных, конфессиональных различий - у двух народов не существует.

Однако, объективно общий язык или языковая близость, обеспечивает понимание и исподволь способствует консолидации сознательно противопоставляемых общностей в единое «мы». Этим можно объяснить, в частности, приверженность многих россиян, украинцев и белорусов к воссозданию союза «трех братских славянских народов». В то же время у многих из них (особенно в приграничных районах) сформировалась так называемая бикультурная ориентация «как целостный набор взаимосвязанных мыслей, чувств и поведенческих репертуаров, который отличается как от доминирующей культуры, так и от жесткой этнически обусловленной идентичности». Термин бикультурная ориентация имеет четыре параметра: бикультурная идентичность, бикультурная самоидентификация, бикультурный характер выбора репрезентативных групп и бикультурная компетентность. Причем бикультурная компетентность означает способность индивида «эффективно функционировать в мультиэтническом плюралистическом окружении», его умение «жить в двух измерениях» [21, с. 85-86]. Бикультурная ориентация выражается формулой «и... - и...» (и русский - и украинец, и русский - и белорус). В целом удачной типологии этнических идентичностей, предложенной авторами учебника «Этносоциология», такой тип идентичности почему-то назван «амбивалентным» [31, с. 179], он, по всей видимости, соответствует понятию «вынужденной этнической идентичности» предложенному В. Тишковым для характеристики нынешнего положения на постсоветском пространстве [29, с. 25-26]. Однако при определенных обстоятельствах двойная (бикультурная) идентичность вполне органична. Так, британский исследователь Б. Крик отмечает: «Соединенное королевство - это не только многонациональное государство, практикующее... квазифедерализм, но и государство, в котором многие люди имеют реальное чувство двойной национальности. Большинство шотландцев, валлийцев и жителей Северной Ирландии (в том числе 20% католиков) считают себя шотландцами, валлийцами, ирландцами и британцами одновременно» [32, с. 91].

В то же время отсутствие языковой близости, препятствуя выстраиванию общего пространства понимания, акцентирует отличия этносов, делает их осязаемыми и затем превращает их, опять же посредством национальных языков, в символические, тотальные отличия. Так, язык титульных наций большинства бывших республик СССР используется для вытеснения русскоязычных в Россию и для закрепления тотальной оппозиции с ней, что ведет к все большему отчуждению между большинством бывших «братских народов».

Именно этими обстоятельствами, связанными с ситуацией выбора стратегии будущего, во многом объясняется такая значимость для советского и постсоветского пространства проблем этнической идентичности и национальных/государственных языков.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Т.2, № 2. М., весна 1997.
2. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. N 5-6.
3. Touraine A. Production de la societe. Paris, 1973.
4. Ellenberger H.F. The discovery of the Unconscious: Basic Books. N.Y., 1970.
5. Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.
6. Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964.
7. Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things Selected Papers/ Edited by S. Schlein. N.Y., 1995.
8. Barth F/ (ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Differences/ Bergen; London, 1989.
9. Mead D.G. Mind, Self and Society. Chicago, 1936.
10. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L., Boulder, 1993, p.66.
11. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
13. Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы восприятия. М., 1993.
14. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. СПб., 1998. № 1.
15. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
17. Сикевич З.В. Этнический фактор в политических процессах современной России. Докт. дисс. СПб., 1996.
18. Соколовский С.В. Топология русскости: исторические, географические и социальные измерения // Школа и мир культуры этносов. Вып.2. М., 1995.
19. Hobsbawm E.J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today. 1992. Vol.8. N 1.
20. Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change/ Ed. by G.de Vos., I.Romanucci-Ross. Chicago; London; 1982.
21. Ethnic identity: Fomation a. transmission among Hispanias a other minorities/ Ed. by M.E.Bernal, G.P.Knight Albany, 1993.
22. Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. Матер. междуна. симп. 24-25 мая 1996 г. М., 1996.
23. Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль 1996. N 3.
24. Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // там же. N 6.
25. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
26. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
27. Скворцов Н.Г. Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика: Сб. статей. СПб., 1995.
28. Epstein A.L. Ethnos and Identity: Three Studies in Ethnicity. London, 1978.
29. Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей / Под ред. М.Б.Олкот, В.Тишкова, А.Малашенко. М., 1997.

30. Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other.// East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2.
31. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учебн. пособие для вузов. М.,1998.
32. Крик Б. Национальные идентичности в многонациональных и многоэтнических государствах: необычный пример Соединенного Королевства//Роль государства в развитии общества: Россия и международный опыт. М.,1997.

А. Я. Якобсон

**ЭТНИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
И ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Закрепленные в Конституции РФ 1993 г. список и статус субъектов Федерации не удовлетворяют, как известно, различные политические силы и весьма уязвимы с точки зрения научной обоснованности.

Сталинская теория национального вопроса широко раскритикована, но идея самоопределения наций, причем в «сталинских», как правило, границах, остается весьма популярной. Именно она использовалась при обретении союзными республиками суверенитета и государственной независимости и используется сейчас национальными движениями или руководством республик России в борьбе за повышение статуса.

Как реакция сформировалась иная точка зрения, негативно оценивающая опыт и саму идею национально-территориальных единиц и призывающая к переходу на губернское деление с исключением этнического фактора, что компенсировалось бы культурной автономией. Такие взгляды нередко связаны с откровенно шовинистическими политическими течениями, но встречаются и во вполне серьезных научных исследованиях.

Из этих двух резко противоположных политических тенденций первая опасна своей сепаратистской направленностью и несправедливостью по отношению к нетитульным народам, прежде всего к русским (которые к тому же, как правило, составляют большинство населения республик, не говоря уже об автономных округах), а вторая - отрицанием права коренного населения на нечто большее, чем культурная автономия.

Эта проблема особенно ярко просматривается на конкретных примерах - хотя бы Байкальского региона, где «коренное» население составляют буряты, для которых эта земля - единственная в мире, а большинство населения - русские, за три века также укоренившиеся на этой земле, построившие здесь города и деревни, сформировавшие особые этнические группы и специфическую региональную разновидность русской культуры (не следует также забывать, что на периферии региона живут еще тофалары и эвенки, а в городах и отдельных сельских районах - татары, украинцы, евреи, немцы, чуваша, поляки и др.).

Напомним, что серьезные проблемы иного плана возникли сейчас в новых независимых государствах, где прослеживается тенденция рассматривать уже русских как меньшинство (численно приближающееся иногда к 50%, а в отдельных районах и значительно превышающее этот показатель) и уже за ними признавать право не более чем на культурную автономию.

В поисках истины следует прежде всего теоретически уяснить, в чем же заключаются интересы тех или иных этнических общностей при проведении административных границ. Введем понятие этнических интересов, определив их как те интересы, которые являются общими для представителей определенной этнической группы, поскольку обусловлены их принадлежностью к данной группе. Такое определение предполагает приоритет интересов и прав отдельного человека. Простая логика, опирающаяся на данное понимание, позволяет выделить три группы этнических интересов.

1. Равноправие, т. е. отсутствие дискриминации по национальному признаку. Положение о равноправии было очень четко сформулировано в последней Конституции СССР (ст. 36): «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права... Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым или национальным признакам, равно как и всякая пропаганда расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения - наказываются по закону». Мы ссылаемся именно на этот, давно не действующий документ, так как в нынешней Конституции РФ соответствующая формулировка (ст. 19), на наш взгляд, несколько смазана: там речь идет о равенстве прав и свобод «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» и о запрете на ограничение прав «по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности»; специально же о национальном равноправии не говорится, хотя вопрос о равенстве мужчины и женщины развивается в отдельном пункте той же статьи.

В приведенной формулировке фактически речь идет о праве каждого человека «не иметь национальности», когда он этого не хочет. Это глубоко индивидуальное право, но там, где оно нарушается для какого-либо этноса, представителей данного этноса объединяет общий интерес, направленный на отмену дискриминации.

2. Приобщение к национальной культуре. Стремление «не иметь национальности» - т. е. требование, чтобы национальность не учитывалась при распределении тех или иных благ, не противоречит стремлению индивида одновременно (в иных ситуациях) «иметь национальность» - говорить в быту на родном языке, читать на нем периодику, обучать ему детей, соблюдать национальные обычаи, организовано общаться с соплеменниками и т. п. В отличие от первой группы, соблюдение этих интересов возможно лишь при наличии на данной территории некоего минимального количества представителей данной национальности, причем это количество различно, скажем, для открытия школы с обучением на национальном языке или с преподаванием этого языка, для открытия театра или издания газеты и т. д.; но уже для того, чтобы отметить национальный праздник, достаточно и одной семьи -

лишь бы власти не рассматривали это как крамолу.

3. «Статус хозяина». Эта категория, в отличие от первых двух, обычно в литературе не обсуждается, а между тем она-то и является ключевой для понимания большинства межнациональных конфликтов. Для уяснения ее рассмотрим идеализированную ситуацию.

Пусть на некоторой самоуправляемой территории этнический состав населения практически однороден. Тогда для представителей основной национальности вопрос о равноправии или о приобретении к национальной культуре даже не возникает. Дискриминация по национальному признаку для них исключена. Не нужно специально открывать школы с обучением на национальном языке, не нужно выбирать язык обучения: язык во всех школах один и другим быть не может. Национальные обычаи, праздники, символы естественным образом приобретают на данной территории официальный или полуофициальный характер. Такая ситуация наиболее комфортна для представителей национального большинства; малочисленная же остальная часть населения, особенно если она состоит из единичных представителей, обычно воспринимает все как должное.

Однако очевидно, что каждый из этих индивидов лишен того комфорта, который испытывают (чаще всего даже не задумываясь об этом) принадлежащие к большинству, а это не может не вести к дискомфорту. Разумеется, дискомфорт этот каждым индивидом может восприниматься более или менее остро и даже рассматриваться как нечто почти несущественное, но при сопоставлении данного региона с другим, где соответствующая национальность преобладает, этот момент будет отмечен как пусть маленький, но все же минус (естественно, сказанное не относится к личностям полностью ассимилированным, ощущающим себя частью этноса-большинства).

Рассмотрим теперь иную идеализированную ситуацию. Пусть соотношение «большинства» и «меньшинства» близко к равному. Тогда естественно стремление «меньшинства» к равенству с «большинством» - не только к личному равноправию, но и к равенству в «статусе хозяина». Например, «меньшинство», широко пользуясь родным языком в быту, заинтересовано в том, чтобы не переходить на язык «большинства», обращаясь в государственные органы, а для этого требуется, чтобы чиновники этот язык понимали (и обязаны были понимать), что лучше всего обеспечить заранее, обязательным изучением его в школе (как в национальных школах для «меньшинства» обязательно изучение языка «большинства»).

Тут-то и возникает конфликт. Как правило, две сосуществующие нации имеют разные основания претендовать на «статус хозяина». Таким основанием может служить, помимо уже сложившегося и ставшего традиционным статуса, любой из ниже перечисленных факторов:

- достаточно большая численность «меньшинства», почти не уступающая численности основной нации, а иногда и превосходящая ее, хотя та продолжает по традиции сохранять свой статус;
- память о том, что данная нация живет на этой территории искони (или достаточно давно), или когда-то господствовала здесь, или внесла существенный вклад в ее историю;
- численное преобладание или статусное господство в регионе более высокого

ранга (например, в стране), при том что на данной территории нация не составляет большинства;

- и даже когда все это отсутствует - требование обеспечить права большинства, компенсировать его ущемленность.

К тому же претендующих на приоритетный статус наций может быть более двух, и для возникновения таких претензий совсем необязательно численное равенство - достаточно минимально компактного скопления. При небольшом количестве представителей данной нации (возможно, достаточном для развития национальной культуры) претензии на «статус хозяина» могут еще долго не возникать, но заинтересованность появляется.

Если говорить в терминах не интересов, а прав, то, видимо, здесь применимо общее для всех гражданских прав (например, свободы слова) положение: право на «статус хозяина» в идеале должно предоставляться любой претендующей на это нации, поскольку это не ущемляет интересов других наций (а точнее, представителей других наций); в конфликтных ситуациях следует сопоставлять все основания и, вполне возможно, идеальный вариант окажется нереалистичным, но не перестанет от этого быть идеальным, т.е. в принципе желательным.

Можно отметить еще одну - дополнительную - группу этнических интересов. Это льготы по национальному признаку. В принципе, заинтересованность в таких льготах, объяснимая психологически, носит противоправный характер. Но, видимо, в виде исключения, общество может в отдельных случаях и на строго ограниченный срок допускать подобные льготы применительно к нациям, отставшим в развитии из-за каких-то особенностей своей истории (особенно из-за национальной дискриминации). Здесь важно, во-первых, иметь уверенность, что данные особенности повлияли на замедление социального развития этой нации именно как общности, что имела место причинная, а не вероятностная связь, во-вторых, не допускать, чтобы льготы одним не превратились в ограничения для других - последнее не-допустимо даже в виде исключения.

Можно ли, однако, этого не допустить? Продемонстрируем это на условном примере. Допустим, при вступительных экзаменах на некий факультет при плане приема 100 человек 80 абитуриентов набрали от 12 до 15 баллов и 50 - по 11. Очевидно, из последней группы большинство зачислено не будет, для отбора понадобятся дополнительные критерии. Допустим теперь, что в экзаменах участвуют представители «привилегированной» по каким-то соображениям национальности и что один из них набрал 11 баллов и еще двое - по 10, остальные же - меньше. Если сразу включить первого в число 20 «счастливых», даже если включить в это число двух других, то не будут нарушены чьи-либо личные права: каждый из 50 должен быть готов к тому, что персонально он не будет зачислен, раз набранный им балл всего лишь полупроходной. Иное дело, если бы была возможность ранжировать абитуриентов недискретно: тогда и занявший 100-е (т.е. не 101-е!) место был бы вправе рассматривать свое незачисление как акт дискриминации по национальному признаку, хотя бы первые 99 были той же национальности.

Вернемся к «статусу хозяина». Понять эту категорию нельзя, не отказавшись от традиционного представления о национальных территориях, якобы принадлежащих тому или иному этносу, и о возможности разделить Землю на такие территории.

Трудно перечислить все конфликты и войны, в том числе идущие сейчас, которые возникли из-за такого представления. Ведь у националистов каждого этноса есть довольно четкие соображения по составу «своей» национальной территории. Сюда обязательно включается вся территория, где этот этнос сегодня является титульным (если таковая имеется), независимо от того, насколько обоснованы ее границы; но, как правило, этот минимум дополняется всеми землями, которыми этнос в лице своего государства хоть когда-либо владел (а возможно, и не владел, а лишь предъявлял на них претензии, как Россия на Черноморские проливы) или где его представители компактно проживают сейчас. Но совершенно очевидно, что любой клочок суши, входивший когда-либо в состав разных государств или со смешанным составом населения, при таком подходе становится объектом притязаний нескольких этносов.

Вместо «национальной территории» введем понятие «геоэтнический регион». Это та территория (нечетко очерченная), в рамках которой лежит экологическое местообитание данного этноса, сформировавшееся в соответствии с его историко-культурными особенностями и служащее необходимым условием воспроизводства национальной культуры и самого этноса в том виде, в каком они реально существуют. Подобно тому, как по разным принципам и критериям определяются место обитания видов, занимающих разные экологические ниши, в соответствии с совершенно различными принципами формируются геоэтнические регионы разнотипных народов: оседлых, кочевых (хотя бы в прошлом), имперских, диаспоральных и т.д. Отсюда, неизбежны территориальные перекрытия. Например, упоминавшийся выше Байкальский регион, очевидно, представляет собой одновременно часть единого геоэтнического региона русского этноса и (по крайней мере, большей своей частью) геоэтнический регион бурят.

Непонимание экологической природы и разнотипности геоэтнических регионов приводит к хорошо известным недоразумениям. Так, А. И. Солженицын, критикуя российско-казахстанскую границу, возмущается прирезкой к Казахстану тех территорий, где «казахи раз в году скот перегоняли» [1]. В его представлении Казахстан - это лишь та территория, где казахи, подобно русским, пахут землю и сеют хлеб. А на самом деле, в соответствии с традиционным способом существования казахов (экологической ниши этноса), их местообитание как раз и образуется территорией, в пределах которой хотя бы раз в году перегоняют скот.

Такую же ошибку совершил латышский поэт К. Скуениекс, удивившийся, что «сейчас около 60 миллионов - а то и больше - русских живут за пределами своей Родины» [2]. По Скуениексу, Россия точно также кончается на границе Латвии, как Эстония или Литва (не будем говорить о допущенной им фактической ошибке: 60 миллионов - это численность не русских, живущих вне России, а граждан СССР различных национальностей, живущих вне своих «титульных» образований; впрочем, ошибка эта достаточно красноречива). Но для русских также естественно было мигрировать по всей территории Союза, как для латышей - по всей территории Латвии. Это не хорошо и не плохо, это объективный факт.

Совершенно очевидно, что при принятом нами подходе невозможно так разделить территорию, чтобы это было справедливо по отношению ко всем живущим на ней этносам. Но это еще не основание бросать камень в творцов советской territori-

альной организации национальной политики. Во-первых, они следовали принципу самоопределения наций, который не ими был придуман и разделялся тогда всеми цивилизованными политическими силами. Во-вторых, в выправлении национальной политики царской России просто неизбежен был перегиб палки в противоположную сторону. В-третьих, советская национальная политика до 2-й половины 1930-х гг. по своей организации принципиально отличалась от позднейшей, в основных чертах дожившей до 1989 г. Она складывалась из трех направлений, соответствующих трем проявлениям национальных интересов:

- 1) обеспечивающей территориальной организации как важной, но не единственной составляющей, на данной территории «статус хозяина» соответствующего народа, более многоступенчатой и поэтому позволяющей охватить небольшие национальные анклав и ареалы расселения многочисленных народов;
- 2) фактической культурной автономии (хотя и без институционального оформления), позволяющей, независимо от официального статуса той или иной территории, охватывать ее деятельностью школ, периодических изданий, театров, иногда даже вузов на языках всех живущих здесь народов;
- 3) официального признания интернационализма высшей государственно-идеологической ценностью и запрета любой этнической дискриминации.

И лишь начиная с 1937 г. (параллельно другим известным событиям и в полном соответствии с ними) пошло изменение курса. И хотя самые острые «перегибы» были позже отчасти выправлены, в основном национальная политика так и осталась «сталинской». Теперь она уже почти целиком определялась территориальной организацией, а последняя стала более простой и однозначной. При таком положении неизбежные несовершенства территориальной организации уже ничем не уравновешивались.

Если говорить о будущем, то ситуация упрощается, если принять, что статус хозяина может быть закреплен более чем за одним этносом. Даже если субъект Федерации носит название по тому народу, с геоэтническим регионом которого его территория примерно совпадает, это не должно затмевать того факта, что некоторые другие народы здесь также являются хозяевами. Важно выработать такую систему региональных ценностей, которая учитывала бы этот факт, опиралась на разные культурно-исторические традиции. Например, в довоенной Белоруссии были конституционно закреплены как равноправные четыре государственных языка - белорусский, русский, еврейский, польский. Можно упомянуть также флаг Великобритании, образованный наложением флагов составляющих ее частей, или случай, описанный М. А. Шолоховым в «Тихом Доне»: одно из эфемерных государств, возникающих в ходе Гражданской войны на Дону, имело трехцветный флаг, символизирующий единение казаков, иногородних и калмыков.

Разумеется, выработать такую систему ценностей непросто, особенно когда два соседних народа имеют давнюю (или «свежую») традицию вражды. Да и без таких традиций - как убедить в необходимости этого народ-большинство, особенно если он только что завоевал независимость и упивается ею. Но единственная альтернатива - перманентная гражданская война, хотя бы и в «мирных» формах.

Если применить сказанное к гипотетическому случаю превращения Байкальского региона в субъект Федерации, то в «региональной» конституции могли бы быть

оговорены статус русского и бурятского языков (например, обязательное дублирование на последнем документов общерегионального значения, обязательное изучение бурятского языка в школах на территориях компактного проживания бурят хотя бы в качестве меньшинства) и других аспектов, важных для обоих этносов (символика, праздники и др.). Подобный регион не был бы ни «республикой бурятского народа» (т. е. «нерусской»), ни просто одной из российских губерний.

Иными словами, необходим не отказ от «советской» системы с возвращением к досоветской, а переход к новой системе, учитывающей все положительное, что было в прежней.

Литература

1. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. 1990. 18 сент.
2. Скуениекс К. Я желаю русскому брату встать на ноги // Дружба народов. 1990. №7.

Б. Хельшер, Р. Диттрих

РОССИЯ ИДЕТ НА ЗАПАД?

**Анализ российской
социальной структуры:
взгляд из Германии**

1. Введение

Эта статья посвящена вопросу о том, относится ли к России тезис о детрадиционализации и индивидуализации, обсуждаемый в последнее время в немецких исследованиях неравенства и стилей жизни. Иными словами, насколько свойственно России расслоение на многочисленные, частью многомерно организованные группы стилей жизни. Злободневность этой темы вытекает из наблюдаемого в последние годы (по крайней мере, с немецкой точки зрения) движения России на Запад (вестернизации), а именно, на фоне процесса нарастания прозападных ориентаций в поведении и также принятия западных ценностных и нормативных образцов, по меньшей мере, некоторыми группами российского населения. Эти вопросы актуальны и важны потому, что в 1999 г. предстоит вторая всероссийская перепись населения, тогда как первая была проведена уже больше ста лет назад (1897 г.). На схеме ([Рис. 1.](#)) представлен прогноз распределения населения по критерию трудоспособности для всей России до 2010 г. Подобно тому, как это происходит в западных индустриальных странах, в России, согласно прогнозу, возникнет проблема общего уменьшения доли занятого населения. В немецкой дискуссии, как в среде общественности, так и в политике и науке, в связи с этим ставится вопрос о пенсионном обеспечении и угрозе разрыва договора поколений [1; 2].

В связи с тезисом о детрадиционализации и индивидуализации, и с учетом тенденций, показанных на диаграмме (Рис. 1), возникает много вопросов о современной форме российского социального порядка и нынешних ориентирах в социально неравных диспозициях, которые воспроизводятся в процессе социальной интеракции. Эти вопросы всплывут при методическом учете критериев социального неравенства в ходе переписи населения 1999 г. При этом оказывается, что и на Западе и в России на данный момент все же неясно, какие вообще критерии неравенства значимы для России. Значимы ли они в ходе измерения при помощи общих социоэкономических индикаторов? Могут ли социодемографические признаки (напр., пол), социокультурные практики и практики потребления (например, поведение в свободное время и культура) дополнительно считаться критериями горизонтального неравенства. Соответствуют ли тогда первые показатели измерению по шкале статус/престиж: «уровень образования - профессиональная позиция - уровень дохода», которые известны в западных индустриальных странах в качестве достаточно значимых отличительных критериев социального слоя? Далее, в настоящее время неясно, следует ли опять-таки понимать социальное неравенство в России в ходе «вестернизации» как тенденции детрадиционализации и индивидуализации западного образца, т.е. в том виде, как эти тенденции уже сложились в Германии и других западных странах, а также в новейших теориях социального неравенства и как были обнаружены, по крайней мере, частично в эмпирических, ориентированных на стили жизни общественных диагнозах [3-5]. Прежде всего, в статье рассматривается история переписи населения в России, при этом во втором разделе показаны ранее считавшиеся центральными для анализа российской социальной структуры критерии неравенства. Затем в третьем разделе дается краткий очерк современного состояния исследования неравенства и стилей жизни в Германии. В этом контексте в четвертом разделе обсуждается допустимость проекции подобных современных ценностных и нормативных образцов, которые имеют место в Германии, на ситуацию в России. Поскольку вторая всероссийская перепись населения только предстоит, в статье показаны исторические социокультурные изменения и прогнозы относительно России, чтобы в заключение представить гипотетическую картину современной формы общероссийского социального порядка, особо в ракурсе тенденций детрадиционализации и индивидуализации в России, что важно в рамках западной исследовательской перспективы.

2. История переписи населения в России

2.1. Краткая история статистики в России.

Исторически одной из важнейших потребностей для обеспечения господства в России был учет налоговых поступлений и необходимое для этого определение налогооблагаемой единицы. Вплоть до XV-го в. не существовало единой величины регистрации сбора: поборы рассчитывались либо на основе земельного владения, либо со двора («мужчина», «дым»), либо с рабочей единицы («плуг», «соха»). Изменения произошли только после реформы налоговой системы при Петре I. Единицей налогообложения стала «душа» мужского пола (десятилетия спустя стали учитываться оба пола). С этой реформой была связана первая поголовная регистрация российских подданных, которая была осуществлена в ходе ревизии

26.11.1718. Через год предполагалась официальная сдача данных этой переписи.¹ Однако фактически ревизия была закончена только в 1727 г., т. е. через 10 лет после издания указа. На проведение последующих 9 ревизий потребовалось примерно столько же много времени.² Нерегулярность во времени в сборе данных, переход ответственности за проведение ревизий от Сената к Министерству финансов и обратно, отсутствие единой формы анкеты, учет только «душ» без других данных показывают несовершенство такого рода ревизий. Чтобы несколько уравновесить эти недостатки, велись церковные (приходские) книги о населении, причем, пол, возраст и сословная принадлежность учитывались в них, однако, здесь охватывалась только православное население. Поэтому проводились дополнительные сборы статистических данных, например, учет цен на хлеб в 1723 г., с 1724 г. проводилась обязательная регистрация новых фабрик. В этом же году была предпринята попытка провести статистический учет урожая. Следствием этой многочисленности дополнительных сборов данных было основание в 1843 г. Временного Статистического Комитета при министерстве внутренних дел, который в 1852 г. был преобразован в Постоянный Комитет.

8 февраля 1819 г. на базе Педагогического института был основан Санкт-Петербургский университет, который в то время состоял из трех факультетов: философско-юридического, историко-филологического и физико-математического.³ К предметам, которые преподавали на историко-филологическом факультете, относилась, в том числе, и статистика. Первой кафедрой по этой дисциплине заведовал К. Ф. Герман (1767-1838).⁴ Герман учился у Шлецера в Геттингене, с 1806 г. был профессором статистики, а с 1811 г. - руководителем статистического отдела при министерстве внутренних дел, первого официального центрального статистического органа в России. А. Л. Шлецер в свою очередь, будучи учеником А. Ф. Бюшинга, выступал за традиционные идеи страноведения.⁵ Он был в 1761-1767 гг. в России и в 1769 г. стал членом Петербургской Академии наук. В России он принимал участие в разработке проектов учета рождений, венчаний и случаев смерти, которые были до этого обязанностью церкви. В этих учетных образцах (таблицах смертности) смертные случаи были впервые разделены по причинам смерти и возрасту. В 1764 г. эта система таблиц смертности была официально введена в Санкт-Петербурге, а затем и во всех остальных губерниях.

Первые работы по введению статистику можно найти у И. Горлова («Обозрение экономической статистики России» Санкт-Петербург, 1817, 80 страниц), по истории статистики - у А. А. Кауфмана («Статистическая наука в России. Теория и методология 1808-1917. Исторический очерк», Москва 1922, 218 страниц). В этой работе Кауфман делает следующее заявление, которое очень наглядно объясняет сложности распространения статистики в царской России: «...Препятствием для распространения идей и методов политической арифметики в России являлась государственная тайна относительно количественных данных, которые ревностно охранялись в канцеляриях... Только в начале царствования Александра I произошел настоящий прорыв в этом отношении, когда находящиеся в архивах государственных учреждений материалы были опубликованы, и могли быть использованы как числовые данные в различных работах».[6, с. 276-277].

В конце XVIII - начале XIX вв. были созданы теория вероятности и математическая

статистика. Теперь наряду с учетом населения объектом статистического наблюдения и учета стали торговля, транспорт, промышленность, сельское хозяйство и финансы. В конце XX в. статистические методы были возведены в ранг универсальных. Так, например, корреляционная теория нашла тогда применение в биологии и антропологии, теория динамических рядов - в экономике и метеорологии [7, с. 4]. Хотя русская статистика и подчинялась этим общим закономерностям, она, тем не менее, шла своим путем. Так, формирование статистической теории в России было ускорено основанием официальной статистики, которое стало необходимым из-за подготовки реформ 1861 г. (отмена крепостного права) [8]. Этот период истории статистики вплоть до 1917 г. обозначен в литературе как земский период [9, с. 349].

2.2. Первая российская перепись населения (1897)

В России основы интереса к науке о населении (демографии) были заложены в XVIII в. В это время появилось множество социально-экономических трактатов и проектов, которые были посвящены укреплению крепостного права на крестьян и его роли в российской государственности. Принятие европейских идей определяло этот процесс в двух направлениях. В одном он был обусловлен становлением историографии благодаря так называемой ... школе, представители которой обратили на себя внимание изданием исторических памятников. В другом - развитием в XVII-XVIII вв. статистического описания страны, которое исследовало ту или иную страну по отдельным признакам, включая население.⁶ Вообще, XVIII век богат публикациями на тему населения и его истории.²

В 1997 г. наступила сотая годовщина первой всероссийской переписи населения. Эту дату следует назвать потому, что в 1999 г. предстоит новая перепись, которая снова имеет определение «всероссийская» [10].⁸ Первой переписи предшествовали уже упомянутые ревизии,⁹ которые были сначала посвящены только мужскому населению и должны были служить учету налогоплательщиков и военнообязанных, т.е. имели фискальное и налоговое содержание. [11].¹⁰

Одним из первых ученых, который выступал за всеобщий учет статистических данных о населении России, был академик Петр Иванович Кеппен (1793-1864). Он был действительным членом Русского Географического общества и руководил статистическим отделом.¹¹ Сильный интерес к данным о развитии населения привел к тому, что в некоторых городах и территориях были проведены областные переписи населения, которые сильно различались между собой по качеству и учету данных, конструкции анкет и обработке данных. Регулярные исследования проводились в Москве и Санкт-Петербурге. Ими руководили известные ученые: П. П. Семенов-Тянь-Шаньский (1869 г.), Г. Е. Ясон (1881 г. и 1890 г.) в Санкт-Петербурге, в Москве - А. И. Чупров и И. И. Яншул (1871 г. и 1882 г.). Русское Географическое общество уже в 1857 г. поставило вопрос об общей и всеохватывающей переписи населения. Особая заслуга в подготовке и организации первой переписи населения принадлежит Петру Петровичу Семенову-Тянь-Шаньскому (1827-1914). Семенов был действительным членом Академии Наук, членом Международного Статистического Института и вице-президентом Русского Географического Общества.

Им был разработан проект всеобщей переписи населения и в 1877 г. представлен

Государственному Совету. Только в 1893 г. министр финансов С. Ю. Витте дал зеленую улицу проведению этого опроса. 5 июня 1895 г. царь Николай II утвердил этот проект, реализация которого должна была, в конечном счете, начаться 9 января (28 января по старому стилю). Покровителем опроса был министр внутренних дел, который одновременно занимал должность председателя Высшей Счетной Комиссии. Комиссиями в губерниях и районах руководили соответствующие губернаторы. В округах и деревнях председателями были бояре. Существовали особые комиссии для городов и крупных городов. Организация опроса должна была опираться на западный опыт, но при этом соответствовать российским условиям. Но недостатки все же оставались, так как население не было готово к подобному учету. Поэтому многие вопросы должны были решаться прямо на месте.¹² Полиция и жандармерия были обязаны проинформировать население об учете и объяснить домовладельцам, что счетчикам должен быть предоставлен доступ в дом и в квартиры. Для работы счетчиками рассматривались такие люди, которые вызывают доверие: учителя, церковнослужители, землевладельцы, образованные из низших сословий. Количество счетчиков составляло около 150000 человек, а число учитываемых - 127 миллионов.¹³ Поэтому население для учета было разделено на три группы: наличное, постоянное и зарегистрированное. Объектом наблюдения были отдельные хозяйства, которые, однако, не были четко определены в инструкциях.¹⁴ Так зачастую производился повторный счет, а несколько хозяйств учитывались как одно. В состав хозяйства входили члены семьи, точно также родственники и другие лица, которые зависели от этого хозяйства и жили в нем совместно. В ходе переписи не было уделено внимания еще одному важному признаку, а именно признаку *совместного хозяйствования*. Из данных нельзя также сделать выводы о миграционных процессах, так как отсутствуют, например, данные о месте рождения. Много места в опросном листе отведено национальной принадлежности, родному языку и религии, которые были учтены дифференцированно примерно в 130 группах, коррелировали и кооррелируют до сих пор с различными факторами (пол, возраст).

Форма сбора данных подразделялась на четыре категории: «А» для деревенских хозяйств в сельской общине, «В» для поземельной собственности, частного владения в деревнях, «С» для городского населения и «D» для лиц без постоянного места жительства с сокращенной анкетой. Обработка заполненных анкет производилась исключительно статистическим комитетом путем ручного подсчета. Подсчетом руководило 100-150 ответственных редакторов. Поэтому обработка данных переписи населения была завершена только в 1905 г., и результаты представлены в 89 томах.¹⁵ Сразу же после публикации результатов переписи населения появились негативные замечания о методах опроса, организации опроса и методах обработки [12, с. 15].¹⁶ Несмотря на трудности обработки и длительность срока обработки данных первой народной переписи, появилось большое количество учебников по теории статистики и статистики населения, в которых рассматривалась методология сбора данных и которые содействовали успеху статистической науки в России.¹⁷

2.3. Замечания о возникновении демографической статистики в Германии

Начало переписей населения в Германской империи - как это до сих пор понималось - относится где-то к середине XIX в. Они восходят, прежде всего, к учению о

населении Эрнста Энгеля, который назвал его «демология». В свое время он был, пожалуй, одним из самых значительных, если вообще не самым крупным национальным статистиком-демографом. Подобно тому значению, которое придавалось переписи в земский период, для Энгеля перепись населения была «важнейшей из всех статистических операций, основа и фундамент всей статистики». Именно благодаря переписи народа может быть представлено физическое, нравственное, духовное, социальное и политическое состояние населения государства в количестве и объеме» [цит. по 14, s. 205].

В целом, целью демографической статистики в Германии и связанных с ней переписей населения того времени было создание посредством стандартизированных методов учета и способов обработки статистических данных, некий «счетный механизм естественного движения народонаселения». Наряду с полом и религиозной принадлежностью устанавливались, прежде всего, возраст, родной язык, семейное положение, место жительства и работы, профессия и школьное образование, квалификация, число детей и, в отличие от российской переписи, сроки безработицы, в особенности в отношении главы семьи [14, s. 206].

Эти критерии, которые были характерны для переписей населения последней трети XIX века, и в настоящее время используются в качестве центральных в эмпирическом описании социальной структуры Германии.

За переписями населения в Германской империи 1871 и 1875 гг. последовали регулярные - каждые 5 лет до 1910 г. сборы данных. Их можно разделить, во-первых, на профессиональную статистику, сбор данных для которой с 1882 г. регулярно проводился в форме переписи профессий и предприятий, которые расширяли данные возникшей ранее экономической и социальной статистики; во-вторых, надо назвать рабочую статистику, которая имеет непосредственное отношение к статистике рынка профессий и рынка труда современного образца. После того как распоряжением от 1.4.1892. была основана комиссия по рабочей статистике, в 1902 г. отделение рабочей статистики в Императорской Статистической Службе было основано в качестве постоянного учреждения. Основной тематикой рабочей статистики были среди прочего учет социального положения и быта промышленных и сельскохозяйственных рабочих, а также инвентарная опись и социокультурные описания низших слоев. При этом сначала без внимания остались жилищные условия, которые решающим образом влияют на быт. Только в 1918 г. с помощью первой переписи квартир в Империи был изучен квартирный вопрос. В целом, уже тогда статистический учет, эмпирическое описание, а также теоретический анализ *неравных социальных позиций и условий жизни* были центральной задачей анализа социальной структуры Германии. До недавнего времени казалось, что для этого достаточно классовых и стратовых моделей. Только где-то с 1970-80-х годов с увеличивающейся *дифференциацией стилей жизни* в ходе наблюдаемых тенденций детрадиционализации и индивидуализацией начали выходить на первый план требования других подходов, которые бы расширили стратовую и классовую модели. В Германии, как и в западном культурном кругу вообще, это научное развитие выражается в последних или «новых» теориях социального неравенства и в новейших исследованиях стиля жизни и среды.

3. Дискуссия о детрадиционализации и индивидуализации в Германии

3.1. Ориентированный на стиль жизни анализ социальной структуры

В западных индустриальных государствах, как и в Германии, дифференциация стилей жизни является наблюдаемым следствием тенденций дестрадиционализации и индивидуализации ценностных и нормативных образцов. Так, уже Георг Зиммель около ста лет назад в своем произведении «Философия денег» дал определение стиля жизни, которое в своем содержании охватывает и современное определение и поэтому является здесь основополагающим. С одной стороны, Зиммель выдвигает центральные поведенческие моменты стиля жизни в смысле переживаемого и проживаемого социального дистанцирования и идентичности. С другой стороны, он показывает общесоциальные моменты, которые способствуют дифференциации стилей жизни: «Да, просто факт существования стиля является сам по себе одним из самых значимых случаев дистанцирования. Стиль в выражении наших внутренних процессов свидетельствует, что они больше не выплескиваются непосредственно, а в момент своего проявления оказываются облаченными. Стиль, как общее придание формы индивидуальному, является для последнего неким покровом, который создает барьер и дистанцию от другого, который это выражение воспринимает» [15, s. 659]. «Весь стиль жизни общины зависит от отношения ставшей объективной культуры к культуре субъекта. ... В среде низкой культуры это отношение (количественной определенности, - прим. авт.) будет практически тем же самым, объективные возможности культуры здесь почти не превышают субъективную действительность культуры. Повышение культурного уровня, в особенности, если оно совпадает по времени с увеличением круга, способствует их разделению» [15, s. 628].

В этом смысле современные стили жизни, по крайней мере, в старых землях ФРГ постепенно выделились из уже существующих «капиталистических» структур и идеологий, прежде всего из ориентированных на потребление ценностных и нормативных образцов. Стили жизни будут, вероятно, меняться и дальше, независимо от того, какой образ они примут в будущем. Специфически современное в сегодняшних западных социальных устройствах следует искать поэтому не в понятии «стили жизни», а в понятии «растущая дифференциация» («Ausdifferenzierung»), т. е. в исторически сравнимом контексте изменений в одной и той же общественной форме. Это принципиально касается любого социального порядка, включая российский.

В целом историческая смена ценностей и норм может рассматриваться как следствие социализации, модифицированной в каждом поколении. Согласно Шульце, в Германии «параллельно со скачкообразной эстетизацией повседневной жизни ... выделилось коллективное пространство схемы эстетики повседневности» [3, s. 22]. Таким образом, в настоящее время многократно размноженные знаки и символы эстетики повседневности (различные варианты стилей одежды или «потребления культуры») в рамках повседневной интеракции берут на себя функцию *знаков социальных различий*, тем самым функцию существовавших социальных дифференциаций и *экспрессивных социальных идентичностей* [16, s. 195, 199; 17, s. 75, 102]. Социологически важно, что конфигурации знаков и символов эстетики повседневности на подгрупповом уровне в больших социальных группах выполняют функцию *схем социального различия и идентичности* [17, s. 103; 3, s. 127, 142-

158; 18, s. 104, 137; 19, s. 76]. Такие конфигурации знаков и символов являются типичными для стиля объединениями неоднократно комбинированных и использованных знаков и символов (рабочая и выходная одежда, обычное поведение, способ проведения досуга, габитус и т.д.), которые в их совокупности можно определить и рассматривать в каждом случае как *специфические стили жизни*. Бурдье выразил это в своей широко известной формуле «структура - практика - габитус» [18, s. 174].¹⁸

В этом смысле детрадиционализированные и индивидуализированные ценностные и нормативные образцы стали жизненной реальностью современного населения Германии. При этом «*детрадиционализация*» отвечает на поведенческом уровне за растущую переориентацию преимущественно в направлении нематериальных ценностных и нормативных образцов, например, самореализацию. Основой этой переориентации является ее включенность в реорганизацию социального порядка от общества дефицита через общество благоденствия [21, s. 20] в направлении к современным общественным формам, которые можно назвать среди прочего обществом культуры [22, s. 107-128.] или обществом переживания [3]. «*Индивидуализация*» отвечает при этом за выросшие возможности выбора между различающимися вариантами поведения по поводу потребительских и социокультурных практик, но также в отношении различных жизненных форм, и вообще между альтернативными моделями жизненного уклада. Основа этого в том, что определенное материальное благосостояние для широких слоев населения, прежде всего для увеличившегося среднего класса может считаться данностью. Однако индивидуализация не означает, что все расширенные возможности поведения не подчиняются никаким правилам, что выбор является исключительно индивидуальным. Напротив, эти возможности, как и прежде, включены в специфические для среды ограничивающие образцы. Выбор поведения происходит как и прежде с ориентацией на референтную группу, однако при этом ранее более значимые нормы долженствования (Muss-Normen) все больше заменялись/заменяются нормами обязательств и возможности (Soll- und Kann-Normen). Поэтому увеличившаяся свобода выбора есть только умеренное расширение вариантов, при котором специфические для среды ограничения и санкции либерализованы [23, s. 138, 141, 145].

3.2. Исследования неравенства, ориентированного на стили жизни

В рамках ориентированного на стили жизни анализа социальной структуры и в новейших теориях социального неравенства ведется дискуссия о тенденциях детрадиционализации и индивидуализации в указанном смысле «усиливающейся дифференциации стилей жизни». В этой связи центральным является тезис о том, что «новое» горизонтальное неравенство может *пересекаться* со «старым» вертикальным неравенством [24, s. 8; 25, s. 87]. *Вертикальное социальное неравенство* указывает на позицию соответственно по отношению к процессу труда и производства. Они отвечают за социально-экономически обусловленные, неравные шансы доступа к желанным благам, товарам и социокультурным практикам, на основании которых люди обсуждают и оценивают себя лучше или хуже обеспеченными в материальном отношении. [26, s. 30]. Таким же образом измеряется *статусное положение*, которое сочетается с определенным *престижным поло-*

жением как оценочной категорией социального авторитета на основе социально-экономически обусловленных шансов соучастия [26, s. 48; 20, s. 90]. Как статусные, так и примыкающие престижные позиции организованы, как правило, обществом в целом и поэтому обосновывают *общее расположение социальных больших групп*, которое известно как типичная для социального пространства структура классов или слоев. Вертикальные ценностные и нормативные образцы здесь не просто закреплены, они, по крайней мере, до сегодняшнего дня, передаются следующему поколению специфическим для слоя образом. Это происходит посредством ориентированной на референтную группу социализации в родительском доме, а также через систему образования; на чем основываются специфический для слоя образец идентичности и вертикальная различительная принадлежность большой группы. Этим объясняется воспринятый западным населением образец ориентации, и вследствие этого благодаря уровню образования опосредствуются шансы на определенные профессиональные позиции, которые, в свою очередь, обуславливают шанс претендовать на размер дохода, которые затем опять-таки определяют решающим образом шансы в сораспределении ограниченных и/или желаемых товаров и практик. Это и есть устоявшаяся, по крайней мере, на Западе основная идея социальной расстановки себя и чужих в престижной и статусной позициях, которые дают выход через позиции соответственно в процесс труда и производства. Эта идея прослеживается в ходе интерпретации типичных для большой группы знаковых и символических конфигураций, которая в свою очередь ориентирована в значительной степени на социально-экономически обусловленные условия доступности.

Статусные и престижные позиции в рамках социальной интеракции выполняют функцию различительных образцов, типичных для среды или стиля жизни, а также функцию выражения схемы социальной идентичности. В анализе социального порядка на Западе статусные и престижные позиции можно относительно корректно эмпирически измерить и представить с помощью трехчленной конфигурации: *«уровень образования»*, *«профессиональная позиция»* и *«размер дохода»*. Это, кстати, «классические» общие показатели стратификационной модели, причем исходят из статусно упорядоченной причинной связи: высокий уровень образования обуславливает высокие профессиональные позиции, которые обуславливают высокий доход. Однако, в послевоенное время в ФРГ (старых землях), как и повсюду на Западе, установилось определенное материальное благополучие широких слоев населения, следствием чего стало увеличение средних слоев. В социологических дебатах это положение вещей описывается как *«плюрализация жизненных позиций»*, включая *растущую статусную разбросанность*, при этом жизненные позиции приравниваются к вертикальным статусным и престижным положениям [21, s. 76; 27, s. 18; 28, s. 209;].

Напротив, *горизонтальное социальное неравенство* отвечает главным образом за обусловленные социализацией неравные предпочтения в потребительских и социокультурных практиках, в ходе которых люди оценивают свое отличие от других, себя в качестве «ориентированных на имидж» и обособляют себя друг от друга. Здесь «имидж» рассматривается как существенная оценочная категория, которая в социальной интеракции оканчивается распределением себя и чужих в

горизонтально упорядоченные группы стилей жизни и таким образом обосновывает ориентированную на стиль жизни структуру окружения [23, s. 114; 29; 30]. В социологическом расширении понятия имиджа, которое первоначально употреблялось в контексте экономической науки и практике маркетинга [напр., 31, s. 22; 32, s. 57, 187], а также с учетом оценок Эрвина Гофмана «стереотипных символизаций» [29, s. 81] «социальный имидж» означает типичный для (большой) группы представление-образ о «бытии» социальных феноменов, который доминирует на специфическом для данной среды среднем уровне внутри социального мира. Эти представления-образы есть целостность сформированных субкультурой и сообщаемых посредством социализации установок, чувств, ассоциаций, включая толкования и оценки, которые относятся к самой личности или (большой) группе, к другим людям или (большим) группам, к соседним народам, партиям, предприятням, маркам товаров и т. д. [23, s. 115; 30, s. 129, 190, 220; 33, s. 18, 37]. Такие оценки могут быть, например, «консервативными», «современными» или «снобистским». Исходя из этого, репутация и слава могут пониматься как несколько ограниченные оценочные понятия.¹⁹

Таким образом, социальные имиджи являются основными воспринятыми и освоенными социально типическими групповыми представлениями о ценностях, нормах и порядке, содержащими социальные феномены и способы поведения, которые не обязательно должны соответствовать ориентированным на статус/престиж оценкам, относящимся, как правило, к целостному социальному миру. Согласно Карлу Мангейму [34, s. 77, 79, 101, 105] и его категории «часть-целое»²⁰, социальные имиджи обуславливают *горизонтально неравные частичные расположения структур больших групп* или структур типов и сред. Рисунок 2 должен прояснить эту ситуацию на основе вертикальной стратификационной модели. Примечательно, что в особенности для увеличившихся средних слоев не обязательны консистентные размещения в неравные статусные/престижные и различительные позиции, связанные с имиджем (поля II и IV).

Таким образом, ориентированные на стиль жизни структуры больших групп и жизненных сред организованы посредством позиций имиджей, которые могут быть конгруэнтны позициям статуса и престижа, но могут и не совпадать с ними. В ходе недавно проведенного исследования стилей жизни и среды проявились следующие общие показатели горизонтально неравных практик: «пол», «поколение», «возраст», а также некоторая «конфигурация образования». В ориентированном на стиль жизни анализе социальной структуры *возраст* интересует исследователя исключительно с точки зрения биографии в смысле варьирующих в соответствии со «специфическими для определенного возраста жизненными фазами» поведенческих ориентаций рассматриваемых групп [3; 35; 36, s. 366; 37]. Поколенческая ситуация становится темой исследования неравенства прежде всего в историческом контексте смены ценностей и норм [3, s. 191; 38, s. 36; 39]. Под *конфигурацией образования* понимается «формальный образовательный уровень» как критерий вертикального различения [3, s. 191, 372], «неформальная образованность» и «образовательные интересы/ направления» как указания на различительные расположения интересов [23, s. 138]. Как в недавних, так и в более ранних теориях социального неравенства имеются ссылки на *неравенства, обус-*

ловленные половой принадлежностью, которые регулируют, например, шансы овладения определенными профессиями, а также (обусловленную семейным положением) свободу действий [40; 41, s. 356; 42; 28, s. 214]. На фоне усиливающейся индивидуализации образа жизни, особенно принимая во внимание опционально «выбираемые» жизненные уклады, категория «пола» релевантна в социально-структурном и семейно-социологическом отношении [1; 2]. И все-таки «полу» в исследованиях стилей и условий жизни до сих пор уделяется мало (либо совсем не уделяется) внимания.

Следует отметить, что, по крайней мере, в Германии латентные конструкции «социального имиджа» и «социального престижа» в смысле релевантных для действия оценочных принципов понимаются как модельно-теоретические корреляты. Тогда *позиции имиджа и престижа* можно рассматривать как модельно-теоретические корреляты в смысле организационных принципов социального порядка. Подобным образом более точно измеряемые «статусные измерения» горизонтально дополняются также более точно измеряемыми «социокультурными и потребительскими практиками». Через социальное размещение себя и другого на позиции престижа и имиджа в ходе социальной интеракции выражаются равным образом *типические для большой группы схемы идентичности и различения*, которые ориентируются, с одной стороны, на вертикально неравные статусные измерения, с другой стороны, на горизонтально различные, социализированные *предпочтения действий и практики* самого различного вида.

Следует отметить, что в Германии выгоду из ориентированных на стили жизни тенденций детрадиционализации и индивидуализации извлекают и используют, прежде всего, увеличившиеся средние слои. Это отражено, как хорошо видно на рисунке 3, в данных недавнего эмпирического исследования условий и стилей жизни, которое, принимая во внимание дифференциацию типов стилей жизни и социально-нравственной атмосферы, показывает как раз типичные пристрастия среднего слоя [см. напр.: 3; 4; 5]. Так, например, в исследованиях Sinus-Studie (Рис. 3) в целом в десяти идентифицированных субкультурах лишь «консервативно-технократическая», в «нетрадиционная» субкультуры и «традиционная рабочая среда», а также соответственно в «гедонистическая субкультура» оказываются по ту сторону среднего слоя. Следовательно, социальное неравенство распределяется по верхним и нижним границам-экстремумам. Согласно этим данным, широкие массы западногерманского населения движутся на индифферентном среднем уровне статусов и ограничивают себя равными себе и типичными другими неравными себе, все больше основываясь на ориентированных на имидж ценностных и нормативных установках и сверх того на ориентированных на имидж практиках [см.: 43].

4. Основные критерии неравенства в России

В какой степени касающиеся Германии тезисы детрадиционализации и индивидуализации относятся и к процессу социальных перемен в смысле «вестернизации» современной России? В том случае, если бы тезис о детрадиционализации и индивидуализации в смысле социологической дискуссии в Германии относился к России, это означало бы особенно быструю смену социальных ценностей и норм в течение всего нескольких лет. Здесь следует подчеркнуть, что мы не считаем

прямой перенос германских тенденций детрадиционализации и индивидуализации на русскую «почву» ни рациональным, ни допустимым. Далее это будет показано на основании некоторых основных критериев неравенства для России в ее историческом контексте.

4.1. О возможности переноса немецких критериев неравенства на Россию

Если следовать российской истории, вопрос о существовании сословий относится к самым спорным вопросам [44]. Решение этой проблемы усложняется еще и тем, что в царской России отсутствовали те факторы, которые в Западной Европе породили сословное состояние: вместо канонического права в России формировалось византийское право. Это право обособывало, с одной стороны, самодержавие, а с другой - систему служения вместо феодальной системы. Все подданные подчинялись непосредственно Великому князю, что делало разделение господства практически невозможным [44, s. 16] и в чем выражался сильный личный элемент. Московские государи издавна смотрели на государство как на свою собственность, т.е. глазами землевладельца (возможно, этому соответствует латинское понятие «патримониум»). Они исходили из того, что они навечно унаследовали свои блага и права от своих отцов, и в этом выражается долговечность, неприкосновенность и божественная сущность порядка [45, s. 13]. Сословный порядок в его закрытости (Рис. 4, табл. 1) и функциях служилого дворянства и податных крестьян и городских жителей определялся отношением к государству. Это относилось также и к русскому духовенству [46, с. 1; 47, s. 229].

Табл. 1. Посословное состояние населения в С.-Петербурге (1897)

Сословия (включая членов семей)	Абсолютное число	Из них мужчин в %	
Из них женщины в %			
Наследники двора	79.663	47,6%	52,4%
Царедворцы; придворные	35.218	44,0%	56,0%
Чиновники, не придворная знать	14.225	47,2%	52,8%
Лица с претензией на ранг	3.124	62,8%	37,2%
Духовенство	7.697	46,9%	53,1%
Потомки почетных граждан	23.017	52,1%	47,9%
Торговые люди	17.411	46,5%	53,5%
Мелкие бюргеры	268.869	46,3%	53,7%
Крестьяне	745.905	60,5%	39,5%
Военные казаки	2.311	90,2%	9,8%
Межсословные	48	93,8%	6,3%
Коренные финны	17.605	44,4%	55,6%
Лица без сословной принадлежности	21.350	39,7%	60,3%
Лица, не показавшие никакого сословия	6.372	39,2%	60,8%
Всего	1.242.815	54,9%	45,1%

(см.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897: изд. Цент-

рального статистического комитета внутренних дел. Под ред. Н. А. Тройницкого. С.-Петербург, 1899, Т. 1; здесь: микрофиша № 415, Т. 1-88, в. 37.1, п. 30-КВД, с. 32-35) Глубокие общественные потрясения начала XX в. решающим образом повлияли на стратификационные изменения в России. С одной стороны, благодаря быстрой индустриализации России выросло количество и экономическая роль больших социальных групп. С другой стороны, их влияние на структуры власти было ограничено [48, с. 63]. С приходом к власти большевиков, по мнению Борке [49, с. 51], специфические черты традиционной социальной структуры российского общества не изменились. Они нашли и находят свое отчетливое выражение в доминирующем общественном сознании. Хотя социальная структура советского общества стала более открытой и прозрачной, вертикальная поляризация сохранилась, так как социальное положение господствующих лиц существенно отличалось от статуса простых граждан [49, с. 51]. Даже массовая идеологизация в советское время, которая исходила из равенства всех членов общества и таким образом соответствовала российской традиции, не могла устранить это различие. Отсутствие «образованной буржуазии» и среднего сословия, привели к тому, что не оказалось культурных примеров и представителей для демонстративного устранения этого различия. Социалистическая интеллигенция, которая образовалась после 1917 г. как совершенно новый социальный слой, не была достойной заменой, потому что формировалась в основном государством, т. е. номенклатурой. В советской социальной структуре обнаруживается неопределенность границ социальной дифференциации, которая осуществляется между полюсами «богатый» и «бедный» и делает заметным «смешение» социальных позиций и статуса. С одной стороны, в связи с этим не возникало стимула для изменения статуса (в смысле социальной мобильности). С другой стороны, намечались тенденции к замкнутости, как в рамках полюса, так и в обществе в целом. *Эта двойная замкнутость* доминировала в обществе, позволяла и позволяет представить его (все еще и сегодня) - по крайней мере, с западной точки зрения - как *закрытое общество*. Эволюционные процессы (такие, как демократизация государства, введение рыночной экономики) только тогда возможны в рамках этого общества, если оно, вероятно, не разрушается или не открывается (Рис. 5 и табл. 2).

Табл. 2. Большие социальные группы населения СССР в % (1913-1987)

Большие социальные группы	1913	1928	1934	1937	1939	1959	
1970	1979	1987					
Рабочие и служащие	16,7	17,3	28,1	34,7	50,2	68,3	
79,5	85,1	88,0					
Только рабочие					33,7	50,2	
57,4	60,0	61,8					
Колхозники, мелкие кооперативно организованные производители						2,9	
45,9	55,5	47,2	31,4	20,5	14,9	12,0	
Единоличники и неорганизованные мелкие производители				65,1	72,9	22,5	5,6

2,6	0,3	0,0	0,0	0,0
Буржуазия (собственники, городская крупная и мелкая буржуазия, торговцы)				
15,9	4,5	0,1		
Иные группы (студенты, солдаты, пенсионеры и др.)	2,3	2,4	3,4	4,2
<i>Всего (млн. человек)</i>	<i>139,3</i>	<i>147,0</i>	<i>165,7</i>	<i>170,6</i>
	<i>194,1</i>	<i>208,8</i>	<i>241,7</i>	<i>262,4</i>

(Источник 1913-1937: Ernst Eisenrath: Das Bevölkerungspotential der SU. Berlin: Dunker & Humblot, 1960, S. 18;

Источник 1939-1987: Народное хозяйство СССР. Москва: Финансы и статистика, 1987. С. 344, 351)

Общественные перемены в СССР были направлены на изменение вертикальной социальной мобильности - кулаки, например, которые в царской России находились на вершине иерархии, были уничтожены посредством закона. Государство стало инструментом непосредственного вмешательства в социальную структуру.²¹ В отличие от Запада, где основным критерием неравенства были социально-экономические статусные различия, результатом «огосударствления» российских ценностей и норм было высокое значение *статуса государственной принадлежности гражданина* как определяющего момента в различении социального статуса (и неравного социального положения). Это означает, что социальные отношения были квазигосударственными. Отдельные статусные позиции различаются правами и обязанностями по отношению к государству, на основании чего неравно распределялся *доступ к власти и обладание привилегиями*.²² Благодаря этому фиксированному отношению «государство-гражданин» кажущееся равенство всех членов общества обернулось «новым» неравенством - между коммунистами и беспартийными, номенклатурой и рядовыми гражданами, между государством и страной. Это неравенство нашло «утешение» в определении бесклассового общества как цели общественного развития к коммунизму. В этой формации, к которой стремилось общество, должны были быть устранены все противоречия и уничтожены все классы, включая государство.

4.2. Критерии неравенства в «новой» России: гипотезы с западной точки зрения

Современный российский социальный порядок следует рассматривать с учетом исторически сравнимого контекста перемен в той или иной конкретной форме общества. Но его надо интерпретировать по-другому, не так, как западный социальный порядок. Это связано с тем, что в послереволюционной России господствовали другие, а именно «социалистические» структуры и «антикапиталистические» идеологии. Последние связаны, прежде всего, с антипотребительскими ценностями и нормами образцами, даже если «потребление» как таковое и имело чрезвычайно высокую значимость в повседневном действии населения и в (неформальной) системы взаимодействия, в смысле «черного рынка» и «связей». Следовательно, в смысле поисков разнообразных дефицитных товаров (следствие нарушений в плановой экономике), которые потом доставали посредством обмена на другие дефицитные товары или на деньги, но по сильно завышенной цене. Кажется, здесь одним из центральных - если не центральным - критерием неравенства является *«размер дохода»* и личная позиция в системе социальных связей, которые регламентировали и, по-видимому, регламентируют *«привилегии»* и сегодня. Привилегии показывали раньше и показывают, скорее всего, и сегодня известную близость к господствующей политической и экономической системе, тем самым к идеологически сформированной системе норм и ценностей. В этой связи смена социальных норм и ценностей в России состоит в том, что укрепляющие социальное неравенство образцы действия сначала были ориентированы на царистские привилегии, которые в послереволюционной России были заменены «социалистическими» привилегиями. Сегодня, с одной стороны, по крайней мере, частью российского населения, видимо, идеализируются, «клише капиталистического образа жизни» как *шанс престижного участия в потреблении*. С другой стороны,

реализация последнего, по-видимому, воспринимается как желанная привилегия. Как выглядят в своей сущности такие «клише капиталистического образа жизни», как на Западе, так и в России, можно отчетливо наблюдать в средствах массовой информации (например, реклама, художественные фильмы), через которые эти клише и распространяются. Это означает, что в масс-медиа социальная реальность не только отражается. Социальные реалии модифицируются, укрепляются или даже создаются среди прочего средствами массовой информации [33; 50].

В целом, переход от царистских к социалистически-плановым и затем к капиталистически-рыночным структурам власти, мало что изменил в чрезвычайной значимости *сверху распределенных привилегий* в качестве центрального принципа для неравных позиций в российском социальном порядке. Лишь вид привилегий и нормы для достижения этой престижной ценности в течение истории испытывали то революционные, то почти революционные изменения, которые, однако, следует именно поэтому рассматривать не как постепенный процесс социальных изменений, в ходе которых каждое поколение по-своему интернализует образцы ценностей и норм западного фасона. Основой для привилегий в России была и остается близость к власти, доступ к власти и занятие определенной господствующей позиции. В чем тогда состоит «детрадиционализованная» и, возможно, даже «индивидуализированная» мотивация современного российского населения к тому, чтобы именно «потребление» рассматривать как привилегию, к которой стоит стремиться?

Ответ, очевидно, связан с «вестернизацией» государства и экономики, которые снова проводят неравные распределения отныне «вестернизованных» привилегий. Однако при этом Россия, привыкшая к закрытым структурам, должна открыть эти структуры Западу, что, с одной стороны, кажется, приносит видимые внутрисоциальные трудности. С другой стороны, кажется, что кое-где последовала видимая, почти некритическая *имитация* (подражание) «современным» западным клише, которые на Западе, правда, оцениваются скорее как ориентированные на имидж и менее как ориентированные на престиж.²³ В связи с этим, вероятно, что в современной, сотрясаемой экономическими кризисами России господствует (частично) коллективное, т. е. по крайней мере, типичное для больших групп стремление хотеть/мочь *по форме* жить, как живут на Западе. При этом вначале, прежде всего, выступает отношение к западному качеству жизни, а затем отношение к социально-экономическому обеспечению лиц и домашних хозяйств. Центральным моментом в связи с этим является растущая сегодня в России «новая» бедность широких слоев населения при прежнем отсутствии среднего сословия западного образца. Эти скорее раннекапиталистические структуры в «новой» России делают именно *величину дохода «новым» детрадиционализированным критерием неравенства*, что, вероятно, является основным различием между немецкими и российскими «новыми» критериями неравенства. Шансы соучастия в потребительских и социокультурных практиках толкуется как одна из самых - если не самая - желаемых «привилегий». По этим «вестернизированным» привилегиям, по-видимому, определяется статус и престиж.

Статус определяется тем самым через доход, который все же в меньшей степени, чем на Западе, достигается через западную причинную цепочку - через высокий

образовательный уровень и, как правило, через другие профессиональные позиции. Причину этой разницы между Россией и Западом, столь чреватой последствиями для исследований социальной структуры и новейших западных теорий стилей жизни и неравенства [3; 18; 53], можно искать и найти в выросших в России имманентно присущих социалистической системе ценностных и нормативных образцах. Последние интернализированы населением и не могут мгновенно измениться с «вестернизацией» экономической системы, в кризисах которой, кстати, отражаются, в том числе, последствия социализации российских граждан, занятых в экономике. Профессиональные позиции действительно регламентируются образовательным уровнем, но они не увязаны с величиной дохода. Величина дохода в настоящее время в большей степени определяется уровнем ориентированной на конкуренцию производительности «новой» экономической системы. Здесь и следует искать престижные в России профессии: напр., бизнесмен, юрист, также имеющие большой спрос ремесленные профессии [54]. Другая избранная часть общества, которая возникла таким образом и которую по крайней мере одна часть российского населения терпит, а другая откровенно идеализирует, - это прибыльная организованная преступность (русская «мафия»).

В отличие от западных тенденций к индивидуализации, которые манифестируются в дифференцированных социальных размещениях в неравные позиции имиджа, в России эти тенденции не особенно значительны, по крайней мере, сегодня. Ведь ориентированные на имидж действия и способы поведения как критерии горизонтального неравенства по причине почти полного отсутствия среднего класса западного образца и растущей бедности являются относительно незначимыми для структуры неравенства современной России, организованной, прежде всего, вертикально.²⁴ Подводя итоги, укажем, что «вестернизацию» российских ценностных и нормативных образцов следует видеть, главным образом, в типичном для больших групп, а возможно, для всего общества стремлении достичь стандартов западного качества жизни. При этом, видимо, имитируется клише западного образа жизни как вид руководящего идеала без освоения эталонных норм и ценностей, лежащих в основе реальных моделей западного образа жизни, которые и обозначены тенденциями индивидуализации.

5. Перспективы

В целом на Западе дифференциацию стилей жизни и соответствующих им образов как выражение типичных для больших групп *схем идентичности* следует рассматривать в связи с типичными для больших групп *схемами различения* по отношению к типично неравным и другим. В ходе ценностных векторов практик, ориентированных вертикально на престиж и горизонтально на имидж, западная дифференциация стилей жизни, прежде всего, в широких средних слоях представляет собой квази «естественное», эволюционное следствие общества благосостояния. «Следствие» при этом понимается не как конечная точка исторического развития, а как изменяемая далее современная форма.

Наблюдаемые в «молодой» России тенденции детрадиционализации и лишь маргинально проявляющиеся тенденции индивидуализации, кажется, в значительной степени связаны с «вестернизацией» практик и габитуса. Это означает вместе с тем, что, опираясь на установленное Зиммелем [51; 52] отношение «новшество -

мода - потребление - эстетика», используются, прежде всего, западные потребительские и социокультурные практики в смысле типичных для больших групп *схемы имитации*. Они используются фактически без овладения стоящими за ними на Западе ценностными и нормативными образцами: имитируется, таким образом, скорее (модная) «видимость», а не (интернализованное) «бытие». Напротив, применение типично западных черт стиля жизни указывает на другую мотивацию в России. Мотивационная ситуация образуется сильно поляризованным дефицитным обществом и, по-видимому, приравнивает «желание быть такими», как западное население (горизонтальное неравенство), к «желанию иметь столько же» (вертикальное неравенство). Статус, обеспеченный «вестернизированными» привилегиями», может быть достигнут в значительной мере посредством величины дохода и демонстративно выставлен в качестве таким способом достигнутого потребления. Здесь подходит метафора «демонстративного потребления» [55, s. 79] в ее первоначальном определении, ориентированном на статус/престиж. В заключение предлагается следующая гипотеза. Статус в России можно истолковывать открыто как и прежде традиционно через власть и социокультурные ценностные и нормативные образцы как «классические» критерии неравенства незападного покроя. Степень ориентации на «вестернизацию» может выступать в качестве «нового» критерия неравенства для позиционирования в социальной структуре и в качестве инструмента растущего «размывания» закрытого общества. Представленные доводы в пользу существенных различий в современной социальной организации западного и российского социальных устройств, ожидают репрезентативных эмпирических данных.²⁵ Мы надеемся, что всероссийская перепись населения 1999 г. предоставит надежные данные.

Примечания.

1. Собрание данных получило название «сказка». [Назад](#)
2. Вторая ревизия началась в 1753 г. и длилась 4 года, третья - 1762 (4 года), четвертая - 1781 (6 лет), пятая - 1794 (15 лет), шестая - 1811 (2 года), седьмая - 1815 (12 лет), восьмая - 1833 (3 года), девятая - 1850 (1 год) и десятая ревизия в 1856 г. (4 года). [Назад](#)
3. Санкт-Петербургский университет согласно новейшим сведениям был основан в 1724 г. и недавно в 1999 г. отметил свой юбилей 275 лет. - Прим. редколлегии. [Назад](#)
4. Одно из его главных произведений - «Всеобщая теория статистики», Санкт-Петербург, 1809. [Назад](#)
5. Бюшинг жил с 1724 г. до 1793 г. и ввел в статистику понятие плотности населения как фактора экономического роста. [Назад](#)
6. Одна из первых работ в этой области - работа И. К. Крылова, «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизречимыми трудами Петра Великих», Москва, 1727 (1977). В этой работе дано описание провинций и губерний Российской империи, включая описание входящих в них городов, которое снабжено множеством статистического материала (численность населения, число школ, гимназий, больниц и т.д.). Следующая работа статистического описания - это незаконченная работа «Статистические рассуждения о России» князя М. М. Щербатова (Собр., Т. 1, Санкт-Петербург, 1896). Интерес Щербатова к

этой работе заключался в расширении привилегий землевладельцев и в обосновании существования крепостного права. Для этого было необходимо прояснение состава населения и территориального распределения населения. В 1790 г. появилась работа И. Ф. Германа «Статистическое описание России» в немецком переводе. [Назад](#)

7. Особенно следует выделить работу В. Н. Татищева, которая содержит множество данных об истории русского населения. В 1761 г. М. В. Ломоносов опубликовал статью «О сохранении и умножении народа». Автор видит важнейшую задачу демографической политики в том, чтобы вести борьбу против смерти во всех ее формах. Он выступает за усиленное воспроизводство населения и одновременно протестует против слишком большой разницы в возрасте при заключении браков и против вынужденных браков. Разводы, по его мнению, возможны, если они не противоречат православию. Другие важные моменты для Ломоносова - борьба против младенческой смертности и борьба против детских болезней, а также призыв к здоровому питанию, не только во время поста. [Назад](#)

8. Перепись населения назначена на 16.02.1999. Она должна охватывать постоянно проживающее население и, где это необходимо, все имеющееся население. [Назад](#)

9. Было 10 ревизий: первая состоялась в 1718 г., последняя - в 1856 г. [Назад](#)

10. Следует заметить, что в ходе последних трех ревизий были охвачены оба пола. При этом надо упомянуть об учете структуры налогооблагаемого и военнообязанного населения. Правда, недостатки при учете положения населения, не облагаемого налогом - духовенства или дворянства, вызвали некоторые сложности. [Назад](#)

11. Географическое общество в 1856 г. объявило конкурс на тему «Методы статистического учета российского населения». Так как результаты были оценены как абсолютно неудовлетворительные, через Центральный Статистический комитет в 1861 г. двое ученых были отправлены в Англию и Францию, чтобы там познакомиться с такими методами и набраться опыта, так как эти страны уже с 1801 г. регулярно проводили переписи населения. [Назад](#)

12. Трудности возникали, в том числе и при трактовке точного времени переписи - утром или рано утром, при определении «родного» и разговорного языка. [Назад](#)

13. Средняя нагрузка счетчика составляла в городах примерно 150 квартир или 750 человек. В сельской местности это было 400 хозяйств с 2000-ми человек. Так как оплата работы счетчика была очень низкой, в качестве поощрения была учреждена медаль, которая в действительности стала стимулом. Первоначально Главная комиссия была против участия женщин в учетной работе по причине сложности этой деятельности. Хотя это распоряжение позднее было отменено, число участвующих женщин осталось незначительным. [Назад](#)

14. Стоит заметить, что понятие «домашнее хозяйство» («Haushalt»), столь важное в немецком языке, в западных теориях и эмпирических исследованиях социального неравенства, не играет в российской социальной статистике никакой роли. Для него даже не существует русского слова. Однако это понятие было введено в российскую статистику в ходе микропереписи 1994 г. для того, чтобы сделать возможными международные сравнения. [Назад](#)

15. Материал до сегодняшнего дня не обработан в деталях и в полном объеме, хотя отдельные ключевые положения были выделены и проанализированы. Полнота

имеющихся материалов интересна в социально-историческом плане и предоставляет отправные точки для глубокого анализа социальной структуры российского общества того времени. Сравнения, к сожалению, невозможны, поскольку последующая перепись населения 1926 г. в СССР была проведена с другими акцентами и новым политическим содержанием. [Назад](#)

16. А. Котельников, например, сделал вывод о том, что перепись населения не имеет научного значения и является собранием числовых данных, которое имеет сомнительное значение для статистики России [13, с. 111]. Более объективно оценил первую перепись В. Кадожев, который привлек ее результаты для оценки профессионального состава и социальной структуры населения европейской части России. «Равнодушные науки к переписи населения 1897 г. можно объяснить отчасти тем, что наша перепись содержит мало удовлетворительного материала. Несмотря на это, данные надежнее всех гипотез, которые до сегодняшнего дня могли дать наука и публицистика» [цит. по: 12, с. 15]. [Назад](#)

17. Можно назвать, например, следующие учебники: А. А. Кауфман, А. И. Чупров, Н. А. Каблуков, К. В. Воблов. [Назад](#)

18. Мюллер выразил эту формулу Бурдьё следующим образом: «Габитус определен как система диспозиций, которые в повседневной жизни действуют как схемы мышления, восприятия и суждения и принципы социальной классификации которых выражаются как классовый этос (или этос больших групп, - прим. авт.). Конструирование габитуса происходит в соответствии с социальной структурой, т. е. в соответствии с социальным положением и местом внутри социальной структуры, и впоследствии образует специфически классовые (или специфические групповые, - прим. авт.) диспозиции (структурированную практику). Содержащиеся в этих позициях схемы мышления, восприятия и суждения снова производят структурно приспособленные формы практики, которые способствуют воспроизводству объективных структур (структурированная практика). Итак, габитус есть практический оператор, некий механизм, который приспособливает практику к структуре и этим обеспечивает практическое воспроизводство структуры» [20, с. 255]. [Назад](#)

19. Такие ориентированные на имидж оценки можно наблюдать на основании (частично все еще) существующих «предубеждений» между западными (бывшая ФРГ) и восточными (бывшая ГДР) немцами, социализация которых до 1990 г. имела различные идеологические основания. Для такого рода людей процесс объединения и интеграции в объединенную Германию стал чрезвычайно сложным и отчасти болезненным опытом. [Назад](#)

20. Исходя из того, что «мировоззрение (эпохи, определенной группы и т.д.) ... есть структурно связанный ряд причинно зависимых переживаний» [34, с. 101] и что «в стиле и в социальной группировке, а также в относящемся сюда духе выражается та же структура [34, с. 104], Мангейм развивает категорию «часть-целое»: «Категорию часть-целое и категорию соответствия применяют в том случае, когда ... саморазвивающееся видят не в культурных образованиях и не в социальном, а в мировоззрении, а также в формах обобществления, когда в духовных образованиях усматривают только излучение той же самой субстанции. Соответствие, как и категория часть-целое, означают окончательное закрепление форм обобществления и куль-

турных образований в существующей благодаря им и в них тотальности [34, s. 108, подчеркивания взяты из оригинала)]. [Назад](#)

21. Так, 10.11.1917. был издан закон «Об уничтожении слоев и социальных рангов». С этого момента использовалось единое обозначение «гражданин Советской России». [Назад](#)

22. То же самое произошло при Петре I (1722) благодаря утверждению Табели о рангах русских подданных и соответствующему их распределению по службе (как военной, так и административной) и связанным с ней привилегиям. [Назад](#)

23. На релевантность «подражаний» при социально различительных действиях в рамках определенного во времени социального мира указал еще Зиммель в 1895 г. [51 s. 57]. Наряду с этим он в 1896 г. употреблял понятия «мода» и «новизна» в смысле «детрадиционализации» и связывал их с «эстетизацией» [52]. [Назад](#)

24. Напротив, руководимый предпочтениями выбор между в целом увеличившимися альтернативами потребления и проведения свободного времени определяет будни подавляющего большинства немецкого населения. Так, действие выбора по крайней мере людей, принадлежащих очень широкому среднему слою, нередко «ориентировано на переживания» («erlebnisorientiert») [3] и очень часто подвержено влиянию имиджа, при этом статусные/престижные практики также осуществляются, но теряют значение как различительный фактор в повседневной интеракции. [Назад](#)

25. Сложности, связанные с сегодняшними репрезентативными опросами населения России, уже были показаны в немецкой литературе Геемахером [56]. [Назад](#)

Пер. с немецкого В. В. Козловского, К. Г. Тимофеевой

Литература

1. Kaufmann F.-X. Zukunft der Familie im vereinten Deutschland: gesellschaftliche und politische Bedingungen. Munchen: Beck, 1995.
2. Strohmeier K. P. Pluralisierung und Polarisierung der Lebensformen in Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 1993. B 17/93, hrsg. von der Bundeszentrale für politische Bildung, Bonn. S. 11-22.
3. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt a. M./ New York: Campus, 1993.
4. Spellerberg A. Soziale Differenzierung durch Lebensstile: Eine empirische Untersuchung zur Lebensqualität in West- und Ostdeutschland. Berlin: Ed. Sigma, 1996
5. Spellerberg A. Lebensstile und Wohnverhältnisse. 1997. Abteilung «Sozialstruktur und Sozialberichterstattung» im Forschungsschwerpunkt III «Sozialer Wandel, Institutionen und Vermittlungsprozesse», Wissenschaftszentrum Berlin fuer Sozialforschung: FS III 97-403.
6. Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология 1808-1917. Историко-критический очерк. М., 1922.
7. Плюшко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики. М., 1990.
8. Eschment B. Die «Große Reform?» Muenster, Hamburg: Lit., 1994
9. Kaufmann, A. L. Theorie und Methoden der Statistik, Tuebingen: J.C.B. Mohr (Siebeck), 1913
10. Григорьянц М. Дорога длиною в сто лет // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 3-

13.

11. Bauer H. u.a. Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Stuttgart: Franz Steiner, 1991.

12. Тихонов Б. Переселения в России во второй половине XIX века: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. Москва, 1978.

13. Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1997 г. С.-Петербург, 1909.

14. Schafer U. G. Historische Nationalökonomie und Sozialstatistik als Gesellschaftswissenschaften. Koeln, Wien: Boehlau, 1971.

15. Simmel G. Philosophie des Geldes. 2. Auflage. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1991. Kap. 6 „Der Stil des Lebens» (zuerst: Leipzig: Duncker & Humblot, 1900).

16. Schuetz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Band 2. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1984.

17. Berger P. L., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt a.M.: Fischer, 1980.

18. Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1987.

19. Kreckel R. Politische Soziologie der sozialen Ungleichheit. Frankfurt a.M./New York: Campus, 1992.

20. Muller, Hans-Peter, 1993: Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs über soziale Ungleichheit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

21. Muller-Schneider T. Schichten und Erlebnismilieus. Der Wandel der Milieustruktur in der Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden: DUV, 1994

22. Michailow M. Lebensstilesemantik. Soziale Ungleichheit und Formationsbildung in der Kulturgesellschaft // Das symbolische Kapital der Lebensstile. (Hrsg.) I. Morth, G. Frohlich. Frankfurt a.M./New York: Campus, 1994.

23. Holscher B. Lebensstile durch Werbung? Zur Soziologie der Life-Style-Werbung. Opladen/Wiesbaden: Westdeutscher, 1998

24. Kreckel R. Theorien sozialer Ungleichheit im Übergang // Soziale Ungleichheiten. Soziale Welt, Sonderband 2. (Hrsg.) R. Kreckel. Goettingen: Schwartz, 1983. S. 3-12.

25. Geißler R. Schichten in der postindustriellen Gesellschaft. Die Bedeutung des Schichtbegriffs für die Analyse unserer Gesellschaft. Ungleichheit // Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7. (Hrsg.) Berger P. A. / Hradil S. Goettingen: Schwartz, 1990. S. 81-101.

26. Bolte K. M. Strukturtypen sozialer Ungleichheit // Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7. Berger P. A. / Hradil S. (Hrsg.) Goettingen: Schwartz, 1990. S. 27-50.

27. Berger P. A., Hradil S. 1990: Die Modernisierung sozialer Ungleichheit - und die neuen Konturen ihrer Erforschung // Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7. (Hrsg.) P. A. Berger, S. Hradil Goettingen: Schwartz, 1990. S. 3-24.

28. Bertram H., Dannenbeck C. 1990 Pluralisierung von Lebenslagen und Individualisierung von Lebensführungen // Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7. (Hrsg.) P. A. Berger, S. Hradil. Goettingen: Schwartz, 1990. S. 207-229.

29. Goffman E. Forms of talk. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 1981

30. Goffman E. The interaction order. American Sociological Association, 1982 Presidential Address // American Sociological Review. 1983. Vol. 48 (February)
31. Obermaier E. Grundwissen Werbung. 3.Aufl., Munchen: Heyne, 1991
32. Rogge H. J. Werbung. 3., erw. Aufl., Ludwigshafen/Rhein: Kiehl, 1993
33. Fruh W. Realitätsvermittlung durch Massenmedien. Die permanente Transformation der Wirklichkeit. Opladen: Westdeutscher, 1994
34. Mannheim K. Strukturen des Denkens. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 1980
35. Mayer K. U., Blossfeld H.-P. Die gesellschaftliche Konstruktion sozialer Ungleichheit im Lebensverlauf // Lebenslagen, Lebenslaufe, Lebensstile. Soziale Welt. Sonderband 7. / (Hrsg.) P. A. Berger, S. Hradil. Goettingen: Schwartz, 1990. S. 297-318.
36. Hahn A. Biographie und Lebenslauf // Muster moderner Lebensführung. (Hrsg.) H.-R. Vetter Weinheim/Munchen: DUV, 1991. S. 315-334.
37. Berger P. A. Individualisierung: Statussicherheit und Erfahrungsvielfalt. Opladen: Westdeutscher, 1996.
38. Cunis R. Verhaltensweisen in unserer Gesellschaft. Hrsg. von der Landesgemeinschaft «Arbeit und Leben» Niedersachsen, 1963.
39. Brauchbar M., Heer H. Zukunft Alter: Herausforderung und Wagnis. Muenchen: Artemis & Winkler, 1993
40. Rerrich M. S. Ein gleich gutes Leben für alle? // Lebenslagen, Lebenslaufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7. (Hrsg.) P. A. Berger, S. Hradil. Goettingen: Schwartz, 1990. S. 189-205.
41. Osterland M. «Normalbiographie» und «Normalarbeitsverhältnis» // Lebenslagen, Lebenslaufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7. (Hrsg.) P. A. Berger, S. Hradil Goettingen: Schwartz, 1990. S. 351-362.
42. Lucke D. Die Ehescheidung als Kristallisationskern geschlechtsspezifischer Ungleichheit // Lebenslagen, Lebenslaufe, Lebensstile. Soziale Welt. Sonderband 7. / (Hrsg.) P. A. Berger, S. Hradil. Goettingen: Schwartz, 1990. S. 363-385.
43. Die Sinus Milieus und ihre Anwendung. / (Hrsg.). Sinus GmbH Heidelberg, 1997
44. Schmidt C. Standerecht und Standeswechsel in Ru?land 1851 ? 1897, Wiesbaden: Harrassowitz, 1993
45. Buss 1989
46. Леонтович В. История либерализма в России 1762 - 1914. М.: Русский путь, 1995
47. Hauptmann 1988.
48. Bettelheim 1997
49. Borke 1977
50. Werbung, Medien und Kultur. / (Hrsg.) Schmidt S. J., Spie? B. Opladen: Westdeutscher, 1995
51. Simmel G. Zur Psychologie der Mode: Soziologische Studie // Simmel G. Soziologische Aesthetik. Bodenheim: Philo, 1998. Kap. 4 (zuerst in: Die Zeit, Nr. 54, Wien, 12.10.1895, S. 22-24).
52. Simmel G. Soziologische Aesthetik // Simmel G. Soziologische Aesthetik. Bodenheim: Philo, 1998. Kap. 7 (zuerst in: Die Zukunft, Bd. 17, 1896, S. 204-216).
53. Bourdieu P. Oekonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Soziale Ungleichheiten. Soziale Welt, Sonderband 2. / (Hrsg.). R. Kreckel Goettingen: Schwartz, 1983. S. 183-198.

54. Саганенко Г. И., Гаврилюшкина Т. В. Изменение привлекательности профессии как отражение перемен в обществе // Человек и общество: тенденции социальных изменений. С.-Петербург, Минск, Ростов-на-Дону, 1997. С. 128-132.

55. Veblen T.V. Theorie der feinen Leute. Eine ökonomische Untersuchung der Institutionen. Frankfurt a.M.: Fischer, 1986. (Original: The Theory of the Leisure Class, 1899).

56. Gehmacher E. Politische Umfragen in Ru?land: Erfahrungsbericht einer methodologischen Exkursion // ZA-Information. 1994. Heft 35. S. 62-71

Ю. Н. Давыдов

КУДА ПРИШЛА РОССИЯ?

Статья первая.

Два типа капитализма

1. Пролог (Теоретический «дефолт» российского радикал-реформаторства)

После 17 августа 1998 г., когда тогдашнее правительство фактически признало руководимую им страну банкротом, неспособной платить по долгам, которые накопились «у нас» за годы «радикальной рыночной реформы», разговоры о том «Куда идет Россия?» стали приобретать все более двусмысленный характер. Ибо в этой вопросительной фразе обнаружило свою полную неопределенность, если не бессмысленность, не только первое же слово («куда?»), но и второе - «идет». В самом деле, идет ли вообще куда-то наша страна, или топчется на месте? Плывет ли она по течению (течению чего?), или барахтается в затягивающей ее трясине? А это значит, что сегодня основной наш вопрос уже не «куда?», а «где?». Где мы оказались в итоге широко разрекламированных рыночных реформ, столь же импульсивных, сколь и бестолковых? На «столбовой дорожке капиталистической цивилизации» или на ее обочине? А может, вообще в ее «отстойнике»? И в таком случае кто мы такие, не только позволившие произвести над собою этот роковой эксперимент, но и потакавшие господам экспериментаторам своим молчанием (ставшим особенно красноречивым после того, даже «право на недоумение» россиян по поводу их экономических авантюр было «бесцеремонно» раздавлено с помощью танковых орудий)?

А так как эти и подобные им «последние вопросы» возникали (и продолжают возникать) у нас на фоне очевидной неудачи попыток построить в постсоциалистической России капитализм (желательно современного американского образца), то и само чувство разочарования, вызвавшего их, вылилось в ходячую формулу: не тот капитализм. А тот, что у нас нынче «случился», даже его «крестные» именуют не иначе как «грабительским» (или «бандитским»), «воровским» (или «вороватым») и т. д. капитализмом. То есть даже они норовят откреститься от своего крестника, делая вид, что не имеют к нему никакого отношения. Впрочем, дело не только в этом, а также и в том, что таким образом даже наши «облеченные властью» экономические «просветители» практически признают сегодня эмпирический факт существования по крайней мере двух капитализмов. (И это вопреки их

собственной догме о принципиальной возможности всего лишь одного-единственного типа капитализма, которую они безоговорочно разделяли в момент «зачатия» своей «рыночной реформы», вместе с автором «Капитала» - создателем «подлинно научного учения» о капиталистической общественно-экономической формации.)

Правда, при этом у них, по-видимому, все еще оставалась возможность как-то свести здесь концы с концами, объявив «нормальным» всего лишь один из этих двух типов капитализма, а именно, тот, что можно было бы представить в качестве соответствующего его современному североамериканскому образцу. Тогда второй из них легко квалифицировать как патологическое отклонение от него. И, стало быть, марксистская догма относительно «единственности» капиталистического типа хозяйствования, казалось бы, вновь восстанавливалось в своих прежних правах. Таким образом, последним и окончательным аргументом в пользу этой догмы становился, как это ни парадоксально, современный американский капитализм, принимаемый за аутентичное воплощение капиталистической «нормы» и призванный пребывать в таком качестве «ныне и присно, и во веки веков». Что же касается упомянутых «уклонений» от нее, то теоретики, верующие в существование одного-единственного капиталистического типа, были обречены искать их причину уже не в природе самого капитализма, а за его пределами - в патологических особенностях «менталитета» тех стран (среди которых на первом месте оказалась нынче Россия), где потерпели неудачу дорогостоящие попытки реализовать американский капиталистический образец.

И тут открывается необозримая перспектива морализующих истолкований этой самой «ментальности» (например, как «вороватости» - определение, принадлежащее Е. Гайдару), с помощью которых вчерашние горе-реформаторы норовят сбросить с себя ответственность за вчерашний авантюризм и головотяство по принципу «с больной головы на здоровую». Не замечая, что тем самым они дезавуируют все свои недавние ссылки на «научную объективность». Так что - прощай, «строгость и объективность» монетаристской экономической науки, ссылками на которую еще вчера оправдывались самые рискованные эксперименты над российской экономикой. Оказывается, сперва нужно было вспомнить о «вороватой ментальности» россиян, а затем уж решать: возможна ли у них настоящая «рыночно-монетаристская» реформа, или нет. И стоит ли вообще осчастливить их ею, или не стоит?

Если же взять проблему «русской ментальности» саму по себе, очистив ее от той демонстративно оскорбительной формулировки, в какой она видится сегодня незадачливым реформаторам, обидевшимся на упругость российской субстанции, не желая признать свой теоретический «дефолт», то не так уж трудно будет заметить, что перед нами тот же самый вопрос о нашей «самобытности», над которым еще полторы сотни лет назад бились русские славянофилы, впервые всерьез сформулировавшие его. Как видим, он до сих пор еще остается «открытым», хотя при всей своей «открытости» скорее запрещает всякое радикал-реформаторство, антиисторическое уже по определению, чем оправдывает его. И коли уж даже наши «крутые» западники оказались вынужденными прибегнуть к славянофильским «ходам мысли», значит, плохо их дело. Иначе им не пришлось бы обращаться

за поддержкой к своим заклятым супостатам.

2. Краткая история вопроса

Единственный способ избежать теоретического и мировоззренческого «дефолта» (вкратце обрисованного здесь), оставшись в границах серьезного научного рассмотрения проблемы «нового русского» капитализма (как его обычно называют, не имея пока что более точного определения), - это попытаться восстановить нашу оборванную связь с традицией целостного анализа капиталистического способа хозяйствования. А именно - анализа, который в самом общем виде можно определить с помощью двух «не». Он не замыкается ни в границах «чисто» (или абстрактно) экономического подхода к капитализму, непрременной платой за который оказывается, как мы только что убедились, морализация, идеологизация, а то и вовсе мифологизация содержания его конкретной проблематики, ни в пределах «полит-экономической» оценки, какой у нас обычно подменяют содержательный анализ капитализма «экономисты», более склонные к наукообразному политиканству, чем к действительно научному размышлению и скрупулезному исследованию.

Эта традиция была заложена еще в самом начале нашего века, с одной стороны, В. Зомбартом - выходцем из немецкой школы «национальной экономии» (известной также под названием «исторической политэкономии»), а с другой - видным экономистом (признанным ныне классиком социологии) М. Вебером, который в споре с этим своим коллегой выдвинул целый ряд в высшей степени плодотворных идей, актуальность каковых мы можем оценить в полной мере лишь сегодня, когда обнаруживается их применимость для теоретически обоснованной идентификации «нового русского» капитализма. Так же как и В. Зомбарт, М. Вебер, больше известный нынешнему читателю в качестве одного из основоположников современной социологии, шел к ней через немецкую историческую политэкономю, которая изначально была для него не столько «политической», сколько именно социальной экономией, открывавшей путь к обновленной социологии. Это был путь ее нетрадиционного развития - уже в качестве не столько «естественной», сколько в качестве гуманитарной дисциплины, шаг за шагом вводимой М. Вебером в круг наук о культуре. Любопытно, однако, что еще до того как он проделал весь этот путь создания своей версии социологии (которую - в отличие от классической социологии XIX в. - можно было бы назвать «неклассической»), аналогичную метаморфозу испытала у него и социальная экономия. Причем, в высшей степени симптоматичен тот факт, что начало этого теоретического переворота было положено циклом веберовских статей 1904-1905 гг., известном под названием первой из них: «Протестантская этика и «дух» капитализма».

В этой работе, посвященной целостному анализу социокультурной генетики капитализма и по праву считающейся образцовой как среди экономистов, так и среди социологов, для нас в данном случае особенно интересно и важно то, что М. Вебер, кроме всего прочего, развивает в ней концепцию, имеющую прямое отношение к нашей сегодняшней проблеме - проблеме теоретически обоснованного (а не эмоционально-морализующего) различения тех или иных типов капитализма, с какими нам приходится встречаться сегодня. Дело в том, что этот универсально образованный экономист решительно восстает против марксистской

(впрочем, не только марксистской) догмы о существовании одного-единственного капиталистического типа, который фигурирует у автора «Капитала» под названием «общественно-экономической формации». А эта, капиталистическая, формация располагается им в ряду других, помещенных на лестнице «социально-исторического прогресса», который, согласно его постулату, с «естественно-исторической» необходимостью влечет человечество от первобытной общины к коммунистическому обществу Будущего.

В основе такого ведения истории человечества лежит (теоретически не доказанное) представление о Прогрессе, на - воображаемую - «восходящую линию» которого нанизываются, как шашлыки на шампур, «исторически обусловленные» формации. Наглухо привязывая новоевропейский капитализм, свидетелем которого ему довелось быть, к одной из таких «формаций», К. Маркс заранее замыкал исторический горизонт своей теории хронологическими рамками Нового времени. А запрещая себе даже самую постановку вопроса о существовании капитализма в иные исторические эпохи, он табуировал, как «ненаучную», также и проблему возможности существования, наряду с новоевропейским, еще какого бы то ни было капиталистического типа. Допущение таковой означало бы для него не только отказ от систематически развернутой теории капитализма, но и крах всего его мировоззрения вместе с лежащей в его основании просветительской идеей Прогресса. (Вот куда уходят корни нынешнего интеллигентского догмата о возможности лишь одного-единственного типа «нормального» капитализма).

Однако уже во второй половине XIX в. были опубликованы работы крупнейших немецких историков - Т. Моммзена и Э. Майера, разрушавшие прогрессистское представление о хронологических (а заодно и географических) границах капитализма. Первый из них привел веские доказательства в пользу вывода о существовании этого феномена еще в Древнем Риме, а второй пошел еще дальше, приводя новые и новые исторические факты, позволявшие говорить о его распространенности также и в других странах античного мира. Правда, оба этих автора не проводили сколько-нибудь существенных различий между древним капитализмом, существенные черты которого усматривались ими в различных европейских и азиатских странах, и капитализмом Нового времени, первоначально укоренившимся в странах Европы, а затем перекочевавшим и на американский континент. По этой причине первоначальное убеждение относительно принципиальной возможности существования одного-единственного капиталистического типа могло казаться не поколебленным. (Тем более что оно не противоречило гораздо более раннему, чем марксистское, представлению классиков политической экономии об извечности капиталистического способа хозяйствования).

И только М. Вебер, указавший на типологические различия между современным капитализмом и тем, что возник и получил распространение еще в глубокой древности (хотя он, согласно его наблюдениям, дожил до современности, вступив с нею в, мягко выражаясь, «непростые» отношения), фактически поставил вопрос о существовании по крайней мере двух типов капитализма. Типов, каждый из которых является вполне самостоятельным и, чтобы существовать (при прочих равных условиях), не нуждается в другом. А потому ни один из них не может считаться патологическим извращением другого, - скажем, подобно тому, как норвежцы

сегодня квалифицировать «новый русский» капитализм, усматривая в нем убогодочное вырождение современной капиталистической «нормы». При всей их «неравноценности», бросающейся в глаза современным наблюдателям, они, если можно так выразиться, «равнозначальны». Каждый из них может быть отнесен к своему собственному прототипу - в одном случае восходящему к античному, в другом - к тому, который может быть отнесен к началу Нового времени. Такова общая теоретическая позиция, отправляясь от которой М. Вебер счел возможным осуществить научно обоснованное сопоставление двух типов капитализма, выявив их глубинные, а не поверхностные, фундаментальные, а не случайные, различия. И хотя на данном этапе рассуждения мы пока еще не можем утверждать, что проблема типологического различения античного и современного капитализмов, которую М. Вебер тематизировал для себя почти сто лет назад, совершенно идентична той, с какой мы столкнулись, обнаружив непреодолимую пропасть между «новым русским» капитализмом, так неожиданно «случившимся» у нас в результате «радикальной рыночной реформы», и современным капиталистическим образцом, на который ориентировались российские радикал-реформаторы, - все-таки есть смысл вернуться к упомянутому веберовскому различению в надежде приблизиться к пониманию также и нашего собственного (кстати сказать, типично русского) вопроса.

3. М. Вебер об основном отличии архаического капитализма от новоевропейского

Нам еще предстоит в дальнейшем говорить о веберовских различениях, касающихся этого сюжета, более подробно, хотя и не специально, а в контексте напрашивающегося в каждом отдельном случае более конкретного сопоставления «нового русского» капитализма с современным западным. Пока же, несколько нарушив общую последовательность нашего изложения в чисто дидактических целях, напомним вкратце о двух взаимосвязанных моментах, существенных для веберовского понимания капитализма вообще, - отличающих его, во-первых, от марксистского (а вместе с тем и от нынешнего радикал-реформаторского), и, во-вторых, от моммзеновски-майеровского.

В отличие от К. Маркса с его концепцией «общественно-исторических формаций» М. Вебер, подобно Т. Моммзену и Э. Майеру, не ограничивает капитализм рамками Нового времени, определяя понятие «капиталистического хозяйства» [1, с. 14] и «капиталистической» структуры», «капиталистического» вообще [с. 15] таким образом, чтобы под него можно было подвести также и «резкими толчками приливающие и отливающие «хрематистические» эпохи» (там же) рабовладельческой древности. «Одно, - пишет он, - ...во всяком случае неоспоримо - это то, что под «капиталом» всегда следует разуметь частнохозяйственный «приобретательский капитал» (Erwerbskapital)...; следовательно, блага, которые служат цели приобретения «прибыли» в процессе обращения благ» (там же). Отправляясь от этого постулата, М. Вебер заключает: «Производство при помощи купленных рабов (т.е. производство в условиях, в которых рабы являются нормальным предметом оборота, безотносительно к тому, были ли они действительно (in concreto) приобретены путем купли) на собственной или арендованной земле есть с экономической точки зрения, конечно, «капиталистическое» производство: земля и рабы составляют предмет свободного оборота и, конечно, представляют собою «капи-

тал»: рабочая сила, в отличие от того, как это делается в производстве с помощью «свободного труда», покупается, а не нанимается, а если (в виде исключения) нанимается, то не у ее носителя (рабочего), а у его господина» [1, с. 17]. Таковы чисто экономические соображения, которые побуждают М. Вебера отказаться от «формационного» понимания капитализма, замыкающего его в заранее данных хронологических рамках, запрещающих дальнейшее историческое исследование. Но, в отличие от Т. Моммзена и Э. Майера, с которыми его сближало это «чисто экономическое» определение капитализма, М. Вебер не склонен заходить здесь слишком далеко, «вообще» отвергая необходимость «применения к древности особых экономических категорий». Он не считал научно корректной попытку Э. Майера, даже «по крайней мере к классическому периоду расцвета Афин, оперировать... совсем современными понятиями, как «фабрика» и «фабричные рабочие»» [1, с. 9]. Возражая против подобного стремления представить «» в достаточно современном духе (...) условия тогдашней хозяйственной жизни», М. Вебер писал: «до сих пор не доказано существование в древности даже свободной «домашней промышленности» (...) в том значении этого понятия, в каком она существовала уже в XIII веке по Р. Х., т.е. с договорными формами кустарной системы («Verlagsystem»)». Но уже совершенно не имеется до сих пор никакого доказательства существования «фабрик», хотя бы только в чисто техническом смысле, в смысле организации производства... Ни о каких промышленных предприятиях, которые бы по своим размерам, по своей долговременности и техническим свойствам (концентрации процесса труда в мастерских с разложением и с соединением труда и с «постоянным капиталом») заслуживали названия фабрики, как о сколько-нибудь распространенном явлении, источники не знают ничего» [1, с. 9-10].

Как видим, первое, на что обращает внимание автор «Аграрной истории древнего мира», проводя теоретически обоснованное различие между современным и античным типами капиталистического хозяйства, это существование промышленности в первом и ее отсутствие во втором случае. Причем, оговоримся, речь идет о промышленности именно в современном «техническом смысле», предполагающем целый ряд соответствующих социальных и экономических определений. А именно: совокупность, или даже систему, «промышленных предприятий», которые действительно отвечали бы названию «фабрик» как с точки зрения их необходимых размеров, так и с точки зрения длительности их существования. Ибо это как раз те «пункты», где осуществляется процесс не только количественной, но и качественной концентрации труда, связанной и с его разделением, и с последующим соединением в новые сочетания обособленных элементов. Только в этом социально-технологическом процессе и реализуется объединение таких собственно экономических категорий, как «постоянный капитал» и «переменный капитал». Так что в целом то, что М. Вебер назвал «фабрикой» в «чисто техническом смысле, в смысле организации производства», им же самим расширяется также и в экономических и в собственно социологических понятиях.

4. Античный капитализм и «новый русский»

Итак, основное и бросающееся в глаза отличие первого из рассмотренных выше «типов хозяйственной организации» [2, с. 8] от второго М. Вебер связывает с тем

фактом, что античность не знала промышленности в современном техническом, социологическом и экономическом смыслах этого слова, а значит, и не располагала таким мощнейшим орудием и средством образования и приумножения капитала, какой имеет в своем распоряжении современный капитализм. Потому этот последний и является, прежде всего и главным образом, высокопродуктивным индустриальным капитализмом, по сравнению с которым первый является скорее потребительским, если не паразитическим. «Среди составных частей капитала, - писал М. Вебер, имея в виду античный капитал - разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний «постоянный капитал»... Среди способов эксплуатации капитала отстывает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в «крупные производства» в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению совершенно отступил на задний план: государственный откуп» [3, с. 19]. (Речь идет об откупе налогов, государственных должностей, выгодных заказов, привилегий и т. п.).

Нам еще предстоит в дальнейшем специально вернуться к этому утверждению М. Вебера, которое совершенно справедливо по отношению к современному западному капитализму, однако вызывает серьезные сомнения применительно к нашему «новому русскому». А пока обратим внимание на первое же более широкое определение, какое он дает античному капитализму (в частности, и в связи с тем, какую роль играл тогда этот самый «государственный откуп»): «политический» капитализм, т. е. капитализм, связанный своей пуповиной с фискальной политикой государства. Речь идет об «архаической» разновидности государственного капитализма (очень напоминающей нашу теперешнюю), когда государственная власть, отказываясь от части «своей» (у нас она считалась общенародной) собственности в пользу капиталистов (у нас их обычно называют «олигархами»), систематически «подкармливала» их, держа на коротком поводке.

Однако такое положение дел сохранялось, как правило, лишь до тех пор, пока «заматеревший» младенец не становился достаточно сильным для того, чтобы не просить, а властно требовать государственной «подпитки», диктуя властям свои собственные правила финансово-политической игры как внутри страны, так и за ее пределами. Тем самым капиталисты фактически «откупали» теперь у государства уже не те или иные отдельные привилегии и «хлебные» должности, а саму его власть: право принимать общеполитические решения. Так возникала ситуация непримиримой борьбы за власть между государством и - им же и вскормленным - «архаическим» капитализмом. Борьбы, которая, как утверждал М. Вебер (солидаризировавшийся в этом отношении с Т. Моммзеном и Э. Майером), определяла в античной истории гораздо большее, чем можно было бы предположить.

Таков смысл словосочетания «политический капитализм» - одного из первых веберовских понятий, объединяющих два ранее разъединенных измерения общественной жизни - экономическое и политическое, какое употребляет М. Вебер для того, чтобы противопоставить непромышленный «архаический» капитализм современному индустриальному. При этом он не упускает случая подчеркивать, что «хозяйственная деятельность» привилегированной страты «откупщиков»,

задававшая модель капиталистической деятельности античного типа, «не была еще ориентирована в первую очередь ни на рациональное использование капитала посредством внедрения его в производство, ни на рациональную капиталистическую организацию труда» [2, с. 80].

Но, кроме того, что у нас обычно называют в подобных случаях «государственной кормушкой», в античности существовали, как существуют и в наше время (в особенности в условиях «нового русского» капитализма), также и другие непромышленные источники накопления и приумножения капитала, к которым тут же присасывались (и присасываются) также предприниматели соответствующей - непроизводительной - ориентации. Их «хозяйственную деятельность» М. Вебер квалифицирует, подчас, как «докапиталистическую» в широком смысле, желая противопоставить ее высокопродуктивной деятельности в условиях промышленного капитализма, предполагающего совершенно иные, чем в античности, способы накопления и приумножения капитала. Они лишь отчасти вступают в «мирное сосуществование» с прежними (традиционными), но гораздо чаще утверждают себя, преодолевая их ожесточенное сопротивление, что уже на первых этапах развития современного капитализма вызывало (и до сих пор вызывает) более или менее острые общественно-политические конфликты между ним и «архаическим» типом капиталистического предпринимательства. Согласно М. Веберу, этими конфликтами, острота которых каждый раз определялась соотношением противоборствующих сил, отмечена вся история становления и последующей эволюции современного капитализма.

5. Типичные социальные фигуры архаического и «нового русского» капитализма

Чтобы разобраться в них, вспомним, какие социальные фигуры, персонифицирующие два столкнувшихся типа капитализма, фактически противостояли друг другу на протяжении этой истории. Ведущие социальные фигуры капитализма современного западного типа нам хорошо известны. Но о соответствующих персонажах античного капитализма мы еще не говорили специально. Теперь настала очередь сказать и о них, сопоставив их с функционерами нашего «нового русского» капитализма. Такое сопоставление представляется для нас более целесообразным, поскольку оно, во-первых, находится на основной линии нашего сюжета, а во-вторых, позволяет конкретизировать веберовскую постановку вопроса о взаимоотношении двух типов капитализма в условиях современности применительно к специфическим реалиям постсоциалистической эволюции России.

Характеризуя «архаический» капитализм с помощью перечисления социальных фигур, персонифицирующих его, М. Вебер называет «существующий во всем мире в течение трех тысячелетий - в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время - капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов» [3, с. 118]. Здесь, - а речь идет об одном из примечаний к новому изданию «Протестантской этики», - на первом месте стоят уже не откупщики, как в работе об аграрной истории древнего мира, но именно ростовщики. И это выведение их на передний план, пожалуй, еще больше отвечает веберовскому желанию подчеркнуть паразитарную природу «архаического» капитализма (напомним, рабовладельческого по своему происхождению и той роли, какую играло рабвладель-

дение среди первоначальных разновидностей капиталистической собственности), его изначальную «дистанцированность» от сферы продуктивного применения капитала.

Говоря о «капитализме ростовщиков», М. Вебер имеет в виду его органическую связь с торговлей деньгами. Разумеется, крупными, отдаваемыми «взаймы» государству (или тем, кто персонифицировал его в каждый данный момент) под немалые проценты. Этот вид крупнокапиталистической деятельности заставляет здесь вспомнить (кроме всего прочего) о той, что совсем недавно практиковалась у нас на «рынке ГКО» - государственных краткосрочных обязательств, которые продавались «денежным людям» (или «структурам») под проценты, поражающие своими размерами даже выдавших виды западных наблюдателей. Роль античных займодавцев играли в нашей стране либо очень богатые и близкие к «властям предержащим» (а потому хорошо осведомленные о закулисных «правилах финансовой игры») российские ростовщики новой формации, либо так называемые «нерезиденты».

Другую преобладающую разновидность «архаической» капиталистической деятельности, особо выделенную М. Вебером, упомянувшим на втором месте «военных поставщиков», мы могли бы и опустить, поскольку она, что называется, «имеет место» и в условиях современного промышленного капитализма. Однако следует иметь в виду, что в античности эта деятельность разворачивалась в условиях отсутствия промышленных источников «добывания» капитала, заменяя их и тем обеспечивая ей первостепенную роль в формировании и функционировании «архаического» капитализма. А кроме того следует учесть, что у нас военные поставки (например, в период недавней «русско-чеченской войны», развязанной в пределах одного и того же государства) имели своим источником не развитие, а наоборот, развал военной промышленности, разбазариваемой направо и налево в условиях хаотической «демилитаризации» нашей страны, усугубляемой целенаправленной «прихватизацией» ее собственности. Так что в конечном счете и здесь «военные поставщики» имели столь же благоприятные (если не более, учитывая несоизмеримые масштабы вооружений) условия для своих - «политико-экономических» - авантюр, как и их архаические предшественники, шустрившие в условиях античного «авантюристического капитализма» (так не раз называл его сам М. Вебер). Если же прибавить к этому возрастающую день ото дня потребность в оружии «криминальных структур», в связи с чем неуклонно (и скачкообразно) растет его - и без того фантастическое - количество, находящееся в «теневом» торговом обороте, то можно с уверенностью заключить, что нелегальные «военные поставщики» сыграли (и продолжают играть) в формировании и последующей эволюции нашего «нового русского» капитализма, так похожего на «архаический», ничуть не меньшую роль, чем те, которых упомянул М. Вебер в приведенном фрагменте. Дальше идут у него уже упомянутые нами «откупщики должностей и налогов». К сказанному об «откупах» выше (с целью показать, что в условиях «нового русского» капитализма они «по своему значению» вовсе не «отступили на задний план», как это произошло на Западе, когда там пробил себе дорогу промышленный капитализм, а наоборот, укрепили и существенно расширили свои позиции, хотя и под другими названиями) здесь можно добавить лишь следующее. В некоторых из

закавказских республик, а в особенности в Азербайджане, аналогичный процесс наметился еще в «застойные» и «раннеперестроечные» времена. Об этом свидетельствовали в своих публикациях некоторые из тогдашних «отъезжантов». Например, Земцов, автор книги «Проданная республика», вызвавшей сенсацию на Западе. В ней приводились любопытные данные о том, сколько в Азербайджане стоила та или иная «партийно-хозяйственная» должность (скажем, «пост» директора крупного завода или секретаря райкома КПСС), обещавшая ее обладателю немалые «дивиденды». После появления такого рода публикаций многочисленные анекдоты на эту тему, имевшие широкое хождение в центральной России еще раньше, уже не воспринимались как «хохмические» гиперболы и небылицы. И хотя тогда было еще довольно далеко до превращения этих, казалось, «нетипичных» явлений в массовые и всероссийские, прейскурант должностей и привилегий, становившихся объектом купли-продажи на южных окраинах России, весьма выразительно свидетельствовал о том, какие деньги крутятся там в ожидании своего часа. И стоило только чуть-чуть приоткрыть ... шлюзы, как эти «сумасшедшие деньги» хлынули на территорию центральной России, пробив дорогу для укоренения здесь капитализма того особого типа, который воплотился (на глазах изумленных россиян) в образе «нового русского» капиталиста, способного превратить в предмет «откупа» все что угодно. А это уже с самого начала предопределяло ту «генеральную линию», по которой должно было пойти у нас развитие капитализма. Отданное нашими высокопоставленными экономистами на откуп рыночной стихии, - в их близоруком уповании на то, что «невидимая рука рынка» все расставит по своим местам, - оно, это «развитие», оказалось во власти столь же «сумасшедших», сколь и непродуктивных денег, возникших не в промышленной, а в торгово-авантюрной, т. е. (учитывая более чем архаическую специфику нашего «рынка») базарной сфере. А в ней мог сформироваться лишь соответствующий ей, то есть не рыночный, а «базарный» социокультурный тип капитализма со всеми вытекающими отсюда прискорбными последствиями для нашей экономики. Как мы убедились на своем горьком опыте, этот воистину «базарный» капитализм древневосточного типа, возникший в России благодаря близоруким усилиям наших «крутых» западников, быстренько положил на обе лопатки промышленность, унаследованную от столь же скоропалительно, сколь и бездарно «отмененного» социализма. Сократил ее до карикатурно мизерных размеров, перекрыв ей кислород инвестиций (которые бурным потоком «утекали» на частные счета «новых русских» в зарубежных банках), и приступил к дешевой распродаже производственных фондов страны (еще вчера числившейся в первых рядах индустриально развитых держав). Процесс, который все еще продолжается (хотя уже «втихую»), - разумеется, без обещанного (это на путях-то сплошной деиндустриализации России!) «подъема материального благосостояния» ее населения. А поскольку промышленность, как показал М. Вебер, это совсем не только «технический», но и социально-экономический, шире - социокультурный - феномен, нетрудно было предположить с самого начала какой общенациональной, общероссийской катастрофой должен был обернуться этот «радикал-реформаторский» бизнес наших власть предержащих экономистов, вступивших (поначалу даже не подозревая об этом) в союз с грядущими гуннами «новой русской» закваски,

одетыми по последней западной моде.

6. Вместо эпилога

Как видим, и непромышленный характер «нового русского» капитализма, и фискально-политическое происхождение «новых русских» капиталов, и поразительная «социальная близость» его основных персонажей соответствующим фигурам античного капитализма, - все это позволяет причислять наш нынешний капиталистический тип к архаическому. Однако тот факт (казалось бы, «неудобный» для нашей концепции), что российский вариант «архаического» капитализма возник на почве далеко идущей деиндустриализации и демодернизации нашей промышленности, унаследованной от социализма, может рассматриваться и как аргумент в пользу вывода об отличии «нового русского» капитализма от античных капиталистических разновидностей, возникших в условиях полного отсутствия таковой. Впрочем, этот аргумент утрачивает значительную долю своей силы, если не забывать при этом, что основная особенность генезиса и всей последующей эволюции «нового русского» капитализма до сих пор заключалась в том, что для него эта «почва» была скорее отрицательной, чем положительной: чем-то изначально чуждым, неорганическим, в лучшем случае «утилизируемым» не по своему прямому назначению, а как мертвый «материал», который важно поскорее сбыть (чтобы замести следы состоявшегося хищения чужой собственности), а там - «хоть трава не расти». Вот она и не растет до сих пор, поскольку сам факт продажи и перепродажи похищенной собственности ничего не прибавляет к субстанции самого «сбываемого» предмета.

В результате «новый русский» капитализм, с первых же своих шагов на многострадальной российской земле ведущий к неуклонному спаду промышленного производства (в конце концов захватывающего даже добывающую промышленность) и все дальше заходящей деиндустриализации и демодернизации всей страны, создает как экономически, так и социокультурно адекватную для себя почву, вполне аналогичную той, на какой произрос в свое время античный капитализм. И хотя исходные пункты этих двух разновидностей одного и того же типа «капиталистической деятельности» были радикально различными, все-таки сошлись они в одной и той же точке, исключающей промышленное развитие, лишаящей его социально-экономических и культурно-исторических перспектив. Для достижения на этом пути абсолютного тождества с капитализмом трехтысячелетней давности «новому русскому» капитализму остается сделать последний шаг: превратить в объект купли-продажи не только «рабочую силу» человека («рабсилу» - как она выразительно именовалась в бюрократических документах тоталитарной поры), но его самого вместе со всеми «потрохами», тем более что стоимость последних на черном (очень черном!) рынке неуклонно возрастает вместе с успехами трансплантации человеческих органов. Однако симптомы продвижения в отмеченном направлении внимательный наблюдатель может констатировать не только в области «подпольной медицины»; к той же симптоматике можно отнести и торговлю «живым товаром» в «сексуально ориентированном» бизнесе, не говоря уже о наркобизнесе, где наркоманы готовы продать самих себя (не говоря уже о своих близких) за очередную «понюшку» наркотика.

И, наконец, нельзя забывать также о торговле так называемыми заложниками, а в

действительности рабами, которую так и не удастся искоренить как раз в тех «окраинных» районах бывшего СССР, из которых уже во времена «позднего застоя» и «ранней перестройки» в центральную Россию проникали семена и споры грядущего «архаического» капитализма. Отсюда и законный вопрос: а не потому ли для нас, россиян, привыкших гордиться своей великой культурой, оказалась такой трудной проблемой рабовладельческая Чечня (которую я так хотел бы отделить от всего чеченского народа, к сожалению, далеко не всегда отдающего себе ясный отчет в том, кого он подчас поддерживает), что мы, со своим «новым русским» капитализмом, культурно-исторически оказались в опасной близости к чеченским торговцам «живым товаром»? В той парадоксальной близости, которую мы так и не хотим осознать теоретически, хотя признаем практически, когда предоставляем возможность «договариваться» с работорговцами насчет «выкупа» за их «товар» как раз тем «новым русским», которые давно уже овладели языком капиталистической архаики.

Итак, купец-ростовщик, купец-откупщик, купец-поставщик, купец-работорговец и, наконец, купец-чиновник, создающий свой капиталец с помощью взяточничества, - таковы доминирующие фигуры капиталистов «архаического стиля», каждой из которых вполне возможно найти «взаимно-однозначное соответствие» среди «новых русских» персонажей. Среди них мы найдем, кроме того, и «крупных торговых предпринимателей» и «крупных финансовых магнатов», которых М. Вебер также не забыл упомянуть в своем перечне типичных представителей античного капитализма (и которых у нас нынче, «пруд пруди»). Одним словом, куда ни глянь - везде рискуешь попасть в тот или иной веберовский персонаж, отличающийся от своего прототипа лишь модным европейским костюмом. А вот те, кого еще совсем недавно называли у нас «капитанами промышленности», переводя на советский язык слова О. Шпенглера о промышленниках «большого стиля» (и называли не без основания, поскольку именно им страна была обязана не только индустриализацией, но и последующей модернизацией индустрии), нынче жмутся где-то на российских задворках, тщетно пытаясь свести концы с концами на своих «лежащих на боку» предприятиях.

По сравнению с вышеупомянутыми персонажами, имеющими прямой доступ к «трубе», перекачивающей деньги из карманов налогоплательщиков в «черные дыры» госбюджета, они теперь явно люди второго сорта, обреченные ходить «по инстанциям» с протянутой рукой, повсюду встречая все тех же «хозяев жизни», делающих свои деньги «из воздуха», не пачкая своих пальцев, окольцованных перстнями, «грязной тачкой» промышленного производства. Видимо, знаменитое лагерное: «грязной тачкой рук не пачкай», теперь становится нормой не одних лишь «воров в законе». Впрочем, как убедительно свидетельствует в высшей степени поучительная статья С. Глинкиной «Особенности теневой экономики в России» [2, с. 13], дистанция между нынешними уголовниками и кое-кем из уважаемых «новых русских» капиталистов совсем не так велика, как можно было бы ожидать. В целом же картинка вчерашнего «капитана промышленности» с протянутой рукой на фоне всемогущего торгаша (сегодня ему присвоена аристократическая квалификация «олигарха»), достаточно точно воспроизводящая «весовые соотношения» в нашей нынешней экономике двух рассматриваемых типов капита-

лизм и капиталистической деятельности, красноречиво свидетельствует о том, какой из них победил (по крайней мере, «на данный исторический момент») при хитроумном содействии наших власть имущих приватизаторов и ваучеризаторов. А в целом, мы можем констатировать, что те же самые социальные типы, которые доминировали, согласно М. Веберу, в условиях «архаического капитализма» трехтысячелетней давности (и все еще живут сегодня в «интермундиях» новейшего западного капитализма, время от времени проникая и в «большой свет»), захватили руководящие социально-экономические позиции и в структуре нашего «нового русского» капитализма, оттеснив на периферию, если не «замочив» вовсе, фигуры, типичные для современного индустриального капитализма. Того самого, что, как видим, задает сегодня тон не только на Западе, но и на Дальнем Востоке, жестко диктуя свои «правила игры» персонажам, унаследованным капиталистической современностью от архаического прошлого.

Но тогда как же нам определить «новый русский» капитализм? Судя по всему, тот факт, что мы имеем с ним дело сегодня, еще не дает нам никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо больше схож с «архаическим» капитализмом, заставляя ожидать от него то же самое, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе. Там же, живя в его «интермундиях», т. е. прорехах, оставляемых «неравномерностями» глобальной эволюции современного капитализма, он достаточно ограничен в своих возможностях. Не случайно М. Вебер отказывал в праве считаться типичными представителями современного капитализма (его олицетворением) даже таким влиятельным мультимиллионером, как, например, «Пирпонт Морган, Рокфеллер, Джей Гоулдс и др.», «как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны» [1, с. 279]. То же самое мы могли бы сказать и о наших нынешних «олигархах», - с тем, правда, отличием, что «величина» их значения «в хозяйственной жизни» скорее отрицательная, чем положительная. И связано это с тем, что вопрос «кто кого?» фактически решен у нас (в исторически данный «момент») явно не в пользу тех социально-экономических персонажей, которые олицетворяют тенденции современного высокоиндустриального капитализма (все равно - западного, восточного или еще какого-то образца). Мы могли бы позволить себе великодушную веберовскую оценку наших «олигархов» лишь на фоне общей победы промышленного капитализма, которая для нас жизненно необходима, над непромышленным, непродуктивным, словом - паразитическим (ныне олицетворяемым у нас «новыми русскими» миллиардерами, предпочитающими поддерживать своими капиталами «иноземную» экономику). Но, к сожалению, о такой победе мы можем сегодня лишь тоскливо мечтать.

Литература

1. Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923.
2. Глинкина С. Особенности теневой экономики в России // Независимая газета: НГ-Политэкономика. N 5. март 1998, С. 13.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990.

В. Дж. Браун, Н. Л. Русинова

СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА И ЗДОРОВЬЕ

Данная статья представляет собой один из фрагментов более обширного исследования, посвященного изучению социальных неравенств и здоровья среди городского населения современной России. Целью исследования являлось выявление дифференциаций в субъективных показателях здоровья представителей различных социально-экономических групп населения Петербурга и изучение структуры факторов, объясняющих эти дифференциации. В числе важнейших исследовательских задач - изучение субъективного (осознаваемого) статуса здоровья горожан, особенностей их жизненного стиля, персонального и семейного поведения, связанного со здоровьем, роли неформальных социальных взаимосвязей (обычных и профессиональных) в поиске помощи при решении проблем здоровья, характера использования системы медицинских услуг и отношения к системе здравоохранения. Центральное же место в анализе структуры факторов, объясняющих дифференциации в осознаваемом статусе здоровья между различными социально-экономическими группами населения, занимало изучение особенностей восприятия людьми проблем здоровья и болезни, или так называемой «культуры здоровья». В частности, мы анализировали представления респондентов о том, каковы причины болезней, что способствует формированию полноценного здоровья, кто несет ответственность за его поддержание. Эмпирическую базу исследования составляют материалы целевого репрезентативного массового опроса взрослого населения Петербурга ($N=1500$, 1992г.) и глубинных интервью по небольшой подгруппе из первоначальной выборочной совокупности опрошенных ($N=44$, 1994г.).² Участвовавшие в интервью респонденты были случайным образом отобраны (контролировались пол, возраст и место рождения) из каждой из шести социально-экономических групп населения Петербурга, идентифицированных в результате массового опроса.**

* Исследование выполнено при поддержке Центрального Европейского университета (Русинова Н. Индивидуальный грант CEU, 1994-1995). [Назад](#)

** В качестве группообразующего признака использован показатель уровня образования в двух поколениях: «Стабильная интеллигенция» (группа 1): респондент имеет высшее образование, и по крайней мере у одного из родителей - также высшее образование; «Новая интеллигенция» (группа 2): респондент имеет высшее образование, у родителей - ниже высшего образования; «Понизившие социальный статус» (группа 3): респондент имеет ниже высшего образования, а по крайней мере, у одного из родителей - высшее образование; «Стабильно квалифицированные» (группа 4): и респондент и родители имеют среднее (преимущественно среднеспециальное) образование; «Новые квалифицированные» (группа 5): респондент имеет среднее образование, у его родителей - ниже среднего образования; «Неквалифицированные» (группа 6): и респондент и родители имеют образование ниже среднего. [Назад](#)

В целом, не вызывает сомнения тот факт, что связь между представлениями людей о здоровье и их реальным поведением отнюдь не проста и однозначна. Так же, как это характерно для человеческого поведения вообще, различия между тем, что люди на словах считают необходимым предпринимать для того, чтобы поддержать здоровье и справиться с болезнью, и тем, как они сами действуют в реальной жизни, могут быть весьма существенны (см. например, [6]). Тем не менее, как, в частности, свидетельствуют и материалы нашего исследования, существует определенное соответствие между взглядами и установками людей и их поведенческими стратегиями. Таким образом, изучение представлений современных горожан о здоровье не только предоставляет пищу для размышлений на эту тему в более широком культурологическом контексте, но и может дать новые знания, которые помогут объяснить тенденции заболеваемости и смертности. Одним из ключевых направлений в исследовании культуры здоровья, имеющим своей целью объяснение связанных со здоровьем стереотипов поведения, является изучение представлений людей о том, в какой мере сам человек может контролировать состояние своего здоровья и, следовательно, нести за него ответственность.

Надо сказать, что большинство петербуржцев рассматривает здоровье как объект, подвергающийся воздействию множества разнообразных сил, многие из которых, как они считают, вполне могут быть управляемы человеком. Таким образом, по общему мнению наших респондентов человек, по крайней мере отчасти, несет ответственность за состояние своего здоровья.

В то же время, необходимо иметь в виду, что структура представлений о здоровье и причинах болезней вообще, и применительно к себе в частности, также отнюдь не идентична. Опыт исследований, проведенных в различных странах, подтверждает тот факт, что люди подходят к этим двум проблемам по-разному (см. например, [2]), и жители Петербурга не оказались в этом смысле исключением. В целом, большинство петербуржцев подчеркивает важность индивидуального контроля и ответственности человека за здоровье. Однако как только речь заходит об их собственном здоровье, они скорее склонны ссылаться на внешние обстоятельства, которые, по их словам, оказали если не большее, то, по крайней мере, равное на них влияние по сравнению с той ролью, которую они играли сами (табл. 1). В среднем, только каждый четвертый (24,8%) связывает свое здоровье, главным образом, с собственным поведением. При этом обращает на себя внимание тот факт, что представители низших ступеней социальной иерархии гораздо менее склонны занимать такую позицию. Этим же людям свойственно стремление приписать решающую роль в воздействии на их здоровье тем внешним обстоятельствам, которые, как они считают, во многом не поддаются какому бы то ни было контролю с их стороны.

Многие петербуржцы рассуждают также о здоровье в терминах нравственности, морали, воли, т.е. как о некоей позитивной цели, за достижение которой человек может и должен бороться, заслуживая на этом нелегком пути либо похвалу, либо порицание. Это с очевидностью просматривается во взглядах респондентов на то, что людям необходимо в целом предпринимать для сохранения здоровья. В таком же духе они размышляют и о собственном здоровье. Об этом свидетельствует по крайней мере тот факт, что люди, обладающие хорошим здоровьем, преимуще-

ственно считают это собственным достижением; те же, кто имеет те или иные проблемы со здоровьем, скорее стремятся обвинить в этом внешние обстоятельства. Такой стиль мышления особенно характерен для «Новой интеллигенции», представители которой, как было выяснено в ходе нашего исследования, в наибольшей степени склонны рассматривать здоровье как статус, достигаемый человеком ценой индивидуальных усилий и к которому он всегда должен стремиться. Приверженцы такой позиции неизбежно приходят к выводу: нездоровье является свидетельством моральной слабости. Таким образом, неудивительно, что представители этой группы демонстрируют наиболее выраженное стремление (66%) объяснить плохое состояние своего здоровья внешними обстоятельствами, которые они не могут контролировать и за которые поэтому не несут никакой моральной ответственности. (Среди мужчин группы «Новой интеллигенции» эта цифра еще выше: 85,7%).

Из того многообразия факторов, которые петербуржцы считают важными для поддержания собственного здоровья, одни потенциально более управляемы человеком, нежели другие. Однако представления наших респондентов о границах индивидуального контроля и ответственности существенно различаются. В целом, наиболее узко эти границы определяются теми, кто находится на низших ступенях социальной иерархии. Так, люди, обладающие низким социальным статусом, наименее склонны считать, что они сами, в первую очередь, отвечают за состояние своего здоровья.

По общему мнению большинства петербуржцев безусловно существует ряд факторов, находящихся под полным контролем человека, конечно, если только он в принципе считает необходимым что-либо предпринимать для поддержания своего здоровья. К числу таких факторов респонденты, прежде всего, относят способность человека контролировать свое психическое состояние. Упоминают, естественно, и об определенных типах поведения, таких, например, как неумеренное курение и употребление алкоголя, игнорирование необходимой медицинской помощи и, конечно, неоправданное подвержение себя опасности заболеть, простудиться, не одеваясь, скажем, так, как того требуют погодные условия.

И, тем не менее, обсуждая в процессе интервью даже эти, казалось бы, очевидно неблагоприятные для здоровья типы поведения, менее образованные люди (особенно мужчины) постоянно подчеркивают давление внешних обстоятельств, ограничивающих человека в его способности действовать в интересах собственного здоровья. Мужчина из группы «Новых квалифицированных», работающий пожарным, например, рассказывает: «Все происходит само собой, и с этим ничего нельзя поделать. Ты выбегаешь из пожара, «прокидываешь» стакан холодной воды и заболеваешь. Что, разве это твоя вина? Естественно, в такой ситуации смертельно хочется пить». Другой мужчина, представляющий группу «Стабильно квалифицированных», примерно также рассуждает на тему о рекомендуемой медицинской помощи: «Говорят, надо проверяться у зубного врача дважды в год... А когда я пошел, они вытащили здоровый зуб. На другой день разболелось все снова, и теперь у меня нет двух зубов. Еще говорят, доверяй врачам! Я доверял. Вроде, сделали рентген, и все равно умудрились вырвать здоровый зуб». Петербуржцы, принадлежащие к группам «Интеллигенции», редко ссылаются на

такие обстоятельства. Скорее, они стремятся приписать самому человеку ответственность за выбранный вариант поведения. Более того, по крайней мере в определенных вопросах люди, обладающие высшим образованием, проявляют большую склонность считать себя в ответе и за те типы поведения, которые таят в себе лишь потенциальную опасность для их здоровья.

Эта тенденция с очевидностью проявляется в анализе оценок респондентов того влияния, которое оказало на их здоровье курение. В целом, примерно каждый четвертый (26,9%) респондент из участвовавших в массовом опросе связывает проблемы своего здоровья с курением. И хотя очень немногие из тех, кто сам не курит, отметил, что их здоровье подвергалось вредному воздействию табака, не все курильщики (включая злостных) признали, что собственными действиями оказывали негативное влияние на свое здоровье. Чаще других такую позицию занимали представители «Интеллигенции». Особенно заметна эта тенденция у женщин, характерна она, впрочем, и для курящих мужчин. Как видно из табл.2, женщины, вышедшие из семей интеллигенции (группы 1 и 3), значительно чаще представительниц других групп опрошенных связывают состояние своего здоровья с потреблением табака. Однако из числа тех, кто много курит (более пачки в день) такую самокритичную позицию скорее склонны занимать члены групп «Стабильной» и «Новой интеллигенции» (67,4 и 67,2% соответственно). В то время как респонденты, характеризующиеся нисходящей социальной мобильностью, значительно реже признаются в том, что сами нанесли ущерб своему здоровью этой вредной привычкой.

В целом, статистически значимой связи между самооценкой здоровья и признанием негативного влияния на здоровье курения не обнаружено. Другими словами: люди, обладающие слабым здоровьем, не чаще здоровых говорят о том, что курение оказало пагубное воздействие на них. Таким образом, тот факт, что среди интеллигенции зафиксирован сравнительно больший удельный вес тех, кто считает, что курение нанесло вред их здоровью, свидетельствует о более распространенной в этой среде позиции, согласно которой человек своим поведением оказывает влияние на свое здоровье и, соответственно, в полной мере несет за это ответственность.

Высокообразованные люди исходят также из того, что способность человека принимать разумные решения зависит от его осведомленности в вопросах здоровья и болезней. Они считают само собой разумеющимся, что приобретение необходимых знаний предполагает и затрату определенных усилий, и большинство из них верят, что люди, принадлежащие их социальной группе, в большей степени, нежели другие слои населения, именно так и поступают в реальной жизни: «Интеллигенция лучше информирована»; «Это зависит от уровня образования, а интеллигент знает больше»; «У образованных людей просто больше запас знаний, которые они к тому же разумнее используют».

С другой стороны, многие из тех, кто обладает более низким социальным статусом, считают, что приобретение новых знаний по вопросам здоровья вовсе не нужно и даже, более того, может нанести вред. «Чем меньше знаешь, тем лучше», - часто встречающаяся реплика в высказываниях на эту тему, особенно среди мужчин. «Я просто интуитивно чувствую, что может повредить моему здоровью, а что может

быть полезным», - заметил мужчина из группы «Понизивших социальный статус» и добавил: «Я думаю, с любым нормальным человеком происходит то же самое». «Я не хочу ничего знать», - воскликнул мужчина, работающий слесарем на заводе, - «у меня и так достаточно проблем». Боязнь опасности, которую таит в себе новое знание о болезнях, ярко проявилась и в высказывании одной из женщин, представляющих группу «Новых квалифицированных»: «Как-то я прочитала журнал «Здоровье» и моментально заболела. Я решила, что мне этого не надо, мне нужен покой».

Замечание мужчины, занимающего такую же социальную позицию, придает этой теме более широкое звучание. Он считает, что базовыми, основополагающими знаниями обладает каждый, и дополнительные усилия в этой области абсолютно напрасны: «Мне ничего и не нужно знать о болезнях. Вы знаете, когда люди болевают, они стараются цепляться за жизнь. Начинают интересоваться, читать, искать дополнительную информацию. Но это ведь редко кого спасает». Для этого мужчины, также, как и для многих других с аналогичными взглядами, забота о собственном здоровье попадает в область «здорового смысла». Усилия, предпринимаемые человеком на основе приобретенных им специальных знаний, рассматриваются в данном случае, по меньшей мере, как бессмысленное занятие, а возможно, даже наносящее вред, поскольку может увеличить вероятность того, что человек в результате столкнется с новыми проблемами благодаря самовнушению. Другими словами, знание может заставить человека заболеть.

Для представителей «Интеллигенции» характерна принципиально иная позиция. Они считают, что не только могут, но и должны образовываться в этой области, с тем, чтобы применять полученные знания в жизни и влиять на свое здоровье. В основном, эти знания касаются различных, связанных со здоровьем аспектов жизненного стиля, таких, например, как питание, жилье, условия труда, которые «Интеллигенция», также в большей мере, нежели представители других групп населения, склонна считать поддающимися их собственному контролю. «Люди должны винить только себя», - заметил мужчина из группы «Стабильной интеллигенции», - «если они не строят свою жизнь таким образом, чтобы защитить свое здоровье». Такое же утверждение, пожалуй, даже в еще более категоричной форме, прозвучало в высказывании представителя «Новых интеллигентов»: «Почти все зависит от меня самого, по крайней мере, на 90 процентов - все, что касается питания, физической активности, стиля жизни... Если только метеорит упадет с неба, тогда это, конечно, не моя вина, но за все остальное я отвечаю сам».

Эти различия в восприятии людьми проблем здоровья очевидны во взглядах петербуржцев на ту роль, которую должно играть государство, правительство в охране здоровья населения. Проявляется, впрочем, в обсуждении этой темы и общая забота всех горожан, независимо от их социального положения - предоставление возможности рядовым гражданам заниматься физкультурой, спортом, оздоравливаться. Особенно подчеркивается необходимость приведения в порядок существовавших ранее и строительства новых физкультурно-оздоровительных учреждений для детей. Бассейны, спортивные школы и летние лагеря упоминаются чаще всего.

Петербуржцы единодушны также в том, что правительство должно повысить

качество медицинского обслуживания. Они считают, что базовые медицинские услуги должны быть доступны каждому, рассматривая это как сферу ответственности государства. Они убеждены также в том, что в систему здравоохранения должны быть направлены большие финансовые средства, позволяющие достойно оплачивать труд медицинских работников, обеспечивать медицинские учреждения современными технологиями, диагностической и лечебной аппаратурой, лекарственными средствами.

В целом, однако, высокообразованные слои населения рассматривают роль государства в гораздо более ограниченных пределах, нежели представители групп, характеризующихся более низким социально-экономическим статусом. Правительство должно обеспечить доступность медицинской помощи, подчеркнула респондентка из группы «Новой интеллигенции», «все остальные люди могут сделать сами». Женщина, представляющая «Стабильную интеллигенцию», высказала ту же точку зрения: «Люди сами создают свое счастье и здоровье... Не думаю, что правительство должно нас всем обеспечивать. Люди сами должны позаботиться о себе - они должны зарабатывать и использовать эти деньги себе во благо». Таким образом, представители «Интеллигенции», подчеркивая важность того, чтобы люди оказывались в состоянии принимать собственные решения, касающиеся их жизни и работы, считают, что государство должно играть скорее «пассивную» роль, заключающуюся, главным образом, в обеспечении стабильности политико-экономической системы, в рамках которой люди могли бы действовать. Только одна женщина из группы «Стабильной интеллигенции», конкретизируя эту позицию, довела ее до абсурда: «Правительство должно просто сделать всех богатыми, чтобы люди смогли выбирать тот стиль жизни, какой они предпочитают». Остальные же представители этой группы говорили в основном о том, насколько важно, чтобы в правительстве работали хорошо образованные и ответственные люди.

Именно «Стабильная интеллигенция» с заметным постоянством отстаивает идею минималистской роли государства. Члены группы «Новой интеллигенции» также подчеркивают важность индивидуальной ответственности и контроля; однако, в отличие от своих собратьев по социальному статусу, гораздо чаще высказывают ту точку зрения, что правительство все же «могло бы очень многое сделать» в интересах здоровья нации. Особое внимание они уделяют потенциальной роли государства в стимулировании активности граждан в поддержании собственного здоровья. Один из респондентов, например, заметил: «Правительство могло бы создать условия, при которых люди были бы заинтересованы в сохранении своего здоровья. Могли бы, например, выдаваться премии тем, кто не курит или не берет больничных листов». Другой предложил, чтобы тем, кто поддерживает свое здоровье на хорошем уровне, правительство выплачивало определенную долю средств из Фонда медицинского страхования; третий ратует за то, чтобы правительство регулировало процесс рекламирования табачных изделий или использовало какую-то иную стратегию для того, чтобы заставить людей вести здоровый образ жизни.

Таким образом, «Интеллигенция» видит основную роль государства, прежде всего, в обеспечении граждан возможностью выбирать желаемый стиль жизни, и, может быть, поощрении тех, кто принимает разумные решения, способствующие укреп-

лению их здоровья. Такой подход резко контрастирует с позицией, занимаемой людьми, имеющими более низкий социальный статус. Представители менее образованных слоев населения рассматривают роль государства в гораздо более широких пределах. «Правительство должно позаботиться о бытовых проблемах людей», - заявил мужчина из группы «Понизивших социальный статус». Другие добавляют, что правительство, в частности, несет ответственность за то, чтобы население было обеспечено достаточным количеством продуктов высокого качества по разумным ценам: «правительство должно следить за тем, чтобы люди лучше питались». Оно также должно «предоставить всем отдельное жилье вместо коммунальных квартир», позаботиться об улучшении условий труда и повышении зарплат. Люди из более низких слоев социальной иерархии хотят видеть свое правительство активно включенным в их жизнь. По словам одного из представителей группы «Новых квалифицированных», «это обязанность правительства - создать людям нормальные (не говоря уж о хороших) условия жизни... Экология, медицинское обслуживание, продукты питания, работа, заработная плата - мое понимание нормальных условий включает все это».

Как мы уже отмечали, люди, обладающие более низким социальным статусом, часто исходят из того, что они в меньшей степени контролируют многие из аспектов своей обыденной жизни, а, следовательно, и не несут за них ответственности. Более того, многие из этих людей считают также, что их здоровье уже подверглось негативному влиянию этих сторон жизни. Примерно двое из каждых пяти петербуржцев (41,8%) отмечают, что их здоровье пострадало в результате низких зарплат, а один из трех - считает в этом повинными недостаточно качественное и разнообразное питание (31,8%) и/или неудовлетворительные жилищные условия (34,0%).

Как видно из табл.2, именно люди, находящиеся на низших ступенях социальной иерархии, наиболее часто говорят о том, что их здоровье испытало на себе негативное влияние одного или более из этих факторов. И действительно, эти люди вспоминают самые разнообразные моменты своей жизни, которые, на их взгляд, пагубно сказались на состоянии их здоровья. В дополнение к низкому доходу, некачественному питанию и плохим жилищным условиям, они упоминают также, в числе прочего, неблагоприятные условия жизни в детстве, тяжелую работу и вредные условия труда.

Результаты предпринятого нами анализа условий жизни представителей различных социально-экономических групп населения в детстве свидетельствуют о том, что такое восприятие материальной депривации, безусловно, имеет под собой реальную почву. Однако связь между реальной депривацией, воспринимаемой депривацией, убежденностью человека в том, что его здоровье пострадало в результате перенесенных материальных трудностей, и, наконец, реальным статусом здоровья, конечно же, далеко не проста и однозначна. Нас в данном случае прежде всего интересуют различия в восприятиях людьми факторов, оказывающих влияние на их здоровье, поскольку эти восприятия особенно важны для понимания взглядов людей на то, в какой мере они могут контролировать и нести ответственность за свое здоровье.

Представители «Стабильной интеллигенции» значительно реже прочих ссылаются

на материальную депривацию, плохие жилищные условия или условия труда в качестве факторов, оказавших негативное влияние на их здоровье. Наиболее значимым для них в этом смысле неблагоприятным обстоятельством оказывается нездоровая экологическая ситуация. В целом, доля людей, считающих, что их здоровье пострадало в связи с неблагоприятной экологией, неуклонно уменьшается с понижением социально-экономического статуса. При этом обращает на себя внимание тот факт, что женщины, независимо от их социального положения, более склонны, нежели мужчины, полагать, что экологические проблемы причинили им вред.

Практически все опрошенные исходят из того, что рядовой гражданин вряд ли может повлиять на экологическую обстановку. Таким образом, плохое состояние окружающей среды в районе проживания несомненно, воспринимается людьми как «внешнее ограничение». Правда, один мужчина заметил, что люди могли бы засаживать кустами или деревьями прилегающие к их домам территории. Однако чаще единственным выходом из этого положения респонденты считают переезд в другой район или за город, где экологические условия лучше. Очевидно, что такое решение не представляется реалистичным для большинства горожан, многие из которых, без сомнения, согласились бы с мужчиной из группы «Понизивших социальный статус», который пожаловался: «Что я могу сделать, если Петроградский район, где я живу - самый загрязненный. Просто нечем дышать! Очень грязно, да еще радиация. Не хочется даже выпускать детей на улицу».

Те же тенденции проявляются и в анализе ответов респондентов на вопрос о том, что они считают важным изменить в своей жизни для улучшения своего здоровья (табл. 3). Как и в случае оценки роли прошлых влияний на здоровье, мнения петербуржцев на этот счет существенно различаются в зависимости от социально-экономического положения. Представители «Интеллигенции» сосредотачиваются в большей мере на необходимости улучшить экологическую ситуацию и изменить собственное поведение, в то время как люди, характеризующиеся более низким социальным статусом, гораздо чаще подчеркивают важность улучшения их питания и повышения доходов. Очень немногие, независимо от социального положения, значимым фактором для укрепления своего здоровья считают повышение качества медицинского обслуживания или улучшение условия труда.

В целом, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что именно представители высокообразованных слоев говорят об активном «строительстве своей жизни», - позиция, которая естественно предполагает ответственность индивида. «Я полностью контролирую свою жизнь», - заявляет женщина из группы «Стабильной интеллигенции». Представление же этих людей о конечных границах индивидуального контроля проясняется в высказывании другой респондентки, на сей раз из группы «Новой интеллигенции»: «Любой взрослый человек может обезопасить себя от обычных болезней. Но никто из нас не застрахован от серьезных заболеваний из-за неблагоприятной экологии».

В то же время, люди находящиеся на более низких ступенях социальной иерархии, чаще мыслят в категориях адаптации к тем условиям жизни, на которые, по их мнению, они не могут оказать существенное воздействие. Для этих групп регулирование своего психического состояния означает скорее принятие, нежели конт-

роль. «Я обычно задаю себе вопрос, - комментирует женщина из группы «Стабильно квалифицированных», - «стоит ли мне из-за этого расстраиваться. Ведь все равно это случится, хочу я этого или нет». Менее образованные горожане часто высказывают мысль о том, что улучшение их здоровья зависит от изменения тех сторон их жизни, на которые они не могут повлиять без посторонней помощи. И большинство из них в качестве основного источника такой поддержки видят государство.

В целом, петербуржцы очень скептически настроены в отношении желаний и способности правительства решать проблемы, связанные с необходимостью укрепления здоровья граждан. «Интеллигенция» в основном жалуется на некомпетентность государственных чиновников и вносит конкретные предложения по изменению политики правительства: «В правительстве должны быть образованные и ответственные люди»; «Налоговая система должна способствовать развитию экономики»; «Правительству необходимо внести существенные изменения в политику»; тогда как в среде менее образованных распространены иные настроения - растерянность, почти безнадежность, как если бы порядок вообще исчез с лица Земли и никому ни стало ни малейшего дела до простого человека. «Что они могут поделать?», - посетовала женщина из группы «Стабильно квалифицированных». - Все в нашей жизни так разладилось, во всех сферах. Как они могут это исправить? Ведь до сих пор они там, наверху, ничего не смогли сделать». «Они не думают ни о нас, ни о нашем здоровье», - вторит женщина из группы «Новых квалифицированных». Ее поддерживает и другая представительница той же группы: «Конечно, им сейчас нет до нас дела». «Я думаю, что правительство и не будет ничего предпринимать», - добавляет мужчина из группы «Понизивших социальный статус».

В заключение, обратившись к опыту международных исследований, стоит заметить, что выяснение того, в какой мере люди считают себя способными контролировать свою жизнь, является одним из ключевых направлений в изучении социальной обусловленности сохраняющихся в обществах разных типов неравенств в здоровье. Исследования, проведенные в целом ряде стран, показывают - представители групп, характеризующихся более низким социально-экономическим статусом полагают, что их жизнь подвергается меньшему контролю с их стороны, нежели те, кто находится в более привилегированном социальном положении. Этот вывод западных ученых, как мы видим, находится в полном соответствии с результатами нашего исследования. Существуют также многочисленные подтверждения того, что особенности восприятия людьми этой проблемы могут иметь серьезные последствия для их здоровья [3-5].

Одну из попыток теоретического осмысления этого феномена представляет собой идея Антоновского [6], заключающаяся в том, что здоровье низкостатусных индивидов страдает не только в связи с тем, что эти люди в действительности оказываются менее способными контролировать свою жизнь, но даже в большей мере в связи с отсутствием у них так называемого «чувства соответствия» («sense of coherence»). В это понятие автор включает целую гамму ощущений человека, принципиально значимых для его ориентации в жизни и сохранения его здоровья. Антоновский, в частности, говорит о том, насколько важно для человека чувство-

вать, что все, что происходит с ним в этой жизни, объяснимо, а значит, и предсказуемо; что он обладает необходимыми средствами для того, чтобы удовлетворять возникающие у него потребности, и что эти потребности достаточно важны для него, чтобы стоило добиваться их удовлетворения.

Не все культуры в равной степени подчеркивают важность «индивидуального контроля». Поэтому, как считает Антоновский, представление людей о том, кто конкретно контролирует их жизнь, может оказаться менее значимым, чем ощущение себя причастным событиям собственной жизни и осознание того, что твоя жизнь организуется в твоих интересах [5].

Осмысление результатов нашего исследования в предложенном теоретическом контексте позволяет предположить, что с очевидностью демонстрируемая нашими респондентами неуверенность в существовании в стране социального и политического порядка, на который они опирались в прошлом, может означать, что многие петербуржцы испытывают серьезную утрату «чувства соответствия». И особенно остра эта проблема для людей, находящихся на низших ступенях социальной иерархии. Реплика одного мужчины из группы «Понизивших социальный статус»: «Дайте мне обратно тоталитарный социализм! По крайней мере, я знал, что я защищен», - является, по-видимому, как раз выражением такого желания вернуть себе «чувство соответствия». Очень немногие из наших респондентов разделяют высказанную точку зрения на то, как лучше восстановить порядок в своей жизни; однако среди тех, кто характеризуется низким социально-экономическим статусом, широко распространено осознание отсутствия такого порядка.

Литература.

1. Pill R., Stout N. C. Choice or Chance: Further Evidence on Ideas of Illness and Responsibility for Health // *Social Science and Medicine*. 1985. No. 20. P. 981-991.
2. Blaxter M. Whose Fault is it? People's Own conceptions of the Reasons for Health Inequalities // *Social Science and Medicine*. 1997. Vol. 44. No. 6. P. 747-756.
3. Calnan M. *Health and Illness: the Lay Perspective*. London: Tavistock Publications, 1987.
4. Cornwell J. *Hard-Earned Lives: Accounts of Health and Illness from East London*. London: Tavistock Publications, 1984.
5. Freund P. E. S., McGuire M. B. *Health, Illness and the Social Body: A Critical Sociology*. Second Edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1995.
6. Antonovsky A. *Unraveling the Mystery of Health: How People Manage Stress and Stay Well*. San Francisco: Jossey Bass, 1987.

СМЕРТЬ, БОЛЕЗНЬ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

1. Эскиз проблемы

Конференция Всемирной организации здравоохранения в г. Алма-Ата (1978) провозгласила предотвращение болезни и общественное содействие здоровью центральной политической целью деятельности в области здравоохранения. Направление удара было явно нацелено на расширение все еще доминирующей в лечебной медицине «модели индивидуальной системы» [1]. Соответственно логике этой биомедицинской парадигмы все не генетически детерминированные физические и психические отклонения от нормального состояния будут интерпретироваться как последствие индивидуального контакта с инфекционными микроорганизмами и ядовитыми субстанциями или рискованного стиля жизни, за который ответственен индивид. Этот образ не является ложным, но он недостаточен [2; 3, р. 114; 4, р. 299] и требует дополнения «моделью социальной системы» [1], поскольку становящийся все обширнее собираемый социологами, социальными медиками и эпидемиологами банк данных поставляет однозначные и убедительные доказательства того, что - независимо от индивидуальных конститутивных особенностей - социальные структуры в самом широком смысле веским образом влияют как на физическое и психическое здоровье, так и на продолжительность жизни.

Повсеместное улучшение условий человеческой жизни сыграло решающую роль уже в борьбе и сдерживании доминировавших еще в прошедшем столетии инфекционных болезней. Так, например, число вызванных туберкулезом случаев смерти снизилось на 90% уже перед внедрением антибиотиков, т.е. первой систематической основательной терапии [5]. Непрерывно улучшаемое питание и гигиена повлияли на снижение заболеваемости туберкулезом решающим образом. Только после этого последовало медицинское вмешательство при помощи профилактической прививки и ухода, которые воздействовали, кроме того, и на другие инфекционные болезни, приведя к падению смертности и заболеваемости [6, р. 165].

Сегодня более трех четвертей случаев болезни и смерти вызываются немногими, по большей части хронически протекающими болезнями (сердечно-сосудистые болезни, злокачественные опухоли, не воспалительные артриты и ревматизм, заболевания желудочно-кишечного тракта и печени, сахарный диабет, а также психические нарушения), которые при всем различии причин их возникновения, протекания и завершения имеют три общие черты [7, S. 6]:

- Они до сих пор, как правило, средствами лечебной медицины не могут быть ни предотвращены, ни излечены. Несмотря на невероятные инвестиции в традиционную систему здравоохранения, она работает с быстро снижающейся эффективностью и результативностью. Прежде всего, групповые политические и экономические интересы, кажется, стабилизируют это трудное положение и соответственно усиливают его.
- Истоки длительной и многочленной цепи хронических разрушающих болезней лежат всегда далеко от их проявлений. Они лежат полностью или большей частью вне физиологии индивидуума в условиях жизни, труда и

окружающей среды, следовательно, в политически сформированных областях.

- Как риск заболеть или умереть, так и возможность индивидуально преодолеть нагрузки на здоровье, так и шансы физически, психически и социально осилить болезнь распределены социально неравным образом. Распределение неравенства прочно увязано как с принадлежностью слою, так и полу [8, 9].

Ввиду этого эпидемиологического исходного положения нетрудно признать, что решающих успехов в борьбе против большинства болезней нашего времени следует ожидать только от радикальной переориентации политики в области здравоохранения к «модели социальной системы» [1]. Именно эта модель ставит в центр внимания политические, экономические, экологические, культурные и социальные условия болезни и здоровья, и в ней обретают контуры «стратегии коллективного снижения риска» [7, S. 23]. Улучшений в состоянии здоровья населения в будущем, следует ожидать поэтому скорее от изменений условий, которые ведут к болезни, чем от вмешательства в уже запущенную болезнь [6, p. 11]. Безусловно, такие превентивные меры дешевле и гуманнее.

Возможность вмешательства в первые проявления многих современных болезней настоятельно обосновывается в первую очередь надежными данными социально-эпидемиологических исследований: связь между хронической болезнью и вероятной продолжительностью жизни, с одной стороны, и принадлежностью к социальному слою - с другой. С XII столетия, когда впервые были сообщены данные об этой связи, накапливается информация об этой стратификационной зависимости. Она консистентна для большого числа болезней, для различных популяций и остается стабильной в течение долгого времени. Например, у мужчин и женщин в возрасте от 24 до 64 лет продолжительность жизни и риски заболеть драматично варьируются в связи с образовательным уровнем, доходом и профессией, независимо от того, рассматривают ли этот индикатор социальной принадлежности в отдельности или вместе [10-20].

Хотя обусловленные возрастом темпы роста смертности в период с 1921 по 1972 г. во всех слоях снизились, различия между социальными слоями остаются или даже расширяются [3, p. 118]. Эти данные резко контрастируют с прогрессом медицинской науки и разросшимися расходами на здравоохранение в последние десятилетия во многих странах.

Влияние пространственно-временных характеристик социального слоя на здоровье и продолжительность жизни служит, в конечном счете, доказательством значения социальной окружающей среды. Ее существование вынуждает решительнее ориентироваться на модель социальной системы, ибо речь идет о том, чтобы эффективно бороться со страданиями и сокращением продолжительности жизни. Общеизвестно значение социального неравенства для здоровья и продолжительности жизни, но также широко известно и нерелективное обращение эпидемиологов с этой категорией.

Дифференцированный анализ общественных структур неравенства может расширить наше знание о том, как организация общества влияет на здоровье и болезни [21, p. 112] и какие звенья длинной причинной цепи от макроструктуры до индиви-

да наиболее значимы. Их точное знание делает возможными эффективные стратегии вмешательства на различных уровнях.

В разделе 2 анализируются важные коррелятивные данные социально-эпидемиологического исследования между социальным слоем и смертностью и между социальным слоем и заболеваемостью в различных странах. При этом отмечается дифференциация между соматическими/психосоматическими болезнями и психическими нарушениями. В разделе 3 приводятся различные интерпретации этих данных, причем проверяется основательность упрек-артефакта. Здесь же представлены возражения по поводу селективной гипотезы или дрейф-гипотезы. Приведен объяснительный подход, который главным образом использовался в медицине и в котором социальное неравенство в болезни и смерти обуславливается особенностями относящегося к здоровью социально-группового поведения и подвергается критике его ограниченная сфера действия. Выводы этого критического раздела приведены в разделе 4, в которой предлагается комплексный многоуровневый подход к объяснению связи социального неравенства и болезни (жизненных надежд), который интегрирует также поведенческий вариант объяснения. Значение психосоциальных нагрузок и социальных, а также персональных ресурсов находится при этом в центре обсуждения. Заключительная оценка многоуровневого подхода дается в разделе 5.

2. Коррелятивные данные между социальным слоем и смертностью/заболеваемостью

2.1 Социальный слой и смертность

Социальные стратификационные различия в уровне смертности являются явными и впечатляющими доводами в пользу существования взаимосвязи между здоровьем людей и их положением в системе общественно опосредованного неравенства. Обсуждаемая здесь взаимосвязь между смертностью и положением в профессиональной иерархии в качестве центрального индикатора общественного неравенства была обозначена Р. Хэдвиком (R. Chadwick) уже в 1842 г. в его «Докладе о санитарных условиях работающего населения Великобритании». Согласно его отчету, средняя продолжительность жизни в Великобритании, на которую, конечно, сильно влияла в то время младенческая и детская смертность, выглядела следующим образом: «джентльмены» и лица академических профессий и их семьи... 45 лет; торговцы и их семьи... 26 лет; ремесленники, обслуга, рабочие и их семьи... 16 лет» [22, p. 425].

Хотя с первой половины XIX столетия общее состояние здоровья населения улучшилось, прежде всего благодаря изменению условий жизни и труда, современные обследования в других странах показывают, что отмеченное Хэдвиком обратное отношение между социальным слоем и продолжительностью жизни существует также сегодня и даже расширяется.

В Англии и Уэльсе специфические социальные различия в смертности населения систематически учитываются уже с 1911 г., так как в этом году была введена в социальную статистику классификация населения по социальным слоям (на базе действующего сегодня центрального стратификационного индикатора профессионального статуса), которая охватывала в основном всего пять и позднее шесть социальных слоев [23, S. 37].

На основе этой социальной классификации слоя при помощи оцениваемой профессиональной позиции выражаются явные различия в смертности в стандартных возрастных группах между отдельными социальными слоями. Эти различия можно документировать, кроме того, на протяжении длительного времени как для обоих полов, так и для всего жизненного периода [19, p. 43, 227].

Центральное положение опубликованной в 1980 г. Черной книги (Black-Report), фундаментального исследования социально-групповых различий в болезни и продолжительности жизни в Англии и Уэльсе, гласит: хотя темпы смертности в течение многих лет непрерывно снижаются для обоих полов во всех социальных слоях на всем протяжении жизни, но для мужчин и женщин профессионального слоя V (неквалифицированные) риск умереть до достижения пенсионного возраста в 2,5 раза выше, чем для людей профессии I (самостоятельные, с высшим образованием). В 1971 г. продолжительность жизни родившихся в семье служащего высшего профессионального слоя была на 7 лет дольше, чем родившихся в семье служащего нижнего профессионального слоя. Это означает, что продолжительность жизни нижнего профессионального слоя оказывается примерно на 10 % короче [24, p. 1].

В изданной Маргарет Уайтхед в 1987 г. книге «Разделенное здоровье» (Health Divide) [19, p. 227] в продолжение анализа тенденций в ее предшественнице Черной книге документируется, что хотя в основном темпы смертности в Великобритании между 1971 и 1983 гг. в отдельных профессиональных группах снижаются (особенно отчетливо в верхней), разрыв между верхним (I и II) и нижним (IV и V) профессиональными слоями углубляется. Темпы смертности в верхних статусных группах падают в этом периоде как для мужчин, так и женщин в возрасте от 20 до 64 лет сильнее, чем в нижних статусных группах [16, p. 275, табл. 1; 19, p. 230].

Еще в 1984 г. стандартная норма мертвых рождений и детской смертности (у детей до одного года) в Англии и Уэльсе в слое V удвоилась, так же как и в слое профессии I [19, p. 229, фиг. 1]. Для британских мужчин в возрасте от 20 до 64 лет в 1979 - 1983 гг. темпы смертности в нижнем профессиональном слое примерно остаются в 2,5 раза выше, чем в верхнем слое. Для женщин в возрасте от 20 до 69 лет эти данные несколько меньше [19, p. 229, фиг. 1]. С наступлением стабильности детской смертности этот отчетливый градиент смертности сохраняется преимущественно для мужчин. При этом, хотя он и смягчается с возрастом, принципиально не меняется: у 75-летних и более старых мужчин из слоя профессии V в период 1976 - 1981 гг. возрастная смертность была выше на 50 % в сравнении с их женской половиной в слое I [25; 19, p. 230, фиг. 2].

Растущую дифференциацию в смертности между верхними и нижними статусными профессиональными группами к началу 1980-х гг. можно свести к смерти от рака легких, сердечно-сосудистых болезней и заболеваний сосудов головного мозга, в целом к болезням, которые лежали в основе стратификационных различий уже к началу 1970-х. В качестве возможных причин увеличивающегося разрыва в темпах смертности называются возрастающая безработица в нижних статусных группах, расширяющиеся различия в доходах и пропорционально более сильное сокращение курения в верхней статусной группе [16].

В 10-летнем лонгитюдном исследовании, в котором 17530 лондонских работников

общественных служб мужского пола в возрасте от 40 до 64 лет были исследованы (Whitehall-study) в отношении риска смертности и причин смерти соответственно их служебному положению и разбиты на четыре профессиональные статусные группы: «административная: руководители учреждений; «профессиональная/руководящая»: лица с высшим образованием, менеджеры среднего уровня; «канторская»: простые канцелярские служащие; «другие»: курьеры, неквалифицированные исполнители, оказалась ярко выраженной связь между статусной группой и смертностью. Установленный градиент смертности последовательно и отчетливо растет от высшего уровня занятости («административная») к среднем уровню («профессиональная/руководящая») и «канторская») и далее к самому нижнему («другие»). Представители нижней категории («другие») по сравнению с высшей («административная») имели втрое более высокие темпы смертности [26]. Обнаруженные в Whitehall-study различия в смертности между нижними и верхними профессиональными статусными группами подтверждаются еще больше сходной тенденцией в уже названных различиях между социальными слоями в Великобритании. Этот результат, вероятно, является следствием выявленной большей гомогенности условий жизни и труда внутри каждой профессиональной статусной группы и большей гетерогенности этих условий между ними по отдельности, чем в других национальных исследованиях в Великобритании. Изученная в Whitehall-study популяция состоит исключительно из работников общественных служб, главным образом из одной этнической группы, с одним работодателем, находится в ограниченном географическом пространстве, отличается гарантированной занятостью и не подвергается воздействию никаких физических и химических вредных факторов, которые часто характерны для работы на фабрике. Эти гомогенные признаки всей популяции исследования явно противостоят различиям между четырьмя статусными группами, а именно: размеру заработной платы и удовлетворенности трудом, возможностям влияния на трудовой процесс, качеству служебных связей и уровню активности вне работы [27, р. 155]. Так как гомогенность внутри каждой профессиональной статусной группы и гетерогенность между отдельными статусными группами выступают больше, чем в других исследованиях, Whitehall-популяция особенно пригодна в настоящее время для освещения причин социального неравенства в смертности, а также заболеваемости [28, р. 663].

Прежде всего удивляет непрерывный рост риска смертности от верхней к нижним статусным группам. Это относится не только к представителям нижнего слоя, которые имеют повышенный риск; в каждой более низкой статусной группе явно обнаруживается более высокий риск смертности, чем в предыдущей. Хотя среднестатистические условия жизни средних и высших служащих ни в коем случае нельзя принимать как абсолютно пограничные (относительно размера нагрузок и имеющихся в распоряжении средств преодоления), они, несмотря на высокие темпы смертности, указывают на высших служащих [27, 29, 30].

Аналогичную смертность по социальным слоям обнаружил Леклерк в 1984 г. во Франции. Здесь риск смертности был также высок у неквалифицированных рабочих в возрасте от 35 до 44 лет. Он был вчетверо выше, чем у руководящих служащих и представителей свободных профессий с высшим образованием, причем этот

разрыв между обеими профессиональными группами с возрастом уменьшался: в возрасте между 55 и 64 годами она была лишь вдвое выше [31]. Также как и в Англии, в Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии обнаружилось сходные взаимосвязи между профессиональной позицией и риском смертности [31]. По ФРГ имеется несколько небольших частей старых работ о смертности в связи с социальным строем. В них представлены группы с высокими расходами. Их информативность поэтому ограничена и они подлежат методическим уточнениям [32]. В отличие, например, от Великобритании здесь отсутствуют регулярно собираемые и легко оцениваемые рутинные данные, так как в официальном удостоверении смерти до сих пор не вносятся никакие данные о профессиональном статусе умершего. В исследовании о мужчинах между 30 и 65 годами в Штутгарте (1976-1978) регистрировался зависящий от социального слоя (т.е. профессия и доход) риск смертности. В нижних социальных слоях он явно выше [33]. Авторы видят причины смерти (рак легких, инфаркт, цирроз печени) в зависимости от индивидуального специфически связанного с социальным строем поведения; вредность профессии почти не получает объяснения [33, S. 180]. Похожие результаты присутствуют и в других работах [34, 35].

Убедительное сравнение меры различий смертности между низко и высоко ценимыми профессиональными позициями в различных странах скрывает в себе большие проблемы (например, различный состав профессиональных групп, разное время сбора данных). В одной из работ [31] дается такое требующее осторожной оценки сравнение, в котором констатируются в меньшие различия в смертности между отдельными профессиональными слоями в Англии и Уэльсе, чем во Франции, но большие, чем в Швеции.

В качестве причины для различных проявлений стратификационных градиентов смертности между тремя странами предполагают различия в доходах, так как на нижние 40 % населения выпадает доля от соответствующего национального совокупного дохода во Франции - 17 %, в Великобритании - 18,5 % и в Швеции - 20,5 % [31, p. 374]. Этот результат подкрепляет также важный для реализации эффективных стратегий вмешательства вывод, что уменьшение экономического неравенства могло бы снизить риск смертности нижних профессиональных групп. Наряду с комплексным индикатором социального неравенства анализируемой профессиональной позиции зависящий от него экономический статус воздействует на смертность. В лонгитюдном исследовании в Калифорнии в течение 18 лет были приведены доказательства, что те, кто вначале изучения указывали на более высокие доходы к началу исследования, отличались более высокой продолжительностью жизни. В конце 18-летнего исследования оказалось, что смертность людей с недостаточным доходом вдвое выше, чем у людей с более высоким доходом [36]. Данные по США показали похожие результаты: пробный анализ в 340000 случаев смерти в 1960 г. подтвердил, что в каждой возрастной группе белых мужчин с доходом ниже 2000 долларов норма смертности оказалась приблизительно на 50 % выше, чем у мужчин с более высокими доходами [37; цит. по 38, p. 125].

В ФРГ в 1986 г. в исследовании 1531 случаев смерти подлежащих обязательному страхованию служащих в возрасте от 30 до 59 лет было установлено явное различие в смертности в зависимости от дохода [39]. Во всех 5-летних возрастных группах

вероятность смертности больше зарабатывающих служащих явно меньше служащих с низким доходом. Особенно кричащие различия в смертности проявились между нижней (доход от 27000 до 34000 немецких марок в год) и высшей группой (больше 64000 немецких марок в год) в когорте 35-39-летних (в 5,7 раз более высокая смертность в нижней группе по доходу) и 40-44-летних (в 4,6 раза более высокая смертность в нижней группе по доходу) [39, рис. 6].

Такой часто используемый индикатор социального расслоения, как образовательный уровень (школьное образование), позволяет прогнозировать дифференциацию в смертности. Для различных стран (Дания, Англия, Финляндия, Норвегия, Швеция, Уэльс) установлено, что с возрастающим образовательным уровнем (измеренным в числе законченных учебных лет) продолжительность жизни также поднимается. Это присуще мужчинам. Сходное, но менее консистентное отношение было установлено для женщин [40].

В новейшем исследовании в ФРГ также выявляется связь школьного образования с вероятной продолжительностью жизни [39]. Она базируется на данных социо-экономической панели, в которой ежегодно опрашивались около 10000 мужчин и женщин, начиная с 16 лет, в старых федеральных землях в период 1984-1993 гг. Результаты показывают, что у мужчин без среднего образования продолжительность жизни примерно на 3,3 года меньше, чем у мужчин со средним образованием; у женщин это различие даже составляет 3,9 года.

Теперь темпы смертности и продолжительность жизни меряют только - даже если это драматично - следствием социального неравенства. Далее будет показано, что такая стратификационная зависимость распределения смертности обычно предшествует сохраняющемуся всю жизнь неравенству в распоряжении решающими ресурсами качества жизни, здоровья. Если это доказательство подтверждается, люди в нижних социальных слоях оказываются в положении двойного гандикапа: их жизнь более коротка и ее качество хуже, чем у людей с более высоким социальным статусом. К этому надо добавить, что выявленный масштаб хронического заболевания повышает вероятность досрочной потери трудоспособности со всеми негативными последствиями для качества дальнейшей жизни.

2.2 Социальный слой и заболеваемость

Соматические и психосоматические болезни.

В США почти все соматические болезни концентрируются в слое людей, имеющих плохие социально-экономические условия [37, р. 126, табл. 1]. Указанное состояние относится также в равной степени и к Англии. Центральным источником информации об объеме заболеваний выступает здесь ежегодный отчет «General Household Survey», в котором население разделено на шесть социально-экономических слоев и которые в дальнейшем соответствуют профессиональным статусным группам, приведенным в «Общей регистрационной шкале» («Registrar General's scale»). Темпы заболеваний в отдельных профессионально-статусных группах показывают различное, однако, на протяжении 1980-х гг. остающееся одним и тем же распределение. В группе необразованных доля приписывающих себе «наличие постоянных болезней» («limiting long standing illness») как для мужчин, так и для женщин более чем в вдвое больше, чем в группе с высшим образованием. Для возрастной группы 45-65-летних мужчин стратификационное различие выражено еще ярче. В

то время как в 1984 г. только около 10 % принадлежащих высшему социально-экономическому слою заявили об этой болезни, в низшем же слое - около 40 % [19, р. 233, фиг. 3]. Результат обратного распределения слоев в отношении лиц, сообщающих о своих болезнях, подтверждаются исследованиями в Англии, где применялись объективные методы диагностики [19, р. 235].

В новейшем немецком исследовании сердечно-сосудистых заболеваний (ДНР) в период с 1984 по 1991 г. в рамках различных национальных и региональных опросов было изучено в совокупности 44363 человека. В нем была показана четкая взаимосвязь между социальной принадлежностью слою (3 социальных слоя, созданных с помощью невзвешенного многомерного индекса таких переменных, как образование, приходящийся на семью доход и профессиональное положение) и количеством сердечно-сосудистых заболеваний, полученных при опросе населения в Германии в результате репрезентативной выборки (1985, N=4790) [41]. При этом мужчины низшего слоя имеют в два раза и женщины в три раза больший риск заболевания сердечно-сосудистой системы, нежели соответственно мужчины и женщины высшего слоя. Авторы указывают на то, что при интерпретации этих данных должно быть принято во внимание, что речь идет о субъективных свидетельствах опрошенных, которые не подвергались валидации с помощью объективной диагностики. Отсюда неясно, что в действительности измеряет опрос: восприятие болезни или саму болезнь. Таким образом, например, возможно, что самостоятельные мужчины в силу их самообраза в меньшей мере «признают» болезнь [41, р. 79].

В другом опросе в западных землях ФРГ в рамках ДНР-исследования близких по анамнезу болезней инфаркта и инсульта в возрастной группе 40-69-летних женщин (N=13335) и мужчин (N=12445) на основе пятислойной социальной модели (доход, школьное образование, профессиональный статус) был выявлен очевидный стратификационный градиент. Для обеих болезней и обоих полов в нижних слоях была соответственно установлена большая частота заболеваний, причем в возрастной группе 40-49-летних обнаружился наибольший, а в возрастной группе 60-69-летних наименьший социально стратификационный эффект [42].

Наличие денег как важнейшего ресурса образа жизни наряду с продолжительностью жизни обуславливает здоровье на протяжении всей жизни. Так, в США в 1972 г. люди с доходом менее 3000 долларов имели втрое выше темпы роста сердечных заболеваний, чем люди с доходом более 15000 долларов. Сахарный диабет встречался в 3,5 раза чаще в группе с наименьшим доходом, анемия и артрит встречались при этом в 2,5 раза чаще [цит. по: 37, р. 125].

Данные ДНР для ФРГ подтверждают выявленную взаимосвязь между доходом и заболеваемостью. По оценкам опрошенных, заболеваемость в группах с низким доходом в 1,6-1,8 раза больше, чем в группах с большим доходом [43].

Психические расстройства

В одном из самых, пожалуй, основательных и влиятельных исследований об «истинном» преобладании психических расстройств в XIX столетии, чьи результаты в 1855 г. были представлены врачом и эпидемиологом Эдвардом Джервисом (Jarvis) губернатору и совету Массачусетса, было отмечено, что «классы бедных обнаруживают в численном отношении в 64 раза больше психических заболеваний, чем

независимые классы» [44, p. 52-53; 45, p. 133]. Этот, тогда сенсационный, результат преобладания психических расстройств в самом нижнем социальном слое остался постоянным и в проведенных между 1900 и 1974 гг. более 80 повторных исследованиях об «истинном» доминировании психических расстройств на всех континентах, как в городской, так и в сельской среде [46].

Несмотря на массивную методичную критику этих эпидемиологических исследований, подчеркивается его выразительный «трофей». Согласно ему, существует «ряд тесных взаимосвязей между различными видами психических расстройств и важными социокультурными факторами. Эти связи становятся тем заметнее, когда выявляются повторно в исследованиях, которые приводят к одинаковым результатам в разное время, в разных местах и с помощью разных методов. Эти постоянные связи являются самыми прочными фактами, имеющимися для решения нашей проблемы, и лучшим приближением к «истине», полученной в этих исследованиях о «истинном» преобладании. Таким образом, существует три переменных, которые в такого вида последовательных связях приводят к психическим расстройствам: пол, город/село и социальный слой [45, p. 130].

В отношении интересной здесь социальной стратификационной зависимости психических расстройств получают следующие соотношения:

- наибольшая совокупная доля психических расстройств, исходя из 28?33 исследований, в которых слой служил индикатором, установлена в нижнем социальном слое;

- такая связь проявляется сильнее всего в тех исследованиях, которые были проведены в городской или в смешанной городской и сельской среде (19-20 исследований);

- связь действительна для важнейших субкатегорий: шизофрении (5-7 исследований) и расстройств личности, однако не для неврозов и маниакально-депрессивного психоза [45, p. 133].

Подтверждение проанализированной выше обратной связи между социальным слоем и психическими расстройствами содержится в исследовании «Epidemiologic Catchment Area Surveys» (ECA), которое проводилось в пяти американских общинах (New Haven, Baltimore, St. Louis, Piedmont, Los Angeles) на основе случайной выборки из 18000 человек [47]. Социально-экономический статус (СЭС) одного человека измерялся с помощью многомерного индекса, базирующегося на уровне образования, профессиональной позиции и семейном доходе.

Особенно необходимо отметить два основных положения из данных ECA:

1. Отношение между СЭС и выявляемой в течение шести месяцев действительной преобладающей доли психических заболеваний нелинейно, хотя в ECA-исследовании, также как и в других, более ранних исследованиях установлено увеличение риска расстройств с понижением социального слоя, но в самом нижнем социальном слое случаи психических расстройств накапливаются сверхпропорционально. Если установить оцениваемый относительный риск (при контроле пола и возраста) в высшей СЭС-категории равным 1,0 (базис), то для низшей СЭС-категории (в четырех СЭС-категориях) риск получить психические расстройства (без фобий и когнитивных расстройств) почти в три (2,86) раза выше [47, табл. 3].

2. Теснота взаимосвязи между СЭС и преобладанием психических расстройств четко варьируется относительно типа психических расстройств: в сравнении с

верхним социальным слоем у представителей нижнего социального слоя обнаруживается повышенный риск заболеваний следующими болезнями:

- депрессия («major depression») - в два раза больший риск заболевания;
- шизофрения - в 7,85 раза больший риск;
- когнитивные расстройства («cognitive impairment») - в 21,15 больший риск.

Все результаты дают оценку относительного риска с учетом возраста и пола.

3. Традиционная интерпретация имеющихся взаимосвязей

Хотя последовательный рост соматических/психосоматических болезней и психических расстройств с ухудшением социально-экономического и социально-культурного положения рассматривается как достаточно надежный результат социальной эпидемиологии (ср.: раздел 2), это утверждение все больше находит подтверждения с подозрением, что здесь речь идет об искусственном продукте исследования (артефакте), т.е. основанном не на прочных эмпирических фактах, а полученном из-за ошибки в исследовательском процессе.

В центре дискуссии остается причинная интерпретация представленной взаимосвязи. Вопрос в том, следует ли рассматривать обратную взаимосвязь между положением в общественной структуре неравенства - приблизительно разделяемой на слои - и различными формами соматических заболеваний и психических расстройств как социально обусловленный процесс, как социально-селективный процесс (дрейф-гипотеза) или как комбинацию обоих. Гипотеза социальной селекции, или «дрейфа», предполагает, что болезни или психические расстройства вызывают внутриспоколенческое снижение мобильности и препятствуют внутриспоколенческому росту мобильности и, как следствие, приводят к понижению социального статуса. С этой гипотезой о психических расстройствах тесно связано предположение об их генетической обусловленности. Напротив, гипотеза социальной причинности состоит в том, что различные объективные условия жизни, которые описываются с помощью конструкта-слоя, влияют на предрасположенность к заболеваниям и продолжительность жизни.

В рамках этого подхода можно выделить два варианта:

- культурно-поведенческий подход;
- социально-структурный подход.

3.1. Артефакт

«Артефакт-объяснения» основываются на той возможности, что эмпирически доказанная взаимосвязь между слоем и смертностью/заболеваемостью является результатом неточной операционализации и неточного эмпирического учета независимой (социальный слой) и зависимой (заболеваемость/продолжительность жизни) переменных.

При исчислении темпов смертности или заболеваемости для отдельных социальных слоев в качестве числителя берутся зарегистрированные в каждом слое в единицу времени случаи заболеваний или смертей (зависимая переменная) и противопоставляются всей популяции слоя (в качестве независимой переменной: знаменатель).

Отнесение умерших к определенному слою в Англии и Уэльсе основывается преимущественно на работе, выполняемой ими ранее, и которая устанавливается путем опроса супруга или близких родственников. Эти данные могут быть невер-

ными в связи с тем, что живущие приписывают умершим более высокий профессиональный статус, чем они фактически достигли [22]. Такая практика может искажать различия в смертности среди различных классов.

Большое значение для «артефакт-дискуссии» имеет также различная концептуализация и, тем самым, ограниченная сравнимость независимых переменных (социальный слой). Это обсуждено нами достаточно подробно в публикациях [23, 48, 49]. Другая «проблема подсчета» заключается в валидном охвате причин смерти. В ФРГ по данным Сандриттера и Штэндингера (газета «Frankfurter Rundschau» от 18 августа 1990 г.) расхождение между засвидетельствованными и фактическими причинами смерти составляет почти 40 % всех зарегистрированных случаев смерти. Болезни сердечно-сосудистой системы в качестве причин смерти регистрировались на 21% чаще, чем это соответствовало фактам в результате вскрытия. При заболеваниях раком, наоборот, в качестве причины смерти в 7,5% случаев приписывалась другая болезнь, хотя именно опухоль по достоверным сведениям приводила к смерти.

Самым серьезным барьером для социально-эпидемиологического исследования неравенства представляется, однако, проблема полного учета всех соматических и психосоматических случаев болезни, включая их точный диагноз в ограниченной популяции. Эта проблема может быть продемонстрирована на примере психических заболеваний. Включение в исследование только лечащихся у психиатров или в клиниках пациентов одного региона, как это происходило во многих социально-эпидемиологических исследованиях и происходит до сих пор (диагностируемое преобладание или проверяемые случаи), не дает исчерпывающего разъяснения о частоте и разделении фактического числа психических расстройств (истинное преобладание или правдивые случаи) в отдельном социальном слое и тем самым об их этиологическом значении в дискутируемом разделении. Следовательно, нельзя исходить из того, что все люди с психическими расстройствами в одном обследуемом регионе находятся на психиатрическом лечении, если таковое имеется в исследуемом регионе. Социально-эпидемиологические исследования, которые основываются исключительно на исследовании лечащихся лиц, представляют вводящую в заблуждение картину вида и распределения психопатологических феноменов [1, 45].

В полевых исследованиях, в основе которых, как правило, лежат репрезентативно отобранные популяции из определенных регионов, часто бывают мало представлены лечащиеся в клиниках индивиды [50, р. 79], или они с самого начала исключаются из этих исследований [51, р. 46]. Как следствие этой селекции, остаются плохо представленными психические расстройства, которые, как шизофрения и расстройство личности, лечатся преобладающе при закрытых дверях.

Вторая и наиболее известная (или также часто вытесняемая) проблема при исследовании взаимосвязи социального неравенства и психических расстройств, основывается на том факте, что еще не достигнуто согласия ни на национальном, а тем более на интернациональном уровне в том, что следует понимать под психическим расстройством и как большое число подведенных под эту категорию случаев однозначно классифицировать, а также валидно и реалистично диагностировать. К этому можно добавить, что многие психические расстройства кратковременны и

этому временному аспекту в эпидемиологических исследованиях едва придается значение [52, p. 14]. Правда следует отметить усилия отделения психического здоровья Всемирной организации здравоохранения в последние три десятилетия по улучшению классификации и диагностики психических расстройств, что нашло актуальное выражение в психиатрической части «Международной классификации болезней» («International Classification of Diseases», ICD-10, 1991). Эта новейшая попытка унификации конкурирующих национальных способов психиатрической категоризации и диагностики без сомнения может существенно способствовать повышению валидности и надежности психического диагноза и, тем самым, большей сравнимости дальнейших исследований, исходя из того, что фактическая ориентация направлена на это предложение.

В североамериканских исследованиях преобладает применение программы «Руководство по диагностике и статистике ментальных нарушений» («Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders», кратко: DSM-III, American Psychiatric Association 1980). Сравнимость основанных на этой классификационной системе результатов с ориентированными на ICD исследованиями очень сильно ограничена. Так, например, применение DSM-III -критериев для депрессии («major depression») в новейших североамериканских исследованиях привела к заметно более высоким оценкам преобладания этой болезни у самых старых мужчин, чем в европейских исследованиях, которые ориентируются на ICD [50, p. 84].

Насколько доминировали раньше различные национальные, групповые или даже индивидуальные стандарты классификации и методы диагностики психических расстройств и как они приводили к несравнимым результатам, показывает уже упомянутый повторный анализ в 80-ти проведенных с начала этого века исследованиях «истинного» преобладания психических расстройств (число имеющихся случаев независимо от длительности расстройства) [46]. Совокупный рост учтенных в исследованиях (речь в сущности идет о перекрестном анализе) по регионам функциональных психических расстройств находились между 0,4 и 69%. Это - расстройства без доказанного органического базиса, такие как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, неврозы и расстройства личности, которые становятся заметны в асоциальном поведении [45, табл. 1, S. 128].

Вне всякого сомнения за эти весомые расхождения в первую очередь ответственны различные методы сбора данных (например, экспертный опрос или исследование документов, прямой опрос) и, прежде всего, уже обсужденные различные критерии при идентификации случаев [45, p. 130; 53, S. 4]. Таким образом, в немалой степени подкрепляется «артефакт-упрек».

Если точнее проанализировать презентуемые Доренуэндом данные, то часть чрезвычайно большого разброса вариантов совокупной нормы психических расстройств может быть обусловлена различными трудностями условий жизни в отдельных регионах и разные периоды исследования. За эту интерпретацию выступают как высокая медиана психических расстройств в развитых странах (прежде всего в Северной Америке и Европе) в сравнении со слаборазвитыми странами (прежде всего в Азии), так и сплошь высокая медиана в городских по сравнению с сельскими регионами.

Но и явная низкая средняя оценка психиатрических случаев в исследованиях,

опубликованных до и после 1950 г., позволяет справедливо предположить, что в ходе общественного процесса модернизации смена образа жизни привела к расширению психических расстройств. Для Доренуэнда такая интерпретация, которая абсолютно совместима с представленными им данными, основывается «скорее на перспективном искажении (что все это могло бы значить, - Г. Ш.), ... чем на твердых фактах» [45, р. 126]. Тем самым он опрометчиво отказывается от предпочитаемого им образца интерпретации.

Другой аргумент в пользу «артефакт-упрека» вытекает из факта, что социальная дистанция и барьеры в коммуникации между психиатрами и пациентами нижних слоев могут приводить к тому, что симптомы и поведение этих пациентов ложно интерпретируются. Следствием такого искажающего процесса восприятия может стать частая непомерная задача ярлыка «психотического» пациентам нижнего слоя, в то время как у представителей верхнего слоя констатируются значительно менее тяжелые расстройства (неврозы) [54].

3.2. Природная и социальная селекция (дрейф-гипотеза)

Доказательство стратификационной обусловленности случаев смертности и заболеваемости осложняется эффектом селекции или дрейфа. Связь между нижним социально-экономическим статусом и высокой нормой соматических болезней и психических расстройств может быть, главным образом, результатом природного процесса селекции: люди с неблагоприятными наследственными предрасположенностями «дрейфуют» в нижние социальные слои (рис. 1,а) [54].

Социальные стратификационные различия в здоровье и продолжительности жизни могут быть рассмотрены, однако, и как результат социального продвижения здоровых или как социальное падение больных. Доказательство этого предположения означало бы, что в определенной мере неравенство в отношении здоровья и продолжительности жизни следовало бы приписывать напрямую не социально-экономическим и социально-культурным условиям, варьирующим социально, соответствующих времени исследования, а наоборот, социальное положение можно было бы интерпретировать как результат состояния здоровья. Влияние индивидуального состояния здоровья на процесс внутр поколенческой нисходящей мобильности (очень упрощенно) может происходить двояко. В первом

случае продолжительная соматическая или психическая болезнь, перенесенная человеком в более раннем периоде профессиональной деятельности, оказывает негативное влияние на дальнейшую профессиональную карьеру (ср.: рис. 1, вариант б, 1). В другом, ухудшенное состояние здоровья в относительно молодые годы перед вступлением в рынок труда может осложнить получение необходимой квалификации в школе и, соответственно, воспрепятствовать в дальнейшем приобретению более престижной профессиональной позиции (ср.: рис. 1, вариант б, 1). В обоих случаях вывод был бы таков, что к моменту изучения сложившиеся специфические ограничения мало квалифицированного труда (например, низкий доход, малый престиж, необеспеченность рабочего места, тяжелый и/или монотонный физический труд) не оправданы плохим состоянием здоровья представителей нижних социальных слоев. Также, обратная взаимосвязь между социальным слоем и смертностью - основополагающая на прежде выполняемой и задокументированной в свидетельстве о смерти профессии - могла бы основываться на, обусловленном болезнью, профессиональном социальном нисхождении в дальнейшей профессиональной жизни [24, р. 4].

Эффект представленного в рис. 1 процесса состоит том, что повреждение здоровья не (или не в первую очередь) происходит не в профессиональных позициях, представленных в социальной классификации - при высоком латентном периоде многих болезней - причинно должно приписываться отягчающему влиянию социального контекста (семье, работе к началу карьеры), которые структурируют ранние периоды биографии.

Лишается ли силы согласно этим рассуждениям вывод о социально-структурной обусловленности болезни и смерти? Только анализ выборочных эмпирических исследований, которые посвящены проверке дрейф-гипотезы, позволяет определить вклад, который дает обусловленная болезнью нисходящая мобильность в неоспоримый факт концентрации болезни и меньшей продолжительности жизни в нижних социальных слоях.

В подытоживающем, основательном анализе работ [25, 55, 56], в которых совместно эмпирически проверялась дрейф-гипотеза, Уилкинсон [25] приходит к выводу, что болезнь, ни в детстве, ни в более поздней жизни не имеет достаточного влияния на социальную мобильность.

Также и небольшое число случаев, связанных с перемещением между слоями, свидетельствует, что социальный процесс селекции не ответственен (например, в Англии) за большой разрыв в долях смертности между верхними и нижними статусными группами [25, р. 16; 57, р. 174]. «Социальная мобильность, без сомнения, существует, и здоровье может играть определенную роль в процессе селективной социальной мобильности, но его эффект является недостаточным, чтобы объяснить социальные различия в смертности взрослого населения» [3, р. 131].

3.3. Социальный слой и поведение риска: культурно-поведенческий подход

Разрыв между устойчивыми в пространстве и времени темпами заболеваемости и смертности между верхним и нижним социальными слоями часто объясняется концентрацией в нижнем слое вредных для здоровья способов поведения: курения, неправильного питания, алкоголизма и недостатка движения. Фактически же можно доказать четкие, релевантные здоровью, различия в поведении между

социальными слоями.

В 1972 г. в Англии число курящих мужчин, относящихся к верхнему слою (с высшим образованием/свободные профессии), составляло 33%, а к 1984 г. их число снизилось до 17%. Напротив, число курящих среди мужчин, относящихся к нижнему социальному слою (необразованные рабочие), снизилось с 64% (1972 г.) только до 49% (1984 г.). Для курящих женщин приводятся соответствующие оценки. В верхнем слое число курящих снизилось с 33% (1972 г.) до 15% (1984 г.), в нижнем слое с 42% (1972 г.) до 36% (1984 г.) [19, р. 290, табл. 11].

В ФРГ больше всего курят безработные и рабочие, а менее всего люди с высшим образованием. Если обратить внимание на частоту курения, то различия между профессиональными группами выглядят еще более драматичными [58, S. 40]. По результатам уже упомянутого ДНР-исследования в ФРГ оказалось (1985 г.), что мужчины нижнего слоя курят в два раза больше, чем мужчины высшего слоя. Для женщины зависимость между курением и принадлежностью слою выражена не настолько ясно [41, S. 73]. В сравнении с 8% в верхнем социальном слое потребление алкоголя составляло в 1984 г. в Англии среди мужчин нижнего социального слоя 26% [19, р. 292].

В проспективном когортном исследовании MONICA в Аугсбурге на базе случайной выборки изучалось влияние образования и профессии на изменения с 1984 по 1988 годы в поведении риска [59]. Первый отрезок (1984/85 гг.) исследования показывает, что стандартизированная по возрасту процентная доля курящих женщин и мужчин в категории с высшим образованием была наименьшей и в течение трех лет еще больше снизилась особенно для мужчин. Так, число курящих среди лучше образованных мужчин в этот период снизилось на 7,4% (с 28,7 до 21,3%), в то время как в группе с низким образованием только на 3% (с 41 до 38%). Принимая во внимание эти результаты, необходимо критически заметить, что в исследовании не проводилось дифференциации между регулярным курением и курением от случая к случаю.

Мало образованные мужчины употребляют также больше алкоголя (1984/85 - 38,3 г/день, 1987/88 - 34,4 г/день), чем лучше образованные (1984/85:30,8 г/день, 1987/88:26,9 г/день), в то время как эта взаимосвязь для женщин - только с менее ярко выраженной тенденцией снижения - выглядит наоборот.

Для дальнейшей дискуссии результат этого исследования является особенно показательным. Независимо от статуса профессии проявляется влияние специфики профессии на поведение риска. Так, независимо от образования и возраста, мужчины служащие и мужчины, занятые в сельском хозяйстве, составляли наименьшее число курящих, рабочие же и руководящие работники - наибольшее. Этот результат можно интерпретировать как указание на то, что при причинном объяснении различного поведения риска необходимо анализировать точнее связанные с профессией нагрузки, на которые реагируют повышенным потреблением алкоголя и курением.

Группы с наименьшим доходом в Англии потребляют больше белого хлеба, сахара и жиров, чем группы с наивысшим доходом [19, р. 294, табл. 13]. В ФРГ риск иметь излишний вес повышается с понижением социального слоя. Это характерно как для мужчин, так и для женщин, причем для женщин различия выражены более

ярко [41, S. 56]. Эта тенденция характерна также и в отношении физической тренировки (бег, плавание). В Англии доля физически активных верхних социальных слоев больше, чем нижних [19, p. 294, табл. 14].

Относительный риск недостатка движения в ФРГ значительно дифференцируется по слоям. Для нижнего слоя он приблизительно в 6 раз выше, чем для верхнего [41, S. 66].

Индивидуальные области поведения - движение, питание, потребление предметов роскоши находятся во взаимосвязи с физиологическими параметрами, такими как давление, количество жира и сахара в крови, избыточный вес, которые при превышении определенного уровня характеризуются факторами риска многих современных хронических заболеваний (прежде всего болезней сердечно-сосудистой системы, рака, диабета, ревматизма). Эта установленная взаимосвязь принадлежит к наиболее документированным и доказательным результатам современной поведенческой медицины [41, S. 34]. Для сердечно-сосудистой системы результаты представлены на рис. 2.

Рис. 2. Медицинская поведенческая модель сердечно-сосудистых заболеваний (развернутая биомедицинская или индивидуальная модель-система)

Поведенческая медицина предпринимает, таким образом, попытку связать традиционную биомедицину и науки о поведении с одной целью: путем обращения к ответственности каждого человека за свой стиль жизни преодолеть относительную беспомощность традиционной биомедицины в лечении хронических болезней и снизить большую стоимость лечебных медицинских учреждений, ориентированных на биомедицинскую парадигму [60, S. 76].

Бесспорно то, что индивидуальный стиль жизни оказывает влияние на здоровье. Однако если критически рассмотреть поведенческий подход в объяснении стратификационных различий в связи со смертностью и заболеваемостью, то можно назвать, по крайней мере, три аргумента, которые существенно снижают его эвристичность.

1. Если только поведение или стиль жизни ответственны за неравенство в здоровье и продолжительности жизни, то можно было бы ожидать, что различия между социальными слоями можно объяснить исключительно болезнями, на которые

оказывает влияние данный стиль поведения (болезни сердечно-сосудистой системы и рак легких). Но в разделе 2 приводятся доказательства, что почти для всех соматических болезней, психических расстройств и причин смерти существуют значительные различия в зависимости от слоя. Прежде всего, подход, исходящий из факторов риска, является не релевантным для объяснения стратификационного разделения психических расстройств.

2. Социологическая критика направляет свое внимание на то, что модель факторов риска - не оспаривая ее влияние на объяснение развития болезней сердечно-сосудистой системы - вырывает индивидуальное поведение риска из его материального, социального, культурного контекста [27, S. 156], маркирует это поведение как отклоняющееся поведение, являющееся виной субъекта, и стигматизирует этого субъекта как носителя риска [61, S. 131; 62, S. 18]. Клаус Хорн указывал на то, что «поведение риска» должно интерпретироваться на основе смысловых структур, стоящих за поведением, в котором можно было бы попытаться достичь компромисса между субъективными интересами, потребностями, ресурсами и противоречивыми требованиями общества [63]. «Цивилизаторское, культурно-историческое и географическое значение риска для здоровья, стигматизируемого медициной как опасного, затемняется точно также, как и выгоды такого поведения для субъективного самочувствия» [61, S. 133].

О. Левис в своей работе «Культура бедности» с точки зрения культурантропологии убедительно доказывает [64], что человеческое существование всегда представляет собой биологический и социальный процесс приспособления к определенному окружению, в котором сознание и поведение определяются основными ценностями и нормами. Этой «культуре» свойственна относительно устойчивая инерция, которая помогает человеку понять его окружение, бороться с ним и преодолевать его. Несмотря на то, что «материальный базис», на основе которого была выработана культурная мыслительная и поведенческая система, начинает изменяться, однажды выработанная культурная система может и дальше влиять на характер действий [19]. С этой точки зрения становится понятно, почему культурно выработанные, переданные через поколения, вредящие здоровью способы поведения с трудом поддаются изменению через переобучение и разъяснение.

Упорство, с которым вопреки всем просветительским попыткам воспроизводятся вредящие здоровью способы поведения, Шойх объясняет тем, что такое поведение не выбирается самим субъектом, а является составной частью образа жизни, который опять-таки вплетен в сеть повседневных обязанностей [65, S. 4]. К ним можно причислить особенно тяжелые, вызывающие стресс условия работы, приспособление к которым часто провоцирует курение, потребление алкоголя и др. Стратегия вмешательства, нацеленная лишь на изменение таких способов поведения, пытается воздействовать только на симптомы. Их причину, организацию профессионального труда, она не затрагивает [66].

Бадур, полагает, что многочисленные формы так называемого «самодеструктивного» действия можно представить как выражение недостаточных возможностей человеческого выражения чувств, которые возникают в результате дефицита человеческих контактов [67].

Если серьезно рассматривать этот аргумент, то программы профилактики (напри-

мер, разъяснение вреда неправильного поведения) и вмешательства (например, медикаментозная профилактика гипертонии и гиперлипидемии), исходящие из логики факторной модели риска, которые в свою очередь являются проблематичными и мало эффективными, можно дополнить структурными изменениями депривующих условий жизни. Они являются причинами нужды, чувств отчуждения и отворачивания, которые приводят снова и снова к вредному для здоровья потреблению определенной пищи, сигарет и алкоголя, наркотиков и медикаментов [67, S. 70]. Другими словами, приписываемая индивиду вина за его поведение на деле преимущественно обуславливается структурными, экономическими, культурными и социальными условиями, а именно, наличием денег, знаний и возможности выбора профессии, включая ее безопасность. Выяснить, как это структурированное социальное неравенство влияет на параметры поведения, стало насущной задачей исследования общественного здоровья (Public-Health-Forschung) [26, p. 1006].

Форсируемая и практикуемая поведенческой медициной концепция профилактики, ориентированной на стиль жизни, действует «как усилитель поляризации (социального неравенства. - Г. Ш.), и доминирующая концепция стиля жизни соотносится парадоксальным образом с возрастающим социальным неравенством в заболеваемости и смертности. Индивидуальные шансы реализации здорового поведения тогда больше, когда жизненная ситуация и без того способствует здоровью. Частью неплохие, но, несомненно, неравные в социальном плане следствия этой стратегии основываются на том, что индивиды могут лучше использовать - социально неравное в обратном отношении к социальному распределению болезней - находящиеся в их распоряжении ресурсы поведения» [68, S. 115].

3. Весомые возражения против распространенной в поведенческой медицине склонности объяснять различия между слоями исключительно или в значительной мере концентрацией среди людей данного слоя вредных здоровью способов поведения (курение, недостаток движения, неправильное питание, алкоголизм) и частично вызванных этим рискованных состояний организма (повышенное содержание холестерина, гипертония, избыточный вес, диабет) выдвинуты со стороны социально-эпидемиологических исследований.

Согласно сенсационным данным лондонского Whitehall-исследования оказалось, что при контроле традиционных факторов риска (возраст, курение, систолическое кровяное давление, холестерол плазмы, сахар в крови, размеры тела) связанный с профессиональным статусом риск умереть от заболеваний сердечно-сосудистой системы становится меньше лишь на четверть [26, p. 1004, табл. 5]. Занятия спортом в свободное время, которые среди представителей нижних слоев по их собственному свидетельству очень редки, мало влияют на этот результат [26, p. 1004].

Результаты исследования Хольма в Осло подтверждают вывод о том, что социально-экономические показатели точнее объясняют причины смерти от болезней сердечно-сосудистой системы, чем в факторы риска, которые в целом контролируются [69].

Лонгитюдное исследование 1982 г. в восточной Финляндии указывает на характерную взаимосвязь между причиной смерти от сердечно-сосудистых болезней и стратификационными индикаторами низкого образовательного статуса (относи-

тельный риск 2,1, $p > 0,05$) и низким доходом (относительный риск 1,7, $p > 0,05$) при контроле таких факторов риска, как возраст, холестерол, курение и кровяное давление [70].

Также уже упомянутое немецкое профилактическое исследование сердечно-сосудистой системы (DHR) подтвердило результаты выше названного исследования в Западной и Северной Европе. Независимо от уже известных кардиологических факторов риска: возраста, курения, кровяного давления, повышенного содержания холестерина и избыточного веса значительное влияние на возникновение сердечно-сосудистых заболеваний имеют специфичные для социального слоя условия жизни и работы [42].

Представленные исследования рака легких подтверждают также, что стратификационный градиент этой болезни не объясняется полностью повышенным потреблением сигарет в низких социальных слоях. Результаты третьего общенационального исследования рака в США [15] и исследования в графстве Вашингтон [71] показывают, что при контроле основного фактора риска, курения, все же существует стратификационный градиент для рака легких [15, p. 13].

Теоретические рефлексии и эмпирические результаты оценки объяснительной силы поведенческого подхода показывают его недостаточность, чтобы справиться с обременительным фактом массивного социального неравенства в болезнях и продолжительности жизни. Его предпочтение в поведенческой медицине находится в явном противоречии с его объясняющей силой, как для хронических болезней (прежде всего сердечно-сосудистые болезни, рак, ревматизм), которые составляют свыше трех четвертей случаев заболеваний и смерти, так и для социально неравного распределения этих болезней. Поведенческий подход способствует «нагоняю жертве» [57, S. 175], в котором вредящее здоровью поведение рассматривается как решение автономного субъекта. Последний может выбрать здоровый образ жизни, но добровольно решается на рискованный стиль жизни. На структурную детерминацию вызывающих стресс условий, находящихся практически вне влияния индивида, в этом подходе внимание не обращается.

Политика в области здравоохранения, которая сосредоточивается исключительно на изменении индивидуального стиля жизни, не эффективна не только потому, что вредящее здоровью поведение в действительности детерминировано социальной структурой, но и потому, что влияние стиля жизни на изменение здоровья зачастую переоценивается [72, p. 243].

4. Многоуровневая модель объяснения неравенства в болезнях и продолжительности жизни

Продемонстрированный дефицит поведенческого подхода позволяет остановить свой взгляд на модели, которая успешно справляется с объяснением комплексной причинной цепи: от места в системе социального неравенства (макроуровень) до уровня индивидуальной болезни или продолжительности жизни (индивидуальный уровень).

В такой модели прежде всего находит отражение социальный контекст, в котором разыгрывается повседневная жизнь людей (мезоуровень: социальный контекст занятости и воспроизводства в семье или в партнерстве) и который выполняет центральную функцию трансмиссии в ходе связывания социоструктурно сложив-

шихся неравных жизненных позиций и индивидуальной болезни/продолжительности жизни. Социально-эпидемиологическое исследование с начала 1970-х гг. настойчиво стремилось к идентификации и концептуализации релевантных здоровью нагрузок и ресурсов в семейном и профессиональном жизненных контекстах. Но эта концентрация на непосредственном жизненном мире человека (мезоуровень) явно привела к отходу от социоструктурных условий (макроуровень), влияющих на него. Этот редукционизм многократно, но безрезультатно подвергался критике [73-75].

При анализе обременяющих условий и ресурсного потенциала на мезоуровне наиболее важно достичь интегративной увязки обоих этих измерений. Поскольку именно она дает перспективу справиться с комплексностью жизненного мира людей.

Но баланса нагрузок и социальных ресурсов в поведенческом контексте личности еще не достаточно, чтобы из их конфигурации выводить валидные высказывания об их возможном патогенном или оздоровительном эффекте. Необходимы включение лица в причинную модель и ответ на вопрос, какие персональные ресурсы могут быть мобилизованы и какие интрапсихические и интрафизические процессы происходят при конфронтации с ситуативными нагрузками. В социально-эпидемиологическом исследовании неравенства обычно этому уровню анализа не придается почти никакого значения или придается лишь побочное значение. Почти всегда оно ориентируется на бихевиористскую картину человека, которая выражается в модели механической причинности, где человеческие «реакции» трактуются как результат определенной констелляции раздражений: человек рассматривается как пассивный получатель стимулов.

Во всех новейших психологических концепциях нагрузок восприятие и оценка насущной ситуации соответствующим индивидом рассматривается как существенная для стрессового случая в отличие от находящихся во власти от этой парадигмы биолого-физиологического исследования стресса (прежде всего Кэннон и Селье), где реакции стресса идентифицируются в качестве универсальных, неспецифических реакций приспособления.

В разработанной Лацарусом и его сотрудниками концепции нагрузок под стрессом и его преодолением понимаются трансактный процесс, т.е. как актуальная динамическая структура взаимоотношений индивида и ситуации, так и изменения этого обмена во времени [76]. Согласно этой концепции, психический стресс и тем самым опасность ухудшения здоровья возникает тогда, когда происходит специфическая констелляция в трансакции между индивидом и окружающей средой: на основе когнитивного процесса оценки индивида воспринимает омрачающую его эмоциональное состояние диспропорцию между требованиями среды и находящимися в его распоряжении силой противостояния (ресурсами) [77, р. 19].

События, отягощенные когнитивными оценками в процессе руководства действиями, по модели Лацаруса, имеют «субстанциональное воздействие на физические процессы...» [76, р. 207]. На этом уровне модели требуется лишь уточненные сведения о том, как это отягощающее несоответствие между требованиями среды и силами преодоления нарушает нормальные функциональные взаимосвязи между гормональным обменом, нервной и иммунной системами, вследствие чего

появляются специфические болезни. Только недавно появившаяся «психо-нейро-иммунология» пытается исследовать эти взаимосвязи.

Отсюда вытекает, что важнейшие члены в причинной цепи от положения в системе социального неравенства до индивидуальной болезни и продолжительности жизни размещаются на различных уровнях социальной реальности, которые могут быть расставлены в иерархичной многоуровневой модели. В такой модели, которая предлагается в рис. 3, более высокий уровень определяет релевантные условия для других уровней. Многоуровневый анализ является, следовательно, формой мульти-вариантного способа рассмотрения социальных феноменов, которая направлена на увязывание данных различных уровней социальной реальности с объяснением индивидуальных и коллективных социальных фактов. Такая многоуровневая модель нашла свое плодотворное применение, прежде всего, в социально-структурном исследовании социализации [78-82]. На высшем уровне анализа (макро-уровень) фиксируются измерения социального неравенства, из которого вытекают неравные условия жизни и жизненные шансы. Средний уровень анализа (мезоуровень) охватывает конкретные жизненные обстоятельства, в которых проявляется действие структурно опосредованных неодинаковых нагрузок и ресурсов. На нижнем уровне (микроуровень) тематизируется процесс борьбы индивида с нагрузками и ресурсами и устанавливаются последствия неудавшегося процесса преодоления для индивидуального самочувствия, причём здесь анализируется в комплексе взаимная игра между физическими и соматическими процессами.

4.1. Психологические нагрузки и социальный слой

Во многих исследовательских работах установлено, что люди, представители нижних социальных слоев живут в более токсичной, менее гигиеничной и более опасной среде (жилище и место работы), следствием чего является целый букет заболеваний.

Возрастающее значение, однако, приписывается также психо-социальным нагрузкам, не только в качестве объяснения взаимосвязи повышенной нервной активнос-

ти и заболеваний сердца, но также для объяснения стратификационного градиента этих и других заболеваний [28; 83, p. 16].

Однако, психологическая предметная область, описываемая с помощью понятия психо-социальной нагрузки, является не достаточно ясной. Эта концептуальная неотчетливость в исследовательских намерениях оказывается огромной проблемой [84, S. 47]. Исследование нагрузок фокусировалось до сих пор на двух аналитически различаемых формах внешних требований с потенциальнымотягчающим действием: критические события жизни («major events») и повседневные нагрузки («daily hassles», «minor life events»). Под критическими событиями жизни понимаются жизненные события, которые «возникают в связи с изменением социальной ситуации и требуют от человека соответствующей адаптации. Так как эти события представляют собой разрушение привычных способов действий и требуют изменения или упразднения имевшихся образцов поведения, принципиально они могут рассматриваться как «стрессообразующие»... [85, S. 23].

Изучение критических событий жизни, которое развилось в последние 25 лет в самостоятельное направление исследования, было стимулировано главным вопросом социозидемиологии о социальных условиях развития и перехода в хроническую форму психических расстройств. Исследование критических событий жизни стало модным направлением внутри исследований нагрузок, благодаря клинко-психологической и гериатрической постановке вопроса. При этом накопленный в течение определенного времени опыт был поставлен в связь с критериями физических болезней и психических расстройств.

Множество исследований подтверждают взаимосвязь с критическими событиями жизни таких психических расстройств, как депрессия, острая шизофрения, неврозы [86-90]. для соматических или психосоматических заболеваний сердечно-сосудистой системы или рака эмпирически очевидны неблагоприятное влияние событий жизни [86; 88; 90]. При этом предполагается относительно неспецифическое действие событий жизни на различные заболевания, причем как физические болезни, так и психические расстройства интерпретируются как возможные реакции на одинаковые нагрузки.

При этом оцениваемая дисперсия случаев заболеваний, возникающих в результате определенных жизненных событий, достигает от 1% [52, p. 142; 91, S. 142] до максимум 9% [90, p. 149]. В качестве реакции на возрастающую методическую и содержательную критику исследований событий жизни с конца 1970-х гг. обратили на себя внимание повседневные нагрузки в сфере партнерских отношений, в семье, на работе и т. д., которые до сих пор в из-за первоначальной концентрации на исследованиях критических событий жизни оставались в тени. Основная мысль этого исследовательского направления, концептуализирующего повседневные нагрузки на *длительные нагрузки* («chronic strains», «persistent life strains», «role-strains») и *небольшие повседневные нагрузки* («daily hassles», «minor life events») состоит в том, что эти нагрузки способствуют объяснению физических или психических расстройств по меньшей мере или даже больше в качестве «необычных проблем падения исключительных людей в редкие ситуации [92, p. 3].

Важно помнить также, что критические события жизни могут переходить даже в хронические повседневные нагрузки. Так, например, потеря работы или смерть

партнера является менее последовательным событием, чем, напротив изменения жизни, которое с большой вероятностью повышает уровень повседневной нагрузки.

Основой для регистрации повседневных нагрузок, определяемых как эпизоды, вызывающие стресс, в смысле транзактной концепции Лазаруса, является опробованный группой Лазаруса опросник, состоящий из 177 пунктов. Шкала охватывает широкую палитру повседневных трудностей и событий из различных сфер: работа/профессия, семья, дружба и здоровье, причем в центре находится их субъективная оценка [91, S. 143].

В ряде эмпирических исследованиях [93; 94] с учетом повседневных нагрузок был найден стабильный индикатор стресса. В отношении интересующей взаимосвязи между трудностями и критериями психического самочувствия получены корреляции между агрегированной частотой повседневных нагрузок и психических симптомов от 0.60 для 2 месяцев исследования и до 0.49 для 10 месяцев [93]. Сравнение дисперсий критических событий жизни и повседневных нагрузок для психических расстройств показало, что трудности представляют намного лучшую предпосылку для психических расстройств, индуцирующих стресс. Они, по видимому, образуют «медиаторы» между событиями жизни и психическим самочувствием.

В актуальной модификации первоначального способа регистрации повседневных нагрузок все трудности уравниваются, учитывая их вредящую способность, их различием на «центральные» и «периферийные» [77]. В концепции *центральных трудностей* рассматривается субъективная оценка опыта и тем самым межиндивидуальная вариативность в переживании стресса в модусах опыта [91, 147].

В дальнейшем эмпирические данные были собраны для того, чтобы показать, что психосоциальные нагрузки, которые застают людей в различных жизненных обстоятельствах, во-первых, оказывают значительное влияние на соматические/психосоматические болезни, психические расстройства и продолжительность жизни, и, во-вторых, находятся в тесной взаимосвязи с принадлежностью слою.

В этой связи Сайм (1986) представляет тезис, что в современной фазе развития западного общества психосоциальные условия здоровья имеют большее значение, чем материальные обстоятельства жизни [29].

Анализ концентрируется при этом на критических событиях жизни и повседневных нагрузках в центральных жизненных сферах (семья и профессиональная деятельность), так как качество жизни в наибольшей степени зависит от этих двух областей. Разделение этих областей задано аналитически. В действительности же между ними существуют многочисленные комплексные взаимовлияния: Нагрузки в профессиональной деятельности обуславливают семейные структуры отношений. Нагрузки на работе у мужчин воздействуют на статус здоровья супругов [95, S. 163]. И наоборот, партнерские и семейные отношения могут быть источником хронических нагрузок, которые понижают в свою очередь индивидуальный порог толерантности к нагрузкам в профессиональной сфере [96, S. 60; 98, S. 78. В целом психосоциальные условия профессиональной деятельности, видимо, оказывают большее влияние на психическое самочувствие, чем семья [66, p. 76; 96].

Психосоциальные нагрузки в профессиональной сфере.

Здесь важны два вопроса:

1. Какие факторы профессиональной деятельности и в какой констелляции приводят к возникновению или переходу в хроническую форму соматических/психосоматических болезней и психических расстройств?
2. Содержат ли условия профессиональной деятельности нижних социальных слоев в целом большой объем нагрузок?

В опубликованном в 1980 г. Black Report высказывается сожаление о поврежденной природе концепции депривации на работе [19, P. 185], причем трудность анализа лежала состояла в идентификации специфического риска несчастного случая и токсических субстанций. Это суждение не подтверждается имеющимися ко времени опубликования Black Reports работами по сомато- и психопатологии [98-101]; оно сегодня полностью неправомерно. Параллельно с многочисленными доказательствами значения физических и химических вредных факторов для соматических болезней (заболевания сердечно-сосудистой системы, карциномы, заболевания дыхательных путей) [83, p. 16] имеется возрастающая очевидность большего влияния психосоциальных профессиональных нагрузок как для возникновения соматических болезней, так и для возникновения психических расстройств. Этот вывод можно сделать из исследований взаимосвязи заболеваний сердечно-сосудистой системы и индустриальных рабочих мест [28, 66, 102, 103].

В модели профессиональных нагрузок [100], стресс является результатом взаимодействия двух психосоциальных факторов труда: высокие требования к работе, с одной стороны, и малые возможности участия в принятии решений («decision latitude») - с другой. Конструкт «decision latitude» имеет, как видно из факторного анализа, два компонента:

1. «skill discretion» (это возможность, вкладывать свои способности в процесс труда и приобретать новые способности) и;
2. «authority over decision» (независимость в принятии решений).

Мармот и Теорелл предполагают, что «skill discretion» является при этом центральным фактором. «Если рабочие имеют возможность, получить новую квалификацию, они имеют возможность лучше преодолеть возможные в будущем неподвижные ситуации, и чем лучше они чувствуют себя в своей роли, тем все больше повышается их готовность и способность к самостоятельному принятию решений; что предполагает растущее пространство решений («decision latitude») [перевод Г. Шт.: 28, p. 666]

В пробном обследовании около 1600 рабочих, отобранных по случайному принципу [104], симптомы сердечных заболеваний выявлены у тех 20%, кто оценивает свою работу как психически трудную и одновременно указывают на малое участие в принятии решений. В противовес этому, не имеют симптомов сердечных заболеваний те, чья работа менее отягчена психически и отличалась широким участием в принятии решений [ср.: 6, p. 5].

В качестве других условий риска возникновения заболеваний сердечно-сосудистой системы, локализуемых в организации работы, можно назвать также: низкую социальную поддержку и низкую физическую активность [66, p. 77]. Для нашей дискуссии особенно важен вывод о том, что релевантные для развития заболева-

ний сердечно-сосудистой системы характеристики работы, возможности участия в принятии решений и социальная поддержка (коллегами по работе, вышестоящими) ухудшаются с понижением позиции в социальной структуре [28; 66].

Длительное отсутствие этих двух возможностей объясняет статистический риск заболеваний сердечно-сосудистой системы в той же мере, что и некоторые конвенциональные био-медицинские факторы риска. В работе Карасека/Теорелла демонстрируется помимо этого, что психо-социальные условия профессионального труда обуславливают как био-медицинские факторы риска, так и независимо от них прямо воздействуют на возникновение сердечно-сосудистых заболеваний [66, p. 156].

Итоги этой исследовательской группы соответствуют результатам научного центра социальных исследований в Берлине [96], в которых констатируется обусловленность инфаркта и трудовых нагрузок. В них также значение условий труда признается по меньшей мере равным обсужденным ранее медицинским факторам риска, и в большей степени, чем значение нагрузок в репродуктивной сфере. Динамика истории инфаркта складывается, главным образом, из «неспецифического развития на основе патогенного функционального скрещения неустойчивости, непомерных/низких требований труда и неэффективных способов совладания с ними» [96, p. 15].

Для объяснения стратификационных образцов распределения сердечно-сосудистых заболеваний Зигрист предложил модель «кризиса профессионального вознаграждения» [103]. В ней утверждается, что следует ожидать часто повторяемый опыт принуждения к трате сил на рабочем месте (посредством внешних требований, а также внутреннего контроля) при одновременном относительно незначительных возможностях вознаграждения (финансового, социоэмоционального, статусного контроля) скорее в нижнем, чем в среднем и верхнем социальном слоях. Одновременно имеются в наличии также немногих и/или более неэффективных услуг поддержки в сфере труда и воспроизводства, чтобы сравнить негативные эмоциональные воздействия профессионального вознаграждения.

В пробном исследовании 460 рабочих-мужчин было подтверждено, что испытанное резкое расхождение высоких профессионально-трудовых затрат и относительно низкого вознаграждения порождает у них эмоциональные нагрузки, которые вызывают и устойчиво поддерживают комплексные физиологические процессы, которые вредят сердечно-сосудистой системе. Мужчины, которым пришлось решать эту проблему, заболели в четыре раза чаще в сравнении с нормально загруженными [103]. Определенные свойства личности усиливают этот процесс. Эта модель хорошо объясняет концентрацию сердечно-сосудистых болезней в нижних профессиональных группах. Это поясняет, что для более высокой уязвимости нижних социальных слоев решающими являются не трудовые нагрузки, но типичный для них отрыв от нагружающего профессионального труда, с одной стороны и вознаграждения, с другой стороны.

4.1.2. Психосоциальные нагрузки в семье

Наряду с областью профессионального труда семья является значимым источником психосоциальных нагрузок. Решающие события, приведенные в списке критических жизненных случаев, содержат множество связанных с семьей нагрузок:

рождение ребенка, развод, болезни, смерть ребенка или партнера, школьная неудача ребенка, безработица члена семьи и т.д.

Ежедневные нагрузки в семье (например, финансовые вопросы, проблемы воспитания и обучения детей, споры между членами семьи и т.д.), кажутся, лишь по видимости мягкими нагрузками. Если они накапливаются или становятся хроническими, они больше способствуют возникновению психических расстройств и болезней, чем редкие критические жизненные события [94; 105, р. 101].

Важно указать на то, что между критическими жизненными событиями и ежедневными нагрузками существует связь. Так, принудительная утрата рабочего места может привести к значительным финансовым ограничениям семейного бюджета, которые отягощают ежедневные отношения членов семьи. Хотя обе разновидности нагрузки во многих исследованиях обсуждаются отдельно, они взаимодействуют друг с другом и совместно влияют на динамику нагрузок.

В большинстве исследований нагрузки стресс обсуждаются как индивидуальные переменные [90], т.е. допускается случайное индивидуальное распределение нагрузок. Теперь имеются многочисленные эмпирические исследования о том, что нагрузки зависят от таких социальноструктурных условий, как социальный слой, пол и возраст. Для нашего анализа значимо, прежде всего, доказательство зависимой от слоя экспозиции нагрузок. Как критические жизненные события, безработица, развод, болезнь и смерть (т. н. «ненормативные события») [92] так и частично ими обусловленные хронические ролевые нагрузки в партнерских и семейных отношениях возрастают в современных обществах от верхнего к нижним социальным позициям [75; 92; 97; 106-111]. Согласно Вальтцу, здесь имеется даже линейная связь [97].

Концепция нагрузки является хорошим противовесом ко всем формам биомедицинского и психологического редуционизма, который главную причину индивидуальных страданий видит в личных (генетических и приобретенных) факторах [74]. Однако концепция нагрузки со своей стороны упрекает редуционизм, если при анализе нагрузок и их воздействий затемняется роль ресурсов преодоления. Так как анализ, ориентирующийся исключительно на нагрузки является беспомощным по отношению к фактам того, что идентичные по количеству нагрузки распадаются на различные индивидуальные реакции. Так спектр реакций при безработице включает облегчение через ослабление физического и психического принуждения прежней деятельности, которое интерпретируется как шанс нового начинания и индивидуального совершенствования, до физического и психического обессивливания, как отчаяние, безнадежность, апатия и депрессия, которые могут начаться при тщетных усилиях реинтеграции в трудовой процесс [113].

Подчеркнутое положение дел в специальной литературе о нагрузках снова и снова ведет к вопросу об условиях, компенсирующим или уменьшающим нагрузки.

4.2. Ресурсы и социальный слой

По мнению Лазаруса, понятия «стресс» или «нагрузка» менее значимы для процессов адаптации, чем понятие «преодоления». «Стрессом является универсальным феноменом, неизбежным аспектом ежедневной жизни, даже если некоторые люди испытывают стресс чаще интенсивнее и глубже, чем другие. Существенное различие лежит тем не менее в последствиях стресса, и они производятся соответ-

ствующими стратегиями преодоления...» [76, Р. 216]. Этой акцентуацией процесса преодоления, соответствующий выход из которого наряду с оценкой трудностей определяется обладанием социальными и персональными ресурсами, Лазарус может объяснять межиндивидуальные различные последствия идентичных нагрузок. Новейшее исследование нагрузки разделяет это понимание и предоставляет процессу преодоления центральную функцию замедлителя между нагрузками и появлением психических расстройств и соматических болезней [94; 114; 115]. Цель этой главы состоит в обосновании значения системных, социальных и персональных ресурсов для поддержания здоровья, возникновения и протекания болезни, и реабилитации, а также показать их специфическое социально неравное распределение.

4.2.1. Системные ресурсы: медицинское обеспечение

Частичное разъяснение стратификационного градиента состоит в часто приводимом предположении, будто представители нижних социальных слоев имели худший доступ к ресурсам медицинского обеспечения или, если этот доступ имеется, то он для них менее выгоден [13, р. 3].

Социальные различия в доступности и в использовании различных услуг здравоохранения вытекают из взаимоотношения между социальными и экологическими условиями [19, р. 81].

Различия в доступности и - до определенной степени - качества обеспечения в различных регионах и есть путь усиления социального неравенства в здоровье/ продолжительности жизни. Малая доступность означает другие пути, длинные листы ожидания, долгое ожидание, большие трудности в соблюдении назначенных приемов и т.д.

В исследовании Вендта указывается, что в ФРГ средние линии распределения для практических врачей/терапевтов показывают отчетливое, последовательное снижение стандарта укомплектованности от районов с бюргерским населением и рабочих областей [116]. Так, в распределении детских врачей по районам города более остро выражено снижение между бюргерскими и рабочими районами. В распределении женских врачей расхождения особенно значительны между бюргерскими и рабочими кварталами. Вендт констатирует, что эти расхождения можно установить целиком для всех практик первичного медицинского обслуживания, и они не выравниваются отдельными обратными распределениями. Также относительное переоснащение городских центров не может ослабить этот результат, так как «рабочие области хуже связаны с городской системой сообщения, и жители этих районов в меньшей мере ориентированы на третичные рабочие места ориентировал, чем жители скорее бюргерских районов. Т. е. выравнивание территориального дефицита посредством повышенного снабжения центров городов является для рабочих областей менее действенным, чем бюргерских» [116, S. 78].

Другая возможная причина для неравенства в болезни/продолжительности жизни состоит в структуре учреждений медицинского обеспечения, ценности, предположения, предпочтения и практики которого, кажутся, приспособленными скорее к культуре среднего слоя [19, Р. 81]. Так, недостаточное внимание к этому частью ведет к невозможности выразить нужды и проблемы в применяемом языке и к недостатку финансовых и временных ресурсов. Состоятельные и образованные

люди имеют потенциально лучший доступ к психосоциальному и врачебному обслуживанию, включая профилактические привилегии [117, S. 30]. Некоторые исследователи указывают на то, что они крайне редко находили экстремальную форму шизофрении у представителей нижних социальных слоев в ухоженных частных учреждениях в незначительном количестве, в то время как гораздо чаще такие хронические больные накапливались в учреждениях плохо обставленных общественных больниц [118, S. 235]. Есть также свидетельства, что представители нижних социальных слоев знают о медицинском обеспечении, которое направлено скорее на обращение с заброшенной болезнью, чем на профилактическое вмешательство [27, p. 156]. В целом предъявление требований к медицинским службам в США усиливается вместе с ростом доходов семьи [119, S. 61].

Неравенство в образовании могут влиять на знание о значении для здоровья превентивных мер и соблюдения медицинских указаний. [120].

Эти условия без всякого сомнения ответственны за более высокие нормы заболеваемости и малые шансы выживания представителей нижних социальных слоев. Однако не кажется убедительным, что более плохой доступ к медицинскому обеспечению обуславливает также более высокую заболеваемость представителей средних в сравнении с высшими социоэкономическими позициями [38; 121].

Значительные различия по состоянию здоровья имеются также между социальными слоями в таких странах, как Финляндия и Швецию, где доступ к медицинскому обслуживанию не затруднен социоэкономическими барьерами [122]. Также в Англии и Уэльсе стратификационный градиент изменился несущественно после институционализации национальной службы здоровья [15]. В США значительно улучшился доступ малообеспеченных групп населения к системе медицинского обслуживания за последние 25 лет. Напротив, спрос на медицинские услуги в этой группе (лиц с низким доходом) вырос между 1964 и 1976 только на треть. Схожие улучшения в системе медицинского страхования США, в частности для более старых людей, не привели к большим изменениям стратификационного градиента относительно продолжительности болезни и жизни [15, p. 13].

Тем самым нельзя сказать, что эти улучшения в медицинском страховании, в предложении медицинских услуг и в доступе к ним имеют не существенные следствия для статуса здоровья населения. Они выражаются лишь не в принципиальных изменениях обратного отношения между социальным слоем и болезнью/смертью [21, p. 132].

4.2.2 Социальные ресурсы (социальную поддержку)

Объем, стабильность и качество социальных услуг поддержки как функция социальных сетей значимы для генезиса, хода и шансов реабилитации соматических заболеваний и психических нарушений от большого значения. Для действия вытекающих из социальных сетей инструментального и эмоционального обеспечения здоровья и продолжительности жизни имеется изобилие эмпирических данных [36; 73, 123-132]. Эффект социальной поддержки варьируется при этом с соответствующими изученными зависимыми переменными (психическое или физическое здоровье, смертность), с операционализацией независимых (социальная поддержка) и зависимых переменных, с источником (партнеры, семья, родственники, коллеги по работе т. д.), содержанием (эмоциональная, инструментальная и другая

поддержка), количеством и качеством, фактически полученной или субъективно воспринятой социальной поддержки, с признаками исследованной популяции (социальный статус, возраст и пол) и ситуативным контекстом изучения (исследуются критические исследования событий или повседневных нагрузок или и то и другое?) [132].

На базе основательного метаанализа 70 эмпирических оригинальных работ о влиянии социальной поддержки на депрессию была установлена [127] взвешенная средняя величина эффекта от $r = -.22$. Интимные партнеры хорошо защищены от депрессии ($r = -.42$), далее - семья ($r = -.26$), друзья ($r = -.26$) и коллеги по работе ($r = -.17$).

Чтобы установить значение социальной поддержки для физического здоровья [127], были подвергнуты метаанализу 15 эмпирических оригинальных работ. Был получен неожиданный результат, что на настоящий момент никакой существенной связи между физическим здоровьем и социальной поддержкой не выявлено: взвешенная средняя величина эффекта ($r = -.06$) находится ближе к нулю. При разделении различных источников социальной поддержки получают данные, что между физическим здоровьем и поддержкой партнеров по жизни никакой связи не существует ($r = +.01$), и, напротив, эффект поддержки членами семьи ($r = -.15$) установлен. Социальная поддержка (прежде всего эмоциональная) в целом, вероятно, более значима для физического здоровья женщин ($r = -.13$), чем для мужчин ($r = -.02$).

Если спрашивают о причинах этих данных, можно назвать, по меньшей мере, две каузальных модели, которые объясняют оздоровительные эффекты социальных связей:

1. Из вращающихся в ощущаемые прочными социальными связями следует непосредственное содействие благополучию и здоровью без нагруженности индивида (DIREKT-EFFEKT). Эти эффекты можно интерпретировать как «ненаправленные и ненамеренные побочные результаты и сопровождающие явления» ежедневной социальной интеракции [130, S. 80], в которых удовлетворяются человеческие основные потребности в благожелательном внимании, признании, надежности, социальной интеграции и др., а одновременно развиваются также чувства самооценности, доверия себе и Я-идентичности как предпосылки психосоциального благополучия [38; 132; 133].

2. Системы социальной поддержки помогают людям снижать или нейтрализовать вредящие здоровью последствия нагрузок [130, S. 79]. Чтобы защитить людей от патогенных эффектов отягчающих событий (Puffer-эффект), поддержка должна «соответствовать» разбухшим стрессом потребностям [130, S. 86], следовательно, необходимо согласование поддержки и индивидуальных потребностей.

Последний пункт поэтому особенно значим, так как в случае несовпадения предоставленной и желательной помощи социальная поддержка быстро может обратиться в социальную нагрузку [134, S. 154]. Важную роль играет при этом временное соответствие между актуальными потребностями личности и фактически предложенными услугами помощи. В одном из исследований о периоде после завершения психиатрического лечения установлено, что предложенная когнитивная и эмоциональная помощь во время улучшения симптома должна быть непременно

адаптирована [73, S. 318].

Наряду с временным согласованием пригонка между источником и способом поддержки играет важную роль: интенсивная эмоциональная поддержка друзьями может, конечно, компенсировать только в ограниченной мере отрицательные последствия отсутствия симпатии партнер [134, S. 154].

Значимым для воздействия социальных связей на субъективное восприятие, вероятно, будет также соответствующее психическое расстройство.

Предполагается, что доверительные связи у шизофреников оформлены иначе и имеют другое значение, чем у депрессантов [135, S. 209]. Так, эмоциональные связи для входящих в общину, по-видимому, менее важны, чем относительно деловое и ясно структурированное вовлечение в социальное устройство и расписание дня. Для шизофреников эмоциональная интенсивность, свойственная таким отношениям может означать сверхтребование.

Для представленной здесь аргументации важным является доказательство связи между социально-экономическим статусом и количеством и качеством социальных услуг поддержки важно. Контакты с друзьями и родственниками, членство и участие в организациях, но также поддержка партнеров возрастают в более высоких социальных слоях [36; 75; 86; 97; 107, 136-140].

Как различные условия: доход, образование, престиж и профессия влияют в частности на количество и, прежде всего на качество социальных услуг поддержки, далеко еще неясно. Здесь открывается широкое поле исследований.

4.2.3 Персональные ресурсы

Основной аналитический вопрос, поставленный в рассмотренном теоретическом направлении Лазаруса и его сотрудников, таков: в процессе преодоления критических жизненных случаев и ежедневных нагрузок формируются персональные ресурсы. В качестве свойств личности они формируются всю жизнь, причем они встроены в генетически детерминированную психическую конституцию [76]. В психологической литературе по проблеме преодоления называются ряд персональных свойств, из которых складывается результативность преодоления стресса.

Самыми значительными конструктами являются:

- внешний локус против внутреннего локуса контроля [141-142]
- наученная беспомощность [143]
- чувство мастерства (власти) [144]
- фатализм против инструментализма [145]
- деморализация [51].

Отсутствие общепринятой концептуальной модели личности ведет к постоянному расширению таких содержательно более или менее сильно пересекающихся конструктов.

Различные эмпирические обследования подтверждают релевантность этих накапливающихся (coping) ресурсов для процесса преодоления. Так, люди с чувством внешнего контроля сильнее, чем лица с чувством внутреннего контроля втянуты в трудные жизненные ситуации [132]. Уэтон (Wheaton) привел доказательства того, что фаталистические установки подтачивают coping-стремления в отягчающих ситуациях и вместе с тем повышают предрасположенность к психическим нарушениям [145]. В другом лонгитюдном исследовании было показано [146], что «чув-

ство мастерства» и «самоуважение» выполняют функцию амортизатора в критических жизненных случаях и защищают психическое здоровье. В исследовании Доренуэнда [51] обнаружены значимые отношения между синдромом деморализации (приобретенная диспозиция, которая характеризуется чувством пониженной самооценности, беспомощности, безнадёжности, фатализма, неопределёнными страхами перед будущим и вообще подавленным настроением) и клинически выделяющимся симптомом. В Black-исследовании [19] недостаток персонального контроля над условиями собственной жизни усматривается как важная опосредующая переменная величина между низкой позицией слоя и болезнью. В слабо выраженном «чувстве контроля» предполагается наличие значимой причины для повышенной нормы заболеваемости и смертности нижнего социального слоя [147].

Все упомянутые признаки различной сложности сосредоточиваются на объективно данной или субъективно оцененную возможность личности контролировать релевантные условия и виды деятельности соответственно собственным целям, потребностям и интересам и уметь влиять на них. Из всех убеждений о себе и обществе, которые могут увеличить или уменьшить дистресс, чувство контроля над жизнью может наиболее важно» [148, р. 131].

Соответствующий арсенал и качество персональных ресурсов, которые имеются в распоряжении в трудностях и кризисах в качестве coping-версий, зависят от биографически сложившихся и актуальных социальных связей, исходящих от них импульсов развития или опыта депривации. Подтвержденное стратификационное выражение многих из этих ресурсов [19; 51; 136, 142; 146; 149] свидетельствует в пользу этой гипотезы, исходящей из теории социализации. Вместе с тем неравно распределены не только нагрузки на людей различных социальных положений, но и имеющиеся для них ресурсы. Люди нижних социальных позиций ущемлены, таким образом, двумя способами. Будущие исследования должны будут уточнить контрольный конструкт и более точно выявить его зависимость от социально-специфических варьирующихся условий жизни и труда.

5. Обобщение и обсуждение

Систематизация и критический анализ попыток интерпретации эмпирически хорошо известной обратной связи социального слоя и болезни, соответственно, продолжительности жизни дают отчетливые теоретические и эмпирические аргументы в пользу преимущества предложенной многоуровневой модели (ср. Рис. 3). В ней предпринята попытка идентифицировать социально неравно распределенную заболеваемость и смертность с объясняющими их переменными величинами, упорядочить различные уровни реальности и представить теоретически убедительно. Доминирующий вектор действия направлен соответственно логике модели от макроуровня через мезоуровень к индивидуальному уровню и влияет таким образом на требующие объяснения феномены социально-специфических норм заболеваемости и смертности. При этом отношения обратной связи объясняющих переменных с вышестоящим уровнем и т.д. (болезнь > индивидуальный уровень > мезоуровень > макроуровень). Эти процессы обратного действия, которые из-за наглядности модели по существу остались незамеченными, не ставятся под вопрос центральное предположение о преобладающем влиянии

социальной структуры на болезни/продолжительности жизни (ср. это утверждение опирается на соображения дрейф-гипотезы в главе 3.2). Их можно подтвердить эмпирически, тем что, например, более высокая норма заболеваемости в нижних социальных слоях повышает уровень затруднений семей и - в случае становящихся хроническими болезней - следствием может быть процесс профессионального нисхождения.

Эмпирическая проверка модели может происходить только в длительном широком исследовании, в котором будут рассмотрены все три уровня исследования и изменения во времени.

Для макроструктурного уровня анализа это означает наряду с более тщательной временной инвентаризацией неравных условий жизни учет их развития во времени, так как с изменением разновидности, размера и состава ресурсов также изменяются предпосылки действия в основном жизненном контексте, в семье и профессии.

Спект действий и обратных действий между нагрузками и ресурсами на мезоуровне можно раскрыть лишь в диахронической перспективе, следовательно, во временном дизайне. Так, выявленный в перекрестных исследованиях объем поддержки или удовлетворенность может повлиять на уже имеющуюся симптоматику [132; 134]. Если предполагается также, что социальная поддержка часто не выполняет непосредственного защитного воздействия в затруднительных ситуациях, как понимается буфер-гипотезе (PUFFER-Hypotese). Положительное действие воспринятых в качестве поддержанных социальных связей может развиваться также посредством выражения и стабилизации чувства самооценности или других персональных ресурсов [132].

Также на микроуровне в перекрестно организованных исследованиях нельзя дать никакие сведения об изменении персональных ресурсов или длительности болезни. Так, например, много психических нарушений лишь кратковременны, и как раз этот аспект времени находит внимание в эпидемиологическом изучении. Также принцип действия продуктивного и соответственно терпящего поражение преодоления кризиса с дальнейшими трудностями можно исследовать лишь в продольном разрезе.

Пер. с немецкого В. В. Козловского, М. А. Баженовой

Литература

Scheff T. J. Das Etikett «Geisteskrankheit»: Soziale Interaktion und psychische Stoerung. Frankfurt: Fischer, 1973.

Engel G. L. The need for a new Medical Model: A challenge for biomedicine // Science. 1977. Vol. 196, №. 4286, 129-136

Marmot M. G., Kogevinas M., Elston M. A. Socioeconomic status and disease // Health promotion research. Towards a new social epidemiology. / Ed. by B. Badura, J. Kickbusch. WHO Regional Publications, European Series 1991. №. 37, 113-146

Estes/Randall, 1992:299

Fries J. S., Crapo M. Vitality and Aging: Implications of the Rectangular Curve. San Francisco: Freeman, 1981

- McKeown T. H. Die Bedeutung der Medizin: Traum, Trugbild oder Nemesis?
Frankfurt: Suhrkamp, 1982
- Rosenbrock R. Rahmenbedingungen für Gesundheitsförderung und Prävention // Plenumsreferat auf dem AOK/WHO-Kongre? "Gesundheit als Herausforderung" am 14. Juni 1989 in Hamburg, 1989
- Gerhardt U. Soziologische Erklärung gesundheitlicher Ungleichheit: Probleme der theoretischen Rekonstruktion empirischer Befunde // Soziologie der sozialen Ungleichheit. / (Hrsg.) B. Giesen, H. Haferkamp. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. 393-426
- Schnabel P.-E. Krankheit und Sozialisation. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988
- Antonowsky A. Social class, life expectancy and overall mortality // Milband Memorial Fund Quarterly, 1967, 45, 31-73
- Dohrenwend B. P., Dohrenwend B. S. Social status and psychological disorder: A causal inquiry. New York: Wiley, 1969
- Dohrenwend B. P., Dohrenwend B. S. Socioenvironmental factors, stress, and psychopathology. Part 1: Quasi-experimental evidence on the social causation - social selection issue posed by class differences // American Journal of Community Psychology. 1981. № 9, 146-159
- Syme S. L., Berkman L. F. Social Class, susceptibility and sickness // American Journal of Epidemiology. 1976. Vol. 104, No. 1, 1-8
- Wheaton B. The Sociogenesis of Psychological Disorder: Reexamining the Causal Issues with Longitudinal Data // American Sociological Review. 1978. Vol. 43, 383-403
- Haan M. N. Socio-Economy Position and Health: A Review. Human Population Laboratory. California State Dept. of Health, hektogr. Manuskript, 1985
- Marmot M. G., McDowall M. E. Mortality decline and widening social inequalities / The Lancet. 1986. Aug. 2, 274-276
- Class and Health. Research and longitudinal data. / Ed by R. Wilkinson. London, New York: Tavistock, 1986
- Dutton D. B. Social Class, Health, and Illness // Perspectives in Medical Sociology. Ed. by Ph. Brown. Belmont: Wadsworth Publ. Comp., 1989. 23-46
- Inequalities in Health. The Black Report: The Health Divide. / Ed. by P. Townsend, N. Davidson. Whitehead, M. London: Penguin, 1990
- Dohrenwend B. P. Socioeconomic status (SES) and psychiatric disorders: Are the issues still compelling? // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology (1990). Springer, 1990. P. 41-47
- Marmot M. G., Kogevinas, M., Elston M. A. Social/economic Status und Disease // Annual Review of Public Health. 1987. Vol. 8, 111-135
- Smith G.D., Blane D., Bartley, M. Soziale Klasse und Mortalitätsunterschiede: Diskussion der Erklärungsansätze in Großbritannien // Krankheit und soziale Ungleichheit. / (Hrsg.) A. Mielck. Opladen: Leske + Budrich, 1993. 425-451
- Steinkamp G. Soziale Lage, Krankheit und Lebenserwartung // Kritik und Perspektiven sozialepidemiologischer Ungleichheitsforschung. Universität Bielefeld, Forschungsschwerpunkt Gesundheitswissenschaften und öffentliche Gesundheitsförderung. Arbeitsberichte und

- Forschungsmaterialien. 1993. Nr. 6
- Wilkinson R.G. Socio-economic differences in mortality: interpreting the data on their size and trends // *Class and Health.* / Ed. by R. G. Wilkinson. London, New York: Tavistock, 1986. 1-20
- Fox A.J., Goldblatt P.O., Jones, D.R. Social class mortality differentials: artifact, selection or life circumstances? // *Class and Health.* Ed. by R.G. Wilkinson. London, New York: Tavistock, 1986. 34-49
- Marmot M. G., Shipley M. J., Rose G. Inequalities in death: Specific explanations of a general pattern? *The Lancet*, 1984. P. 1003-1006
- Marmot M. G., Blyth F.M. Die Aufgaben von Public Health bei der Reduktion von Ungleichheiten in der Mortalität // *Zukunftsaufgabe Gesundheitsförderung.* / (Hrsg.) B. Badura et al. Stuttgart: Kolhammer, 1989
- Marmot M.G., Theorell T. Social class and cardiovascular disease: the contribution of work // *International Journal of Health Services.* 1988. № 18. 659-674
- Syme S. L. Strategies for health promotion // *Preventive Medicine.* 1986. №15. 492-507
- Marmot M.G., Mustard J.F. Coronary Heart Disease from a Population Perspective / / *Why are some people healthy and others not?* / Ed. by R.G. Evans, M.W. Barer, Th. R. Marmot. Berlin, New York: de Gruyter, 1994. 189-214
- Smith G. D., Bartley M., Blane D. The Black Report on socioeconomic inequalities in health 10 years on // *British Med. Journal*, 1990. Vol. 301, 373-377
- Krankheit und soziale Ungleichheit: Sozialepidemiologische Forschung in Deutschland. / (Hrsg.) A. Mielck. Opladen: Leske + Budrich, 1993
- Neumann G., Liedermann A. Mortalität und Sozialschicht // *Bundesgesundheitsblatt.* 1981. Bd. 24, No. 11. 173-181
- Keil U., Backsmann E. Soziale Faktoren und Mortalität in einer Großstadt in der BRD // *Arbeits-, Sozial-, Präventivmedizin* 1975. 4-9
- Schepers, J., Wagner G. Soziale Differenz der Lebenserwartung in der Bundesrepublik Deutschland - Neue empirische Analysen // *Zeitschrift für Sozialreform.* 1989. N 11/12, 670-682
- Berkman L. F., Breslow L. *Health and Ways of Living: The Alameda County Study.* New York, Oxford: Oxford University Press, 1983
- Kitagawa E. M., Hauser P. M. *Differential mortality in the United States: A study in socioeconomic epidemiology.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973
- Kaplan G. A., Haan M. N., Syme S.L., Minkler M., Winkleby M. Socioeconomic Status and Health // *Closing the Gap: The Burden of Unnecessary Illness.* / Ed. by. W. R. Amler, H.B. Dull. New York, Oxford: Oxford University Press 1987, 125-129
- Klosterhuis H., Muller-Fahrnow W. Sozialschicht und Sterblichkeit bei männlichen Angestellten aus den alten Bundesländern // *Krankheit und soziale Ungleichheit.* / (Hrsg.) A. Mielck. Opladen: Leske + Budrich, 1993. 319-330
- Valkonen T. Adult mortality and level of education: a comparison of six countries // *Health Inequalities in European Countries.* / (Hrsg.) J. Fox. Aldershot: Gower, 1989. 142-162

- Hoffmeister H., Huttner H., Stolzenberg H., Lopez H., Winkler, J. Sozialer Status und Gesundheit: Nationaler Gesundheits-Survey 1984-1986. Munchen: Medizin Verlag (Schriftenreihe des BGA, Bd. 2/92), 1992
- Helmert U., Maschewsky-Schneider U., Mielck A., Greiser E. Soziale Ungleichheit bei Herzinfarkt und Schlaganfall in West-Deutschland // Sozial- und Präventivmedizin. 1993. Vol. 38, Nr. 3, 123-132
- Mielck A., Helmert U. Soziale Ungleichheit und Gesundheit. Manuskript, 1997
- Jarvis E. (1855). *Insanity and Idiocy in Massachusetts: Report of the Commission of Lunacy*. Cambridge: Harvard University Press, 1971
- Dohrenwend B. P. Soziokulturelle und sozialpsychologische Faktoren in der Entstehung psychischer Störungen // Sozialer Stre? und psychische Erkrankungen. / (Hrsg.) H. Katschnig. Muenchen: Urban u. Schwarzenberg, 1980. 125-158
- Dohrenwend B.P., Dohrenwend B.S. Social and cultural influences on psychopathology // *Annual Review of Psychology*. 1974. N 25, 417-452
- Holzer C. E., Shea B. M., Swanson J. W., Leaf P. J., Myers J. K., George L., Weissman M. M., Bednerski P. The Increased Risk for Specific Psychiatric Disorders among Persons of Low Socioeconomic Status // *The American Journal of Social Psychiatry*. 1986. VI, 4, 259-271
- Steinkamp G. Soziale Ungleichheit, Erkrankungsrisiko und Lebenserwartung: Kritik der sozialepidemiologischen Ungleichheitsforschung // Sozial- und Präventivmedizin. 1993. N 38, 111-122
- Borgers D., Steinkamp G. Sozialepidemiologie: Gesundheitsforschung zu Krankheit, Sozialstruktur und gesundheitsrelevanter Handlungsfähigkeit // *Lehrbuch der Gesundheitspsychologie*. / (Hrsg.) P. Schwenkmezger, L. R. Schmidt Stuttgart: Enke, 1994. 133-148
- Cooper B. Epidemiologie psychischer Erkrankung im Alter // *Handbuch der Gerontologie*. / (Hrsg.) D. Platt. Band 5: Neurologie, Psychiatrie. Stuttgart, New York: G. Fischer Verlag, 1989, 73-90
- Dohrenwend B. P., Dohrenwend B. S., Gould M. S., Link B., Neugebauer R., Wunsch-Hitzig R. *Mental illness in the United States: Epidemiological estimates*. New York: Praeger, 1980
- Sozialer Stre? und psychische Erkrankung: Lebensverändernde Ereignisse als Ursache seelischer Störungen? / (Hrsg.) H. Katschnig. Munchen-Wien-Baltimore: Urban & Schwarzenberg, 1980
- Dilling H., Weyerer S., Castell R. *Psychische Erkrankungen in der Bevölkerung*. Stuttgart: Enke, 1984
- Schwab J. J., Schwab M. E. *Sociocultural Roots of Mental Illness: An Epidemiologic Survey*. New York, London, 1978
- Marmot M. G. *Social inequalities in mortality: the social environment // Class and Health*. / Ed. by R. G. Wilkinson. London and New York: Tavistock, 1986. 21-33
- Wadsworth M. E. J. *Serious illness in childhood and its association with later life achievement // Class and Health*. Ed. by R. G. Wilkinson. London, New York: Tavistock, 1986. 50-74
- Abel-Smith B. *Soziale Ungleichheit und Gesundheit: Die britische Diskussion //*

- Zeitschrift für Sozialreform, 1990. 36. Jg. 3/4, 169-178
- Schafstedde F. Rauchen und soziale Lage. Zur Abhängigkeit des Rauchverhaltens von sozialen Merkmalen auf der Basis der Ergebnisse des Mikrozensus // Epidemiologie Bd. 1, Bielefeld: IDIS, 1989
- Hartel U., Stieber J., Keil U. Der Einfluss von Ausbildung und beruflicher Position auf Veränderungen im Zigarettenrauchen und Alkoholkonsum: Ergebnisse der MONICA Augsburg Kohortenstudie // Sozial- und Präventivmedizin. 1993 Vol. 38, Nr. 3, 133-141
- Muennich B. C. H. von. Subjekt, Körper und Gesellschaft. Sozialwissenschaftliche Modelle zur Beschreibung der psychosozialen Bedingtheit von körperlicher Krankheit und Gesundheit. München: Profil, 1987
- Franzkowiak P. Kleine Freuden, Kleine Fluchten: Alltägliches Risikoverhalten und medizinische Gefährdungsideologie. Die Ökologie des Körpers. Frankfurt: Suhrkamp, 1986. 121-174
- Friczewski F. Sozialökologie des Herzinfarkts: Untersuchungen zur Pathologie industrieller Arbeit. Berlin: Edition Sigma 1988
- Horn, K. Gesundheitserziehung im Verhältnis zu anderen sozialisatorischen Einflüssen: Grenzen individueller Problemlösungsmöglichkeiten // Europäische Monographien zu Forschungen in Gesundheitserziehung 1983. N 5, 49-71
- Lewis, O. The Children of Sanchez. New York: Random House, 1967
- Scheuch E. K. Vorwort // Sozialer Status und Gesundheit. (Hrsg.) H. Hoffmeister, H. Huttner, H. Stolzenberg et al., München: Medizin-Verlag, 1992.
- Karasek R. A., Theorell T. Healthy Work. Stress, Productivity, and the Reconstruction of Working Life. New York: Basic Books, 1990
- Badura B. Interaktionsstress - Zum Problem der Gefühlsregulierung in der modernen Gesellschaft, Zeitschrift für Soziologie. 1990. Jg. 19, H. 5. 317-328
- Kuhn H. Healthismus. Eine Analyse der Präventionspolitik und Gesundheitsförderung in den USA. Berlin: Edition Sigma, 1993
- Holme I., Helgeland A., Hjermand I., Leren P., Lund-Larsen G. Four-year mortality by some socioeconomic indicators: the Oslo Study. Journal of Epidemiology and Community Health. 1980. N34. 48-52
- Salonen J. T. Socioeconomic status and risk of cancer, cerebral stroke, and death due to coronary heart disease and any disease: a longitudinal study in eastern Finland // Journal of Epidemiology and Community Health. 1982. 36/4: 294-297
- Cooke K. R., Skegg D. C. G., Fraser, J. Socio-economic status, indoor and outdoor work and malignant melanomas, International Journal of Cancer. 1984. N 34, 57-62
- Blaxter M. Health and Lifestyles. London: Routledge, 1990
- Angermeyer M. C., Klusmann D. From Social Class to Social Stress: New Developments in Psychiatric Epidemiology // From Social Class to Social Stress. / (Ed.) M.C. Angermeyer Berlin: Springer, 1987. 2-13
- Keupp H. Sozialisation durch psychosoziale Praxis // Neues Handbuch der Sozialisationsforschung. / (Hg.) K. Hurrelmann, D. Ulich. Weinheim u. Basel: Beltz, 1991. 467-491
- Liem R., Liem J. Social class and mental illness reconsidered: The role of economic

- stress and social support // Journal of Health and Social Behavior. 1978. N 19, 139-156
- Lazarus R. S. Stre? und Stre?bewaltigung - ein Paradigma // Kritische Lebensereignisse. (Hrsg.) S.-H. Filipp Munchen: Urban u. Schwarzenberg, 1981. 198-232
- Lazarus, R.S. (1984). Puzzles in the study of daily hassles. Journal of Behavioral Medicine, 7, 375-389
- Kohn M. L. Class and conformity. A study in values. Homewood (Ill.): Dorsey Press, 1969
- Bertram H. Gesellschaft, Familie und moralisches Urteil. Weinheim und Basel: Beltz, 1978
- Gruneisen V., Hoff E.-H. Familienerziehung und Lebenssituation: Der Einflu? von Lebensbedingungen und Arbeitserfahrungen auf Erziehungseinstellungen und Erziehungsverhalten von Eltern. Weinheim u. Basel: Beltz, 1977
- Steinkamp G., Stief W. H. Lebensbedingungen und Sozialisation: Die Abhangigkeit von Sozialisationsprozessen in der Familie von ihrer Stellung im Verteilungssystem okonomischer, sozialer und kultureller Ressourcen und Partizipationschancen. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978
- Steinkamp G. Sozialstruktur und Sozialisation // Hurrelmann K., Ulich D. Neues Handbuch der Sozialisationsforschung, 4., vollig neubearbeitete Auflage. Weinheim und Basel: Beltz, 1991. 152-177
- Siegrist J. Contributions of Sociology to the Prediction of Heart Disease and their Implications for Public Health // European Journal of Public Health, 1991. N 1, 10-21
- Faltermaier T. Notwendigkeit einer sozialwissenschaftlichen Belastungskonzeption // Theorien und Methoden der Bewaltigungsforschung. / (Hg.) L. Bruderl. Weinheim, Munchen: Jurcuta, 1988. 46-62
- Kritische Lebensereignisse. / (Hrsg.) Filipp S. H. Munchen, Wien, Baltimore: Urban und Schwarzenberg, 1981
- Brown G. W., Harris T. Social Origins of Depression. A study of psychiatric disorder in women. London: Tavistock, 1978
- Life Events and Illness. / (Eds.) G. W. Brown, T. O. Harris New York: Guilford Press, 1989
- Kasl S. V. Pursuing the link between stressful life experiences and disease: a time for reappraisal // Stress research: issues for the eighties. / Ed. by Cooper, C.L. New York: Wiley, 1983. 79-102
- Thoits, P.A. (1983). Dimensions of life events that influence psychological distress: an evaluation and synthesis of the literature // Psychological stress: trends in theory and research. /Ed by H. B. Kaplan. New York: Academic Press, 33-103
- Williams D. R., House J. S. Stress, social support, control and coping: a social epidemiological view // Health promotion research. Towards a new social epidemiology. / (Hg.) B. Badura, J. Kickbusch. WHO regional publications, European series; 1991. Nr. 37, 147-172
- Weber H., Knapp-Glatzel B. Alltagsbelastungen // Belastende Lebenssituationen. Untersuchungen zur Bewaltigungs- und Entwicklungsforschung. / (Hrsg.) L.

- Bruederl. Weinheim, Munchen: Juventa, 1988. 140-157
- Pearlin L. I., Lieberman M. A. Social Sources of Emotional Distress // Research in Community and Mental Health. /Ed. by R. Simmons. Vol. 1. Greenwich: JAJ-Press, 1979. 217-248
- Kanner A. D., Coyne J. D., Schaefer C., Lazarus R. S. Comparison of two models of stress measurement: Daily hassles and uplifts versus major life events // Journal of Behavioral Medicine. 1981. № 4, 1-39
- DeLongis A., Coyne J.C., Dakhof D., Folkman S., Lazarus R.S. Relationship of daily hassles, uplifts and major life events to health status // Health Psychology. 1982. № 1. 119-136
- Fletcher B. Work, Stress, Disease and Life Expectancy. Chichester u. a.: Wiley, 1991
- Friczewski F., Maschewsky W., Naschold F., Wotschak P., Wotschak W. Herz-Kreislauf-Krankheiten und industrielle Arbeitsplatze. Frankfurt/New York: Campus, 1987
- Waltz E. M. Soziale Faktoren bei der Entstehung und Bewaltigung von Krankheit - ein Uberblick uber die empirische Literatur // Soziale Unterstutzung und chronische Krankheit. / (Hg.) B. Badura. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1981. 40-119
- Kornhauser A. The mental health of the industrial worker: A Detroit study. New York: Wiley, 1965
- Frankenhaeuser M., Gardell B. Underload and overload in working life: outline of a multidisciplinary approach // Journal of Human Stress. 1976. 35-46
- Karasek R. A. Job demands, job decision latitude, and mental strain: Implications for job redesign // Administrative Science Quarterly. 1979. № 24, 285-307
- Industrielle Psychopathologie. / (Hrsg.) M. Frese, S. Greif, N. Semmer. Bern, Stuttgart, Wien: Huber, 1978
- Siegrist J. Soziale Krisen und Gesundheit. Gottingen u.a.: Hogrefe, 1996
- Siegrist J., Dittmann K., Rittner K., Weber I. Soziale Belastungen und Herzinfarkt: Eine medizin-soziologische Fall-Kontroll-Studie. Stuttgart: Enke, 1980
- Karasek R.A., Baker D., Marxer F., Ahlborn A., Theorell T. Job decision latitude, job demands and cardiovascular disease: A prospective study of Swedish men // American Journal of Public Health. 1981. N 71, 694-705
- Laux L., Schutz A., Burda-Viering, M., Limmer, R., Vogel, S. Stre?bewaltigung und Gesundheit in der Familie. // Forschungsforum der Otto-Friedrich-Universitat Bamberg, 1991. Heft 3. 99-104
- Langner T. S., Michael S. T. Life stress and mental health. New York: The Free Press of Glencoe, 1963
- Dohrenwend B.S. Social status and stressful life events // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 28, №. 2. P. 225-235
- Dohrenwend B.P., Dohrenwend B.S. Class and race as status-related sources of stress // Social Stress. /Ed. by S. Lerine, N. Scotch. Chicago, Aldine: 1970. P. 111-140
- Kaplan H. Social psychology of disease // Handbook of Medical Sociology. / Ed. by H. E. Freeman, S. Levine, L.G. Reeder // Englewood Cliffs (Hg.). Prentice-Hall, 3. Aufl., 1979. 53-70
- Rogler L.H., Hollingshead A.B. Trapped: Families and Schizophrenia. // New York:

John Wiley 1965

- Kohn M. Soziale Klasse und Schizophrenie - ein kritischer Überblick // Sozialpsychiatrische Texte. / (Hrsg.) M. v. Cranach und A. Finzen. Berlin u.a.: Springer, 1972. S. 177-195
- McLeod J.D., Kessler R.C. Socioeconomic Status differences in vulnerability to undesirable life events // Journal of Health and Social Behavior. 1990. Vol. 31. P. 162-172
- Steinkamp G., Meier B. Auswirkungen elterlicher Erwerbslosigkeit auf Lebensperspektiven und soziale Karrieren von Kindern und Jugendlichen. // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. 1985. Vol. 11. № 2. S. 265-278
- Folkman S., Lazarus R.S., Gruen R.J., DeLongis A. Appraisal, coping, health status and psychological symptoms // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. № 50. P. 168-186
- Laux L., Weber H. Bewältigung von Emotionen // Enzyklopadie der Psychologie. Psychologie der Emotionen. / (Hrsg.) W. R. Scherer Gottingen: Hogrefe, 1990
- Wendt G. Disparitäten in der ambulanten ärztlichen Versorgung. Soziale Ungleichheit in Großstädten // Medizinische Soziologie. / (Hrsg.) H.-U. Deppe Jahrbuch 4, U. Gerhardt & P. Nowak, 1985. S. № 54-94
- Schwarzer R., Leppin A. Sozialer Rückhalt und Gesundheit // Gottingen, Toronto, Zurich: Hogrefe, 1989
- Hollingshead A. B., Redlich F. Der Sozialcharakter psychischer Störungen: Eine sozialpsychiatrische Untersuchung. Frankfurt: Fischer, 1975
- Dilling H., Weyerer S. Social Class and Mental Disorders: Results from Upper Bavarian Studies // From Social Class to Social Stress. / Ed. by M.C. Angermeyer. Berlin u.a.: Springer, 1987. S. 46-63
- Cooper B., Sosna U. Der Einfluss der sozialen Lage auf Nerven- und Geisteskrankheiten // Medizin Mensch Gesellschaft. 1978. № 1. S. 128-135
- Haan M., Kaplan G.A., Camacho T. Poverty and Health: Prospective Evidence from the Alameda County Study // American Journal of Epidemiology. 1987. № 125. P. 989-998
- Nayha S. Social group and mortality in Finland // British Journal of Preventive and Social Medicine. 1977. № 31. P. 231-237
- Berkman L.F., Syme S.L. Social networks, host resistance, and mortality: a nine-year follow-up study of Alameda County residents // American Journal of Epidemiology. 1979. № 109. P. 186-204
- Soziale Unterstützung und chronische Krankheit: Zum Stand sozialepidemiologischer Forschung / (Hrsg.) B. Badura. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1981
- Social Support and Health. / Ed. by S. Cohen, S. L. Syme. New York: Academic Press, 1985
- Sarason I. G., Sarason B. R. Social support: Theory, research and applications. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1985
- Sauer W. J., Coward R. T. Social support networks and the care of the elderly. New York: Springer, 1985
- Social support: health and disease. / Ed. by S. O. Isacsson, L. Janzon. Stockholm:

- Almqvist & Wiksell, 1986
- Lin N., Dean A., Ensel, W. Social support, life events, and depression. New York: Academic Press, 1986
- Nestmann F. Die alltäglichen Helfer. Theorien sozialer Unterstützung und eine Untersuchung alltäglicher Helfer aus vier Dienstleistungsberufen. Berlin, New York: de Gruyter, 1988
- Vaux A. Social Support. Theory, Research and Intervention. New York, London: Praeger, 1988
- Schwarzer R., Leppin A. Sozialer Ruckhalt und Gesundheit. Toronto, Zurich, Göttingen: Hogrefe, 1989
- Cobb S. Social support as a moderator of life stress // *Psychosocial Medicine*. 1976. № 38
- Schroder A. Schmitt B. Soziale Unterstützung // *Theorien und Methoden der Bewältigungsforschung.* / (Hrsg.) L. Bruderl. Weinheim und München: Juventa, 1988. S. 149-159
- Ibes K., Klusmann. D. Persönliche Netzwerke und soziale Unterstützung bei Patienten mit chronisch psychologischen Erkrankungen // *Soziales Netzwerk.* / (Hrsg.) M. C. Angermeyer, D. Klusman Berlin: Springer, 1989. S. 207-230
- Kohn M. L. The Interaction of Social Class and Other Factors in the Etiology of Schizophrenia // *American Journal of Psychiatry*. 1976. № 133. P. 177-180
- Turner R. J. Social support as a contingency in psychological well-being // *Journal of Health and Social Behavior*. 1981. № 22. P. 357-367
- Belle D. The impact of poverty on social networks and supports // *Marriage and Family Review*. 1982. № 5. P. 89-103
- Turner R. J., Noh S. Class and psychological vulnerability among women: The significance of social support and personal control // *Journal of Health and Social Behavior*. 1983. № 24. P. 2-15
- Siegrist K. Sozialer Ruckhalt und kardiovaskuläres Risiko. München: Minerva, 1986
- Rotter J.B. et al. Internal versus external control of reinforcements. A major variable in behavior theory // *Decisions, values and groups.* / Ed. by N.F. Washburne, Oxford: Pergamon Press, 1962. P. 374-516
- Rotter J. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. № 80. 1-28
- Seligman M. Helplessness: On Depression, Development and Death. San Francisco, 1975
- Pearlin L.I. Schooler. C. The structure of coping // *Journal of Health and Social Behavior* 1978. № 19. P. 2-21
- Wheaton. B. The sociogenesis of psychological disorder // *Journal of Health and Social Behavior* 1980 p. 100-124
- Pearlin L.I., Menaghan E. G., Lieberman M. A., Mullan J. T. The Stress Process // *Journal of Health and Social Behavior* 1981 № 22. P. 337-356
- Syme S. L. Control and health: a personal perspective // *Stress, personal control and health.* / Ed. by A. Steptoe, A. Appels New York, 1989
- Mirowsky J., Ross C.E. Social causes of psychological distress. New York: Aldine de Gruyter, 1989

Pincus T., Callahan L. F., Burkhauser R. V. Most chronic diseases are reported more frequently by individuals with fewer than 12 years of formal education in the age 18-64 United States population // *Journal of Chronic Disease*. 1987 № 40, P. 865-874

А. В. Плахова

ПИТИРИМ СОРОКИН И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Мировая социологическая наука торжественно отметила 110-летие со дня рождения выдающегося российско-американского ученого Питирима Александровича Сорокина (1889-1968), о котором сегодня по праву можно говорить как научном корифее XX в. По случаю памятной даты в нашей стране был проведен международный научный симпозиум «Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени». Он проходил 4-5 февраля 1999 г. в Москве, затем 6-7 февраля в Санкт-Петербурге и завершился на родине великого социолога в селе Турья и г. Емва Княжпогостского района в Республике Коми.

Организаторами симпозиума выступили: Международный фонд Н. Д. Кондратьева, Российская академия наук, Российская академия естественных наук, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский государственный университет международных отношений, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Институт региональных социальных исследований Республики Коми, Российское общество социологов и демографов, Профессиональная социологическая ассоциация, Американская социологическая ассоциация, Международная социологическая ассоциация, Международный институт социологии.

В симпозиуме приняли участие многие известные деятели науки не только нашей страны, но и США, Канады, Германии, Италии, и других стран. Были получены и оглашены многочисленные приветствия: Правительства Российской Федерации, Посольства США, Президиума Российской академии наук, Президента Международной социологической ассоциации профессора А. Мартинелли и др.

Открылся симпозиум в Москве, в конференц-зале Российской Академии государственной службы при Президенте РФ. Среди множества содержащих интересный научный анализ идей П. Сорокина докладов особое внимание привлекли вызвали два выступления, основанные на опыте многолетнего личного общения с выдающимся мыслителем современности. Воспоминаниями о жизни, трудовой деятельности, семейных взаимоотношениях Питирима Сорокина поделился его сын, профессор Бостонского университета (США) Сергей Питиримович Сорокин. Из его увлекательного рассказа, наполненного живыми наблюдениями, характерными деталями, малоизвестными фактами, перед слушателями встал образ не только увлеченного ученого, великого труженика, но и заботливого главы семейства, человека, до конца жизни хранившего традиции русской культуры. Далее о личных взаимоотношениях с П. А. Сорокиным рассказал его ученик, профессор Дьюкско-

го университета (США) Э. Тириакийн. Он нарисовал впечатляющий образ не только разностороннего и глубокого ученого, преподавателя, наставника научной молодежи, но и человека с тонкими психологическими качествами, отзывчивой душой, каким был профессор П. А. Сорокин.

С докладом о вкладе в развитие мировой науки и культуры той плеяды российских мыслителей, к которой принадлежал и Питирим Сорокин, выступил президент Международного фонда Н. Д. Кондратьева академик Л. И. Абалкин. Вице-президент международного фонда Н. Д. Кондратьева доктор экономических наук Ю. В. Яковец прочел доклад «Великие прозрения Питирима Сорокина и глобальные тенденции XXI века». Доклад профессора университета Северная Каролина (США) Г. Брауна был посвящен теме: «Питирим Сорокин: пророк политического будущего, которое является нашим настоящим». Доктор философских наук профессор Института социологии РАН Ю. Н. Давыдов выступил с докладом: «Проблемы истории теоретической социологии у Питирима Сорокина». Доклад на тему «Теоретические основы прикладной социологии: сорокинский пример для XXI века» сделал профессор Иллинойского университета Б. Джонстон. С содержательными докладами на актуальные темы выступили доктор философских наук профессор МГУ академик В. И. Добреньков - «Кризис России в контексте теории социально-культурной динамики П. Сорокина», доктор социологических наук профессор Московского государственного университета Н. Е. Покровский - «Конвергенция, глобализация и конфликт (по мотивам П. А. Сорокина)», и многие другие известные ученые. В докладах и выступлениях был воссоздан образ великого энтузиаста научного познания и культуры, высокоэрудированного ученого, проложившего новые пути в изучении общественной жизни, мировой культуры, социодинамики цивилизаций.

Анализ наследия П. Сорокина, актуальности его идей в современных условиях был продолжен в рамках секционных заседаний. Участники симпозиума работали в пяти секциях: «Научное наследие Питирима Сорокина и развитие социологической теории», «Социокультурная динамика: тенденции, механизмы, флуктуации», «Проблемы экономической социологии», «Власть, право и нравственность», «Социокультурное будущее: взгляд поколений».

Вторая часть симпозиума проходила в Санкт-Петербурге, на факультете социологии СПбГУ. После оглашения приветствия мэра Санкт-Петербурга В. А. Яковлева с приветственными словами к гостям и участникам семинара обратилась ректор Санкт-Петербургского университета академик РАО профессор Л. А. Вербицкая. Охарактеризовав петроградский период жизни и деятельности П. А. Сорокина, она особо отметила важный факт жизни ученого: активное участие в создании факультета социологии, первым деканом которого и стал Питирим Александрович. Теперь можно смело утверждать, что признанная ныне мировой социологической школой П. А. Сорокина зарождалась на берегах Невы. Эта тема была подробно развита в докладе доктора философских наук профессора факультета социологии СПбГУ В. В. Козловского.

Для аудитории, собравшейся в стенах Санкт-Петербургского университета, профессор Э. Тириакийн повторил свой доклад о П. Сорокине, с которым он выступил двумя днями раньше в Москве. С докладом «П. Сорокин: энергетический импульс

культуры» выступила доктор философских наук профессор Санкт-Петербургского университета культуры С. Н. Иконникова. «П. Сорокин и современные проблемы социальной психологии» - так назвал свой доклад доктор философских наук профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Б. Д. Парыгин. Об учебе и научной деятельности в Санкт-Петербургском - Петроградском университете сделала доклад кандидат социологических наук Ю. А. Ермакович. Петербургская часть научного симпозиума была продолжена в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов. Здесь центральным событием стало еще одно выступление сына П. А. Сорокина Сергея Питиримовича, рассказавшего о жизни семьи и творчестве отца в США.

Научная общественность отдала долг памяти великого ученого-подвижника, честного и добросовестного труженика науки, каким был Питирим Александрович Сорокин.

Участникам симпозиума была предоставлена возможность осмотреть Московский и Санкт-Петербургский университеты, посетить Государственную Третьяковскую галерею, побывать в ведущих театрах обеих столиц, принять участие в неформальных встречах.. На факультете социологии СПбГУ была развернута обширная выставка, на которой демонстрировались уникальные документы биографии П. А. Сорокина, первые русские издания его трудов, малоизвестные архивные материалы, книги, подаренные ученым Ленинградскому университету. Участники симпозиума приняли Обращение, характеризующее современное состояние социологической науки и содержащее рекомендации по ее дальнейшему развитию. К юбилейным дням был выпущен первый том научных материалов о вкладе ученого в мировую науку и культуру. Был положительно решен вопрос об издании полного собрания научных произведений П. А. Сорокина.

НИКЛАС ЛУМАН ГЛАЗАМИ КОЛЛЕГ*

Если кому-то требуется знать мою биографию, чтобы понять, *что* я написал, значит, я *плохо* писал.

Никлас Луман [1]

Один из самых значительных теоретиков общества XX в., немецкий социолог Никлас Луман умер 6 ноября 1998 г. в Билефельде, Германия, где он работал последние 30 лет.

И если сам он говорил, что биографические данные не имеют никакого отношения к тому, *что* он написал, то это вовсе не значит, что мы не должны интересоваться тем, *почему* он написал именно так. Без этого трудно понять комплексность мыслей и колоссальный труд ученого, лежавший в основе его научного творчества. У нас есть уникальная возможность восстановить, по воспоминаниям его коллег, систему организации научной и преподавательской работы и требования, которые Луман предъявлял к себе и окружающим.

Эти сведения не являются биографией в чистом виде. Они, скорее, дают представление об определенной жизненной стратегии и потому могут быть использованы для саморазвития, что было бы их наилучшим применением. Способность к познанию, изменению и обучению посредством познания однозначно рассматривалась Луманом как одна из наиболее необходимых, и сам он обладал этой способностью.

Никлас Луман родился в 1927 г. в Люнебурге, в семье владельца пивоварни. В 1946-1949 гг. изучал юриспруденцию во Фрайбургском университете. С 1954 по 1962 г. он был государственным чиновником и работал в Администрации земли Нижняя Саксония, в Министерстве по делам культуры.

Когда Никлас Луман начинал учиться, социология не рассматривалась как потенциальная сфера занятости, она была, классическим «дополнительным» предметом. Юриспруденция же, напротив, - более подходящей для будущей карьеры. Во время войны Луман находился в Америке, и именно наблюдения за тем, что происходило в это время в мире: фашизм, сама война, оккупация, - привели его к мысли о необходимости заняться юриспруденцией, так как деятельность в области законности, как тогда казалось, открывала перспективы для свободы деятельности и изменения общества.

Имея хорошее образование, высокий интеллект, логические и организаторские способности, Луман быстро занял высокую должность в управлении земли Нижняя Саксония. Несмотря на то, что управленческая работа отнимала много времени, Луман продолжал заниматься самообразованием. Первые социологические идеи появились у него именно в связи с практической деятельностью в аппарате управления и прочтенной за это время литературой. Позже, изменив сферу деятельности, Луман уделял мало внимания эмпирии, но, благодаря управленческой работе его теории не могут быть названы просто построениями кабинетного ученого - в основе его увлечения социологией лежит практический опыт. Однако

вся комплексность его теории и ее универалистские притязания ни в коем случае не могут быть выведены из эмпирического опыта - для построения подобной теории требуется колоссальный объем прочитанной литературы, интердисциплинарные знания, аналитические способности и научный потенциал.

Среди книг, которые он читал, находясь на государственной службе, преобладали философские работы (в том числе труды феноменологов) и работы по социологической теории.

Серьезное увлечение Лумана социологией можно отнести к 1960-1961 гг., когда у него совершенно случайно появилась возможность пройти стажировку в Гарварде. Луман воспользовался этой возможностью, тем более что в это время в Гарварде находился Талкотт Парсонс, чьей системной теорией он очень интересовался. Их контакт нельзя было назвать очень близким, однако именно пребывание в Гарварде и знакомство с системной теорией Парсонса послужили для Лумана исходным пунктом в разработке его собственной теории. На основе понятийного аппарата Парсонса Луман построил новую, совершенно самостоятельную теорию, которая по своим притязаниям выходит за рамки не только парсоновской системной теории, но и за рамки социологии вообще, так как Луман (и это еще одна характерная черта ученого) никогда не ограничивался одной узкой областью знаний для получения необходимой ему информации - в его работах есть ссылки как на социологические, философские труды, так и на исследования в области нейробиологии, математики, логики и т. д. Среди требований, предъявляемых им к себе и другим, была и способность к пониманию и проникновению не только в высокотехнологические труды по социологии, но и в другие доступные области познания. Знание языков, память, логичная структура полученных знаний не ставились в заслугу ни себе, ни коллегам, ни студентам: они являлись только *предпосылкой* для настоящей научной работы, заключающейся в рассмотрении доступного знания в перспективе контингентности ради выявления «слепого пятна», т.е. нерелефлексивной области этого знания.

После Гарварда Луман оставляет управленческую работу и в течение короткого срока (1962-1965 гг.) занимается исследовательской деятельностью в Высшей школе Управления в Шпайере. В то время у него уже были определенные социологические идеи, но профессиональная карьера в этом направлении еще не была начата. Чуть позже он сближается с Гельмутом Шельски - основателем Билефельдского университета и «восстановителем» немецкой социологии после второй мировой войны. Шельски замечает талантливую ученого и приглашает его на академическую работу - сначала в университет города Мюнстера, а потом в создаваемый Билефельдский университет, где Луман становится первым профессором. В 1965 г. Никлас Луман защищает кандидатскую, а чуть позже в том же году и докторскую диссертацию и получает профессорское место в университете. Тема кандидатской диссертации - «Функция и следствие. Формальная организация» («Funktion und Folge. Formale Organisation», 1965), докторской - «Основной закон как институт» («Grundrechte als Institution», 1965). Работа в университете Билефельда начинается в 1968 году, параллельно Луман работает на кафедре Адорно во Франкфурте, отсюда его интерес к критической социологии. В это же время происходит знакомство с Ю. Хабермасом, научные споры с которым сыграли большую роль в

развитии системной теории.

Все исследователи творчества Лумана отмечают, что у него отсутствуют так называемые «ранние работы»: возможно благодаря универсальности его мышления и высоким требованиям, которые он предъявлял к самому себе, мы не можем назвать какие-либо из его работ «ранними» в смысле их недостаточной проработанности или незначительности. С самых первых работ в области социологии - а это были его кандидатская и докторская диссертации - нам предстают работы серьезного и самостоятельного теоретика. Луман активно включился в научную деятельность, и помимо того, что он был профессором в Билефельдском университете, стал членом двух Академий наук, имел многочисленные титулы почетного доктора наук в разных областях, имел фактически степень доктора юриспруденции.

Колоссальный объем печатных трудов Лумана - 77 книг, выпущенных с 1965 по 1997 гг., - и переработанной им литературы был бы невозможен без систематической организации работы и целеустремленности. Действительно, уже в возрасте 25 лет Никлас Луман имел четкие представления о том, чего он хочет добиться в жизни: в его плане стояло ознакомление с возможно большим количеством литературы и переработка этого знания в собственную глобальную междисциплинарную концепцию. Воплощение плана в жизнь начинается именно в этом возрасте, когда он заводит картотеку прочитанной литературы с четким расчетом на необходимость этих знаний в течение всей будущей жизни. Энциклопедическая образованность Лумана говорит о том, что заданная программа была выполнена: в его произведениях присутствуют ссылки на книги не только из области философии и социологии, но и из области биологии, математики, кибернетики. От читателя его работ требуется то же стремление к познанию и способность к обучению: конспективность упоминаний отсылает нас к источникам, и эти ссылки предполагают ту же, что у автора, универсальную образованность или хотя бы *стремление* к ней. Это еще раз подтверждает то, что ни знание языков, ни прочтенная литература не ставились в заслугу сами по себе: они расценивались просто как необходимая *база* для последующей научной работы и научного познания.

Поступив на работу в Билефельдский университет, Луман ставит перед собой следующую задачу: за 30 лет создать полное описание общества; эту задачу он решает последовательно в течение всей своей жизни: незадолго до его смерти в свет выходит книга «Общество общества» («Die Gesellschaft der Gesellschaft»), завершающая собой эту колоссальную работу.

На семинарах, которые Луман проводил с 1970 г., в том числе и вместе с другими социологами, бывало не очень много студентов, и он не стремился к этому. Его стихией, скорее, были доклады и открытые научные дискуссии. Расписание было таково: семинарские занятия с утра и лекции вечером, днем оставалось время на разработку глобальной теории, заявленной им в начале работы на факультете. Говоря о семинарских занятиях, которые вел Луман, можно отметить огромную подготовительную работу. В основу учебного плана обычно был положен некий объем литературы, выборка из трудов различных авторов на определенную тему. Сюда включались, безусловно, и собственные идеи Лумана. К окончанию семинара прочитанная и обсужденная литература составляла целый манускрипт, который ложился в основу нового научного труда. Так, например, в зимнем семестре 1968/

69 учебного года он проводил семинар на тему власти, а в 1975 г. выходит его книга «Власть» («Macht»). Вечерние лекции посещали не только социологи, но и студенты других специальностей, приезжали студенты из других городов. Луман никогда не пытался замкнуть свою теорию в рамки социологии; напротив, описывая общество, его системная теория притязает на универсальность, этим и объясняется интерес к этому ученому, его известность, далеко выходящая за пределы социологического сообщества. Положив в основу своей теории понятийный аппарат Парсонса, познавательные возможности концепций Матураны, фон Фёрстера и Спенсера Брауна, основав теорию на последних знаниях в области биологии и кибернетики, Никлас Луман изначально заложил в нее универсалистские предпосылки, и, как мы можем видеть сейчас, уже после его смерти, социологическая системная теория Лумана играет огромную роль не только для развития социологии, но и для системной теории в целом.

Одной из функций, которую брал на себя Никлас Луман, можно назвать просвещение. С 1970 по 1995 г. выходит серия «Социологическое просвещение» («Soziologische Aufkldung»). Тома этой серии выпускались с целью привнесения социологического знания и насущных социологических проблем в широкий общественный дискурс. Если говорить о просвещении и объяснении системно-теоретического подхода к проблемам социологии, то помимо выпуска «Социологического просвещения» Луман вел открытые научные дискуссии с представителями других парадигм: наиболее ярким примером подобной дискуссии может служить вышедшая в 1970 г. книга «Теория общества или социальная технология. Что делает системное исследование? («Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet der Systemforschung?»)), которая представляет собой содержание одной из самых интересных научных дискуссий в области социологии в середине века, а именно, противостояние Луман-Хабермас. Это противостояние стало одним из центральных пунктов интеллектуального развития Германии XX в. В книге основные социологические понятия рассматриваются с позиции системной теории (Луман) и с позиции критической теории общества (Хабермас). Привнесение социологии в широкий общественный дискурс, роль, которую социология играла в Германии 1970-х гг., общественная популярность социологических учений могут быть наглядно показаны на примере студенческой революции 1968 г. В конце 1960-х гг. в Германии, а в особенности в Берлине и Франкфурте-на-Майне во многом под влиянием критической теории Адорно поднялось интернациональное политическое студенческое движение. Немецкие студенты с середины 1960-х гг. противопоставляли себя правительству, причем этот процесс шел по нарастающей. При этом критическая теория играла значительную роль, так как это была теория общества с колоссальными амбициями и притязаниями на изменение общества, идущими от Маркса. Эта теория обладала притягательной силой, которую просто не могли не чувствовать студенты. Она описывала общество в целом и с позиции возможностей его улучшения. Луман, находясь в тесном научном контакте с Хабермасом, с самого начала своей социологической деятельности противопоставил системную теорию критической теории общества, имевшей тогда огромную популярность. Для этого ему было необходимо поставить системную теорию на тот же или даже более высокий уровень - это должна была быть не

просто теория общества в целом, но теория, которая изначально имела междисциплинарные притязания. Системная теория была заявлена как теория, для которой не остается общественных явлений, лежащих вне предметного поля. В отличие от Адорно, Хабермаса с их идеями улучшения общества, Луман стоял за консервативное развитие, отсюда и название книги: «Теория общества или социальная технология.» Противостояние Луман-Хабермаса, также, как и противостояние с Адорно, сыграло большую роль не только в развитии системной теории, которая должна была с самого начала поставить себя на достаточную теоретическую высоту и совершить переход к универсализму, чтобы иметь возможность противостоять критической теории, но и в возрастании ее популярности в обществе, так как благодаря политической ситуации внимание общества и ученых различных областей было приковано к этой дискуссии.

Популярность Лумана росла, росло и количество его научных трудов. Теоретическая сложность работ сделала имя Лумана почти нарицательным - так же, как и простота и доходчивость его докладов. Изобретение новых терминов, заимствование их, цитаты на языке оригинала, постоянные ссылки, требующие дополнительной работы - в печатных изданиях и простота его устной речи при растущей популярности системной теории послужили причиной того, что Лумана начали все чаще приглашать читать лекции в другие немецкие университеты и за границу. Его труды были переведены на множество иностранных языков, но предпочтение (в смысле простоты восприятия) всегда отдавалось устным выступлениям.

Несмотря на активную лекторскую деятельность, Луман не прекращал работу над заявленной теорией общества. С 1970 по 1995 г. выходят 6 томов «Soziologische Aufklärung», в 1968 «Доверие» («Vertrauen»), в 1975 г. «Власть» («Macht»), причем эти работы не являются отдельными социологическими трудами: «Власть» и «Доверие» включаются в позднее детализированную теорию «символически обобщенных средств коммуникации», которая заняла одно из основных мест в теории Лумана. Последовательно выходят книги: «Функция религии» («Die Funktion der Religion», 1977), «Общественная структура и семантика» («Gesellschaftsstruktur und Semantik», 1980-1995), «Любовь как страсть» («Liebe als Passion», 1982). Издание этих книг было скрупулезной работой на будущее: определив позже общество через коммуникацию, Луман включает в концепцию символически обобщенных средств коммуникации религию, любовь, истину, власть как средства коммуникации, поддерживающие существование таких общественных систем, как, соответственно, вера, семья, наука, политика. Именно благодаря этим средствам поддерживается коммуникация в отдельных общественных системах и в обществе в целом, что позволяет ему отличать себя от внешней среды и, таким образом, продолжать существование. Несмотря на то, что многие труды были результатом преподавательской деятельности или научных дискуссий, ни один из них не был «спонтанным» или отдельным, исключенным из теоретической системы: напротив, все они укладывались в стройную схему глобальной теории общества, построение которой Луман считал своей приоритетной задачей.

То, что Луман по образованию был юристом и имел большой практический опыт работы в области права, определило его интерес к социологии права, и именно этому интересу мы обязаны такими работами, как «Социология права»

(«Rechtssoziologie», 1972), «Правовая система и правовая догматика» («Rechtssystem und Rechtsdogmatik», 1974) и многими другими. Из 77 книг, выпущенных при жизни Никласа Лумана, 17 были ориентированы на проблематику права и управления.

Одним из центральных моментов в развитии теории, было издание в 1984 г. книги «Социальные системы» («Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie»). В этой работе социальные системы впервые рассматриваются с позиции трех различных уровней: интеракция, организация и общество. Инновацией этой книги является также внедрение теории коммуникации, которая, в представлении Лумана, является элементарной операцией, отвечающей за образование общества. При этом каждая коммуникация, происходящая в мире, принадлежит обществу, и общество *определяется* именно через коммуникацию: *вне* коммуникации общества не существует. Этому обществу Луман дает определение мирового общества. Еще одним из важных теоретических решений, принятых в этой книге, было решение рассматривать социальные системы подобно биологическим системам в терминах аутопойезиса, т. е. самовоспроизводства. Термин «аутопойезис» Луман заимствует у известного нейробиолога Хумберто Матураны. Этот термин означает, что система (и в этом биологические системы, по мнению Лумана, аналогичны социальным системам), способна производить и воспроизводить все свои части из себя самой. В этом смысле социальные системы существуют, только пока они продолжают оперировать, и при окончании операций система исчезает - это то же, что понимается под смертью в биологических системах. Этим утверждается, что существование общества, как и других социальных систем, конечно. И подобной конечной точкой общества будет прекращение коммуникации.

Вслед за опубликованием «Социальных систем» вышли монографии, последовательно описывающие центральные функциональные системы современного общества: «Экономика общества» (1988), «Наука общества» (1990), «Право общества» (1993), «Искусство общества» (1995). Мировое общество было разделено Луманом на 11 функциональных систем, из которых 4 были проанализированы им полностью, еще 6 в отдельных аспектах. Дополнительно были обсуждены спорт и социальная работа, следующими функциональными системами, предложенными для анализа, были туризм и армия. Функции религии, воспитания, политики и организации не были, к сожалению, проанализированы полностью, однако незадолго до своей смерти Луман успел выпустить книгу, которая подводит нас к завершению миссии полного описания общества, которую ему удалось выполнить - эта книга: «Общество общества» («Die Gesellschaft der Gesellschaft», 1997). Одну из частей этой работы составляет описание социологии как исполняющей функцию описания общества в обществе, функцию его рефлексии.

Издание этой фундаментальной работы не означает, что у системной теории нет будущего или что ее теоретическая программа выполнена. Это означает только, что Луману удалось в целом решить ту задачу, которую он поставил перед собой в начале своей социологической карьеры и проводил в жизнь в течение 30 лет. Луман всегда называл себя именно социологом, несмотря на то, что его идеи имели и имеют огромное значение и для других областей науки. Это можно было бы объяснить через его понимание функции социологии в обществе, которое

описано во вступлении к «Обществу общества». Социология понимается как описание общества в самом обществе, как функция его рефлексии. Понятая так, социология должна иметь универсалистские притязания и связь с такими общественными институтами, или функциональными системами, как религия, политика, медицина, спорт, право и т.д. «Мне кажется, что истинно научное развитие может быть только междисциплинарным, и социологии не хватает этой междисциплинарности. Именно это я и пытаюсь исправить», - сказал Луман в одном из интервью [1]. Видя то, на сколько языков переведены его книги, и, находя ссылки на его работы в трудах авторов, далеких от социологии, мы можем сказать, что идея Лумана о интердисциплинарности теории реализовалась.

Одной из проблем, которую предстоит решить последователям Лумана, остается применение системной теории к эмпирическим исследованиям. Системная теория Лумана, стоящая на уровне наблюдения второго уровня (наблюдение за наблюдением, в том числе и за социологией), кажется слишком высокотеоретичной, чтобы вообще иметь практическое применение. Сам Луман мало писал на эту тему. В данный момент в Билефельдском университете ученик и продолжатель дела Лумана профессор Штихве предпринимает попытки объединения этих двух областей - насколько успешным будет применение системной теории к эмпирическим исследованиям, покажет будущее.

Никлас Луман очень не любил, когда его приписывали к современным классикам. Для него классиками социологии являлись те ученые, чьи теории не требуются более социологии, а могут быть исследованы историками науки или филологами. Социологическая теория не может быть завершенным знанием, занесенным в анналы. Она должна продолжать коммуницировать и воздействовать на общество. Подобные опасения в отношении системной теории были бы бессмысленными, по крайней мере, на данный момент, но так будет не всегда, так как системная теория, как и любая социальная система, когда-то исчезнет. Луман предложил такие инновации в области государственного управления и права, которые требуют работы поколений для их интерпретации, понимания и внедрения. Системная теория Лумана является «живой» теорией и продолжает развиваться: интерпретации его работ и использование его терминов, попытки внедрения его идей в исследования различных социальных феноменов становятся все более частыми. Популярность идей Лумана растет. По всей видимости, его еще долго нельзя будет отнести к той категории «современных классиков», которая так не импонировала ему. В лумановских терминах можно сказать, что социологическая системная теория не прекращает операций и продолжает коммуницировать, т.е. действовать в качестве самоописания общества. Именно эту функцию Никлас Луман приписывал социологии.

Несмотря на то, что незадолго до смерти Никласа Лумана была издана книга под итоговым названием «Общество общества», системная теория осталась открытой для дальнейшего развития, а именно, для проработки основной тематики, тематики «мирового общества». С появлением коммуникации в качестве основы общества и единственной гарантии его существования, оно (общество) занимает все более глобальную перспективу. Скоро нельзя будет говорить об отдельных обществах, а только о мировом, так как любая его часть будет достижима с помощью коммуни-

кации. Именно в разработке представлений о мировом обществе современная социологическая системная теория, и в том числе один из ее основных представителей профессор Рудольф Штихве, видит свои задачи.

Источники

1. Erd R., Maihofer A. Interview mit N. Luhmann. Archimedes und wir. Merve-Verlag: Berlin 1987.
2. Stichweh R. Der Theoretiker der Gesellschaft - Niklas Luhmann gestorben // Bielefelder Universitaetszeitung, ?195/1998.
3. Stichweh R. Der Theoretiker der Gesellschaft // Bielefelder Universitaetszeitung. №191/1997
4. Interview mit N. Luhmann Geyer A. Bayerischer Rundfunk, //veroeffentlicht in Universitas, Okt. 1996.

* Статья написана на основе материалов, любезно предоставленных профессором Р. Штихве, профессором К. Дамманом, доцентом Х. Тюрелем.

УНИВЕРСАЛИЗМ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ

Интервью с профессором

Рудольфом Штихве

Университет г. Билефельд (Германия)

Вопрос: Господин Штихве, мне бы хотелось поговорить с Вами об основных посылах теории Лумана, т. к. Вы признаны его официальным последователем. Начать мне бы хотелось с уровня общей системной теории, а именно со способа построения теории Лумана. Что Вы можете сказать об универсалистских притязаниях теории Лумана и о том, каким образом они встроены в саму теорию? Также хотелось бы задать наиболее часто встречающиеся вопросы, в частности о самореферентности, самообосновании теории и отсутствии онтологического исходного пункта. Как встроены эти идеи в дизайн теории, как они обоснованы и как они развиваются? (Каково место этих идей в теории Лумана?)

Ответ: Когда мы говорим об универсалистских притязаниях системной теории, имеется в виду не ее закрытость или исключительность в вопросах социологии, которая бы оспаривала бы право других теорий на существование, напротив, всегда имелось в виду требование, предъявляемое теорией самой себе, касательно того, что не должно существовать ни одного предмета социологического анализа, изучение которого было бы невозможно в рамках системной теории, который нельзя было бы описать в терминах системной теории. Именно это требование должна была предъявлять системная теория себе самой, она не должна была быть одной из тех теорий, которые возникают в связи с какой-то одной проблемой, на которую они ориентированы со всей остротой, и по мере удаления от которой их заключения становятся все менее точными. Системная теория должна была быть такой теорией, которая принципиально будет способна на все запросы социологического исследования, и проблемы, возникающие в социологическом дискурсе, дать некое теоретическое объяснение. Именно это понимается под притязаниями

на универсальность, и является вызовом другим социологическим теориям. Луман сказал бы, что другим стоит проверить себя, чтобы узнать, в состоянии ли они сделать то же. Стоило бы проверить, возможна ли подобная универсальность, при применении теории сетей или концепции рационального выбора. На самом деле, всем современным социологическим концепциям следовало бы проверить себя на наличие встроенных ошибок, которые направляют эти теории к определенным вопросам, тематизируют одни вопросы и оставляют без внимания другие.

Как Луман построил это положение вещей в свою теорию? В различных аспектах. Одним из этих аспектов является попытка в самом научном языке, в языке терминов, достичь некоего абстрактного уровня, который открывает подход к различным предметам социологического анализа. Например, концепция функциональных систем построена настолько абстрактно, что в ней не идет речь о какой-то конкретной функциональной системе, т.е. не конкретно о правовой системе, экономике или науке, и, таким образом, может быть начат поиск в различных направлениях, т.е. может быть задан вопрос, существует ли нечто, принимающее форму этих функциональных систем вне правовой, экономической системы или системы науки, и могут ли, например, техника или ремесло рассматриваться как функциональные системы. Это предполагает конкретные вопросы исследования, такие, например, как имеют ли они код, имеются ли собственные роли системы, распознаемы ли роли публики и т. д. Здесь имеется в виду стремление работать с максимально абстрактными терминами с последующей их конкретизацией и использованием для изучения конкретных социальных феноменов.

Вторым путем имплементации универсалистских притязаний в саму системную теорию было следующее: Луман принимал во внимание и работал с огромным количеством предметов, проводил анализ массы социологических феноменов. Конечно, он писал не обо всем - например, он не писал о спорте, о танце, не писал об упоминавшемся выше ремесле, и лишь вскользь, не прямо, о технике, хотя о последней есть определенные замечания. Он писал не обо всем, но спектр тем, затронутых Луманом широк как ни у кого из социологов наших дней.

Вопрос: Итак, с этой самореференцией, с отсутствием онтологических предпосылок теории вне ее самой... Луман начинает в стиле Spenser Brown'a с «Draw a Distinction»,* а именно, Луман говорит: «Es gibt Systeme» [2, P. 30] («Существуют системы»). Как при этом положении вещей развивается теория? Это ведь связано с самореференцией?

*В широком смысле это оперативное (!) начало оперативной логики G. Spenser Brown'a. В узком - начало его книги, отражающей его логику. См.: [1, p. 3] [Назад](#)

Ответ: Да, все начинается с этого различия. Только это, на самом деле, было задолго до Spenser Brown'a. Начинается все, например, с различия система/окружающая среда. И это начало ни из чего не выводится: это просто первое различие. За этим не стоит никакой понятийной структуры, которая подтверждала бы, что именно это первое различие является *правильным* для социологической теории, напротив, понятийный аппарат разрабатывается *после* этого первого

различения. Сначала проводится различие, а потом становится понятно, что мы можем получить с его помощью. И то, насколько плодотворны были результаты познания, связанного с этим различием, располагает в пользу этого различения, а не какого-то другого.

Если мы спрашиваем об отсутствии некоего онтологического исходного пункта, то именно это и является примечательным в данной теории - отсутствие последнего, единственно истинного знания, из которого можно было бы вывести начало самой теории. В определенном смысле речь идет о решении, безусловно, выигрышном, по сравнению с традиционной теорией, а именно, начать с различения система/окружающая среда и проследить, куда мы придем, оперируя с этим различием. Идея селекции, т.е. идея, что все, существующее в реальности, есть выбор из возможностей, является основной идеей, которая играла огромную роль в системной теории с самого ее зарождения и до сих пор. Эта идея стоит, в определенной мере, за различием система/окружающая среда, *вне* его, потому что это различие, в свою очередь, является подобным выбором, т.е. выбором именно *этого* различения в качестве начального, а не какого-то другого. Эта стратегия - начинать с определенного социологического различия и затем разрабатывать на его основе понятийный аппарат - не обязательно должна быть, по моему мнению, связана с самореференцией. То, что Луман вывел из самореференции, это то ненаблюдаемое и неоспоримое положение вещей, что социология не является когнитивным построением, системой, которая не затрагивается описываемым и является внешним наблюдателем, а напротив, социология является (само)описанием общества в обществе. Социология является тем описанием общества в обществе, чьи результаты вводятся в это общество обратно таким образом, что общество, после осуществления этого описания, не является уже тем обществом, которым оно было до этого описания. Эта идея, которая, по сути, является очевидной, присутствует в этой своей очевидности далеко не в каждой социологической теории. И именно эту идею можно проследить в Лумановских разработках самореференции, и именно благодаря этому его социологическим разработкам самореференции было трудно что-либо противопоставить. Применительно именно к этой тематике можно сказать, что системная теория схожа со многими другими современными социологическими теориями от Гидденса до Гарфинкеля. Понятийный аппарат везде похожий, даже если технический социологический инструментарий, используемый для исследований, разный. Рефлексивная встроенность социологии в общество на сегодняшний день является почти сама собой разумеющейся при построении социологической теории.

Вопрос: Вы говорили о продуктивности, плодотворности результатов познания, рядом с этим вопросом находится и классический для лумановской теории вопрос о связи теории с реальностью. Известно, что он предпринял попытку повернуть теорию в сторону конструктивизма. При этом, насколько я это понимаю, Луман всегда утверждал, что нет никакого «конечного элемента» (онтологически данного) и эти «конечные элементы» должны быть сконструированы через систему, т.е. «Das System ist sein Tun.»* Все является внутрисистемным конструктом, и единственное требование, которое предъявляется системе - это реальность ее оперирования, что и является связью с реальностью. Луман обращается к работам Матура-

ны, а именно к исследованиям в области физики [4], чтобы показать, что никакого «конечного элемента» быть не может. Но, заняв конструктивистскую перспективу, мы увидим, что сам мозг, который исследовал Матурана, тоже является конструктом. Одним словом, как Луман объясняет эмпиричность операций и что, в таком случае, есть связь с реальностью?

* Автором этого утверждения является биолог, создавший теорию аутопойетичных биологических систем, Н. Матурана, идеи которого и были толчком к созданию теории аутопойетичных социальных систем [3, Р. 56] [Назад](#)

Ответ: Мне кажется, что здесь Луман оперирует с понятием, существовавшим в философии уже на протяжении нескольких веков, это картезианское понятие, которое берет свое начало в 17 в., где все формулировки начинались с позиции скептицизма. Ставилось под вопрос *существование* чего бы то ни было, и нужно было показать, что есть *нечто* и не есть *ничто*. Реакция Декарта на существовавшую ситуацию заключена в известной фразе: «Даже если содержание всех моих мыслей ставится под вопрос, или если претензия на истинность того, что о чем я думаю или вообще возможность того, что я могу осознать истину, сомнительна, вне сомнений остается эмпирический процесс операции мышления». Мне кажется, что Луман, в принципе, выбрал подобную конструкцию. Он сказал, что под вопрос не ставится эмпирический процесс коммуникации и оперативной основой систем является движение от операции к операции; это, в свою очередь, как и у Декарта, является оперативной реальностью системы, которая, если можно так сказать, занимает место, принадлежавшее реальности в онтологическом смысле, или является связью с ней. И если бы кто-то захотел это оспаривать, то оспаривание само по себе тоже должно было бы происходить в коммуникации, так как противное не представляется невозможным. Мне кажется, что это простая и совершенно не новая техника; напротив, техника, существующая в европейской философии, по меньшей мере, со времен Декарта. Это очевидная, сама собой разумеющаяся техника оправдания реальности. Именно поэтому работа Лумана в данном направлении хорошо может быть описана термином «оперативный конструктивизм».

Вопрос: В чем Вы видите причину того, что Луман предпринял смену парадигм в самой системной теории, а именно перешел от теории открытых к теории самореферентных систем и к утверждению о том, что коммуникация также является аутопойетичной самореферентной системой? Какие проблемы, существовавшие в самой теории, привели его к этому решению?

Ответ: Я, честно говоря, абсолютно не уверен, что эта смена точек зрения в лумановской теории настолько кардинальна. Вполне может быть, что это просто переработка того, что было заложено в системной теории с самого начала, просто более четкое обозначение определенных позиций. Если мы обратимся к ранним работам Лумана, например, «Soziologische Aufklaerung I» [5], то можем встретить моменты, когда системы рассматриваются, как открытые, например, работа с этим различием система/окружающая среда. Там существуют классические ссылки, например на Лоуренса/Лорша (Lawrence/Lorsch) с теорией контингентной органи-

зации. Однако в работах того времени - это конец 60-начало 70 гг. - мы видим не лумановскую позицию; очевидно, что позиция, присутствующая в этих работах, к тому времени самим Луманом уже преодолена. В качестве самоописания теории Лумана можно употребить словосочетание «кибернетическая системная теория». Применительно к тому времени термин «кибернетическая» означает, что, несмотря на наличие связи системы с внешним миром, она способна *управлять* этой связью через уровень наблюдения, который устанавливает она сама система. Система отталкивается от происходящего во внешнем мире при помощи наблюдения и, следуя результатом этого наблюдения, принимают решение об изменении/неизменении. В принципе, именно эта кибернетическая системная теория, которую Луман включает в свою теорию с самого начала, очень приближена к парадигме закрытых систем. Таким образом, научный язык Матурано является просто одним из возможных способов, пригодных для наиболее четкой проработки этой тематики. Луман, в определенном смысле в плане «самоисторизации», еще раз выделил этот контраст, сыграл на нем, говоря о перестройке теории открытых в теорию закрытых систем. Но я уверен, что этот столь сильно выделяемый самим Луманом контраст с поздней позиции выглядит гораздо более острым, чем тот, который имел место в процессе развития теории. Было бы неверным сказать, что Луман наткнулся на некие проблемы, существовавшие ранее в системной теории, и осуществил их корректировку. Однако верным будет сказать, что Луман всегда работал на основе кибернетической системной теории и именно для этих своих разработок он нашел убедительный, подходящий инструментальный аппарат в научном языке Матураны. Существуют другие аспекты, в которых можно наблюдать этот переломный момент. Это затрагивает, например, ранние идеи относительно формы редуцирования комплексности, которые впоследствии стали проблематичными для Лумана и против которых сразу же возвели систему контраргументов, в том числе Хабермас, так что эти формы исчезают из более поздних работ. Таким образом, существуют аспекты, в которых Луман осуществлял определенную коррекцию. Если мы говорим с точки зрения истории социологии, то тезис о переходе от теории открытых к теории закрытых систем является верным, но этот переход нельзя описывать как две стадии работы самого Лумана, так как он никогда не работал с открытыми системами.

Вопрос: Когда Вы говорили о структурах, которые возникают в системах через процесс познания, Вы исходили из термина *Eigenzustaenden* (состояние приспособления) Хайнса фон Ферстера?

Ответ: Это одна из формулировок, которую позже использовал Луман и которую действительно изобрел фон Ферстер, но и до него уже существовали подобные понятия.

Вопрос: Вы затронули тему влияния Хабермаса на теорию Лумана, и мне бы хотелось задать следующий вопрос: как Луман справился с возражением Хабермаса о том, что в противоположность биологическим системам при обсуждении общественных систем речь не может идти о смерти? Из осла никогда не получится волк, говорит Хабермас в своей книге [6], но феодализм может стать капитализмом, и при этом общественная система не должна умирать, т.е. прекращать операции? Ведь тогда возникает следующая проблема: мы не можем назвать

необходимое условие существования системы или конечного пункта ее существования. В кибернетической системной теории, насколько я понимаю, это необходимое условие измеряется тем, что без него система должна умереть/исчезнуть, т.е. прекратить операции.

Ответ: Я не думаю, что это возражение имело на Лумана серьезное воздействие. Мне кажется, что более поздние теоретические разработки, а именно, теория аутопойесиса, дают достаточно простой ответ на этот вопрос, а именно, что «смерть» в биологических и социальных системах очень схожа. И биологические и социальные системы являются аутопойетичными системами, т.е. системами, построенными так, что они способны при помощи компонентов, из которых они состоят, производить и воспроизводить все, содержащееся в них - процессы, структуры, элементы. Тогда смертью, или исчезновением системы является именно завершение процесса производства и воспроизводства. Для описания этого феномена Матурана изобрел термин «аутопойесис», как определение жизни и одновременно определение смерти, смерти в смысле завершения процесса производства и воспроизводства, которые характерны для аутопойетической системы. Именно в этом конкретном смысле нечего возразить против идеи о том, что социальные системы могут умирать/исчезать. Когда коммуникация не влечет за собой следующую коммуникацию, когда за вопросом не следует ответ, когда некий роман становится последним, когда больше никто не пишет гекзаметром и т.д., значит, определенная система коммуникации пришла к своей последней точке. Существует последняя коммуникация, даже когда она не идентифицируется как таковая, и после нее ничего не происходит - тогда мы можем говорить о смерти или исчезновении социальной системы. Наш разговор ведь тоже завершится. То, что общество, как макросистема социальной коммуникации, в течение тысячелетий наблюдает только изменения, а не исчезновение систем, не противоречит постулату об их исчезновении. Это вовсе не означает, что *так будет всегда*, что коммуникация бесконечна.

Вопрос: Луман известен как социолог, который радикально ушел от понятия «действия» и ввел понятие «коммуникация», как основу единства социальной системы. Что привело его к этому?

Ответ: Я думаю, что Луман в течение достаточно долгого времени работал с теорией действия, и в 70-е гг. понятия коммуникации и действия шли в параллель. Социальные системы рассматривались как системы действия и коммуникации, и четкого разделения этих понятий не существовало. Не существовало определенного требования к различению этих систем, и не было ясного представления о том, что можно различить при помощи этих терминов. При этом стала очевидной встроенная нестабильность системы. Возьмем, например, различение переживания/действие, которое я нахожу одним из наиболее плодотворных лумановских различений. Под этим различением понимается, что все, происходящее в качестве селекции в социальном взаимодействии, является либо переживанием, либо действием. Однако мне кажется, что тут возникает одна проблема, а именно, существует следующее утверждение: социальные системы состоят из селективных процессов, при этом существуют две возможности осуществления этого селективного процесса: его всегда можно причислить либо к переживанию, либо к дей-

ствию. И тогда возникает вопрос: что же это за базовые действия, в которых происходят эти процессы?

Вопрос: Причисление?

Ответ: Да, но причисление само по себе не является основным понятием. А в качестве базовых процессов выступают тогда именно действия, что ведет к противоречию, так как действия должны находится только на одной их сторон различения переживание/действие. В этом смысле системная теория всегда была, как мне кажется, теорией коммуникации. Эта идея существовала, хотя сначала она присутствовала только на заднем плане. И ничто другое, кроме коммуникации, на самом деле не может выступать в качестве этого базового элемента, на основании которого и должно происходить причисление к переживанию или действию. В этом смысле данное фундаментальное различие переживание/действие было некоторым моментом нестабильности в системной теории, который был позже преодолен при помощи теории коммуникации, где говорится: «Коммуникация является фундаментальным (базовым) социальным процессом, и с помощью коммуникации различается, какое действие кому принадлежит в плане ответственности за совершенный выбор (селекцию)». Я думаю, на самом деле, что именно переход к теории аутопойесиса опередил потребность в решении этого вопроса. Помню, когда я еще был студентом, Луман - это было где-то в конце 70-х гг. - часто повторял, что ему необходимо разрешить вопрос фундаментальности, или базового элемента в пользу действия или коммуникации, и он еще не знал, чему будет отдано предпочтение. Это продолжалось пару лет. Если мы вспомним один довольно старый текст - 1982 г. - на тему аутопойесиса с рецензией Хабермаса под названием «Аутопойесис, действие и коммуникативное понимание» («Autopoiesis, Handlung und kommunikative Verstaendigung»), мы увидим, что в это время вопрос еще был открытым. В 1984 г. в «Социальных системах» теория уже переработана, и решение принято в пользу коммуникации, как основы социального. В этом аспекте теория уже не подвержена более поздним изменениям. Но я хочу подчеркнуть, что существовали внутритеоретические предпосылки в пользу именно этого выбора, и альтернатив, в сущности, не существовало, так как в противном случае пришлось бы отказаться от различия переживание/ действие, которое играет для теории очень важную роль.

Вопрос: Сначала Луман говорит о социальных системах в общем, а затем выделяет 3 вида социальных систем, а именно, организацию, интеракцию и общество. Каковы взаимоотношения этих трех систем?

Ответ: Все это рассматривалось Луманом в эволюционном аспекте, т.е. различные уровни системы отделялись друг от друга в процессе социокультурной эволюции. В простых сообществах эти 3 понятия очень близки, между ними практически невозможно провести границу. Общество в таком случае - это организация, которая состоит из своих членов, обязанности в котором строго распределены. Любой член подобного общества легко достижим для других его членов, даже если не наблюдается его физического присутствия в определенный момент. При этом система, внутри которой все это происходит, является самостоятельным, отдельным обществом, а не частью большей общественной системы. Т. е. для простых обществ, например, племен, эти 3 системных уровня совпадают. Под социокуль-

турной революцией Луманом понимается именно расхождение этих трех уровней. В этом смысле можно описать связь этих трех уровней через их общее происхождение.

Вопрос: Каковы функции этих трех систем?

Ответ: Это интересный вопрос, потому что Луман универсализировал понятие функций. Он подчеркивал, что понятие функции носит универсальный, а таким образом, и центральный характер среди структурных категорий. Насколько я помню, Луман никогда не давал ответа на Ваш вопрос, прямого ответа, т.е. он никогда не занимался, например, функциональным анализом интеракции в сравнении ее с организацией и т.д. Я думаю, что нетрудно будет найти массу косвенных, встроенных в саму теорию, а не прямых ответов на Ваш вопрос, потому что в нем затрагиваются такие темы, как, что из присутствующего в интеракции, невозможно в коммуникации, и наоборот. Например, оторванность от личности очевидна в организации, но не факт, что это верно и для коммуникации. Среди всех состояний современного общества состояние, в котором личные и неличные отношения меняются местами порой является совершенно нормальным, но это положение вещей трансформируется с позиции организации и опыта, который человек в ней приобретает. Существует много разрозненных исследований, в которых, частично, присутствует ответ на Ваш вопрос, но конкретного ответа на вопрос «функции организации», «функции интеракции» и «функции общества» я не могу найти. Причиной этого является выделение системного уровня «общество». Дело в том, что общество является системной референцией, на которую, собственно, и направлено понятие функции. Существует также следующее различие: функция/рефлексия/эффект, при этом эффект - то, что система делает в отношении других систем, рефлексия - то, что совершается в отношении самой себя, а функция - это способ индивидуализации в обществе. В этом смысле мы не имеем возможности дальнейшего анализа общества, т.к. системная теория не дает ответа на вопрос о функции общества в обществе. И именно здесь находится причина того, что системная теория описывает многоплановые различия в эффектах на различных системных уровнях, но при этом не дает прямого ответа на вопрос о функциях интеракции, организации или общества.

Вопрос: Каждая система должна следовать принципу отграничения. В интеракции отграничивающим понятием - и это очевидно - является присутствие, в организации - принадлежность или членство, а как же быть с обществом?

Ответ: Этот принцип называется «достижимостью с помощью коммуникации», и это кажется мне одним из наиболее убедительных лумановских различий, т.е. до тех пор, пока некто может быть включен в коммуникацию, он является частью общества, и если это не так, то он находится вне его. О птицах, например, люди могут говорить, но не могут вступать в коммуникацию с ними. Это, конечно, спорное предположение - мой пример с птицами, я просто хочу показать, что где-то лежат границы коммуникации, по крайней мере, если говорить о камнях, это предположение кажется вполне обоснованным.

Вопрос: Если бы мы говорили с позиции различения сообщение (информация)/ понимание, то можно говорить о коммуникации с животными, так как кошка, например, может понять мое сообщение и воспринимать меня, как сообщающего.

Ответ: Я и не пытаюсь провести здесь четкие границы. Поэтому я вполне сознательно назвал птиц, а не кошек, например, хотя вполне возможно, что это утверждение спорно и в отношении птиц. Я вовсе не считаю, что понятие «коммуникация» можно применять только к людям. Я всегда видел силу лумановского понятия коммуникации именно в том, что в него не закладываются представления о возможных *участниках* коммуникации. Луман говорит только следующее: для коммуникации требуются только 2 селектора, которые отличаются друг от друга и наблюдаются с помощью различения информация/сообщение. Что же является этими селекторами - открытый вопрос, и ответ на него зависит от того, какие способности мы приписываем шимпанзе, кошкам или другим животным. Само понятие коммуникации не обладает какой бы то ни было предрасположенностью к людям. Именно в этом плане системная теория не является гуманистической.

Вопрос: Луман взял от Парсонса если не содержание понятия «символически обобщенные средства коммуникации» («symbolisch generalisierte Kommunikationsmedium»), то, по крайней мере, само это понятие. Каковы функции этого понятия и как оно появилось в ходе эволюции теории?

Ответ: Для теоретика науки это было бы достаточно интересным предметом исследования, потому что это две теории, использующие одинаковые понятия, вкладывают в них абсолютно разный смысл. Луман в своей теории символически обобщенных средств коммуникации работал с понятиями, очень близкими к парсоновским (та же постановка вопроса о постоянстве нулевой суммы, инфляция/дефляция и т.д.) с другой стороны эти теории настолько различны, насколько это себе только можно представить. У Парсонса речь идет о теории, которая объясняет, как возможен обмен между системами, как осуществляются процессы входа и выхода между различными функциональными системами в современном обществе. То есть, мы имеем дело с теорией, которая стремится к доказательству того, что различные гетерогенные подсистемы общества связаны друг с другом через вход и выход (вложение/результат, Input and Output), также эта теория демонстрирует, как совершаются эти внесистемные связи. У Лумана основная проблема совершенно другая: он заявляет, что основной проблемой, существующей в обществе, является проблема перенимания или восприятия селекций. Этот вопрос не проблематизируется, пока люди в простейших сообществах тесно связаны между собой. Но в процессе социокультурной эволюции возникают формы коммуникации с притязанием на некие специфические темы, например, описания Бога, или коммуникация на тему прекрасного и отвратительного, или истины и лжи, и в связи с этими специфическими темами становится все сложнее мотивировать последовательность коммуникации и включенность в нее. Появляются специальные институты вовлечения, которые служат для повышения уровня способностей владения языком, и тут Луман приводит в пример риторику, которая со времен античности и до XVIII в. являлась важным институтом культуры, чьи действия контролировали язык. Однако с ростом общественной системы и с увеличением социальной стратификации перенимание коллективных селекций становится все более сомнительным. В современности средства коммуникации вступают в игру в качестве института, который должен быть в состоянии трансформировать эту сомнительность восприятия в вероятность и возможность. Аналога этой идеи мы

не найдем у Парсонса. Некие общие моменты есть в теории воздействия, т.е. в основе парсоновской теории средств коммуникации (Medientheorie). Но для Парсонса это просто одна из многих идей, а главной темой или понятием, являются понятия Input/Output, у Лумана же эта идея доминирует над всей теорией, является основной - здесь мы сталкиваемся с очень интересным случаем, когда, с одной стороны, одна теория перенимает очень многое от другой, но, с другой стороны, дистанцируется от нее и достигает абсолютной независимости и самостоятельности.

Вопрос: Верным ли будет следующее высказывание: лумановская теория состоит из трех частей, а именно: теория социальных систем, эволюционная теория, а затем теория символически обобщенных средств коммуникации. При этом их соотношение, в определенном смысле, можно было бы понять так: провалы, возникшие между различными функциональными системами в процессе эволюции преодолеваются при помощи символически обобщенных средств коммуникации? Я хочу спросить, как можно обрисовать взаимоотношение этих трех частей теории Лумана, т.е. эволюционной теории, теории социальных систем и теории символически обобщенных средств коммуникации?

Ответ: Я не уверен, что описание, предложенное Вами, является полным. Луман работал с этим различием теория общества/теория социальных систем. *Общей* теорией является теория социальных систем, которая говорит о социальных системах в целом, обо всех видах социальных систем, об интеракции, организации, обществе и обо всем том, что можно к этому отнести: социальных действиях, движениях и т.д. Из работ Лумана становится очевидным, что существуют феномены, лежащие вне триединства: интеракция, организация, общество. Этим всем занимается теория социальных систем, которая предстает, таким образом, в качестве генеральной теории. Особое внимание Луман обращал на теорию привилегированной социальной системы, а именно, общества. Сначала общественная система понималась как макросистема, а в более поздней формулировке - как система, заключающая в себе всю коммуникацию, происходящую в мире. А далее мы имеем то, что Вы уже назвали: дифференциацию, коммуникацию и эволюцию, эти три смысловых уровня были заложены в теорию с самого начала. Это внутренняя структура, использовавшаяся Луманом. Все происходящее, будь то социальный или психический акт, является переработкой смысла. Смысл действует внутри трех различных между собой измерений, а именно временном, материальном и социальном, и эти различия проецируются на три ядра теории общества: эволюционную теорию (время), теорию дифференциации (вещественные различения или различения материального мира), и теорию средств коммуникации (различия в понимании).

Вопрос: Не могли бы Вы сказать пару слов о том, как Луман рассматривал время? Это одно из измерений смысла или только лишь схема наблюдения, принадлежащая конкретному наблюдателю, который должен распарадоксировать себя до начала операций?

Ответ: Это достаточно непривычное различие, которое не играло большой роли в теории Лумана, особенно рассмотренное с подобной позиции. У Парсонса время, естественно, встроено в логику схемы AGIL, потому, что оно введено в

различение инструментальный/консуматорный. Под консуматорным имеется в виду происходящее в данный момент, инструментальными являются ориентации и действия, направленные на будущее. Но логика подобного различения не могла быть предметом эффективного анализа в данном направлении. Причина, почему идеи Лумана о времени я нахожу плодотворными заключается в технике внутренней связи различных временных горизонтов. Настоящее, которое имеет свое собственное прошлое и будущее, и будущее, в котором повторяется эта тройная логика различения, т.е. эти операции с настоящим будущим и прошедшим настоящим, как горизонты времени, действующие во всех временных горизонтах. Именно это, как мне кажется, наиболее интересные и продуктивные идеи Лумана относительно времени.

Вопрос: Луман говорил, что время, в качестве схемы наблюдателя является одним из достижений эволюции. Идея заключается в том, что время позволяет провести операцию, перемещенную во времени и вне этого вида операции выживание в целом ставится под вопрос, т.к. иначе оперирующий не смог бы привести к общему знаменателю операции, происходящее во внешнем мире и свои собственные.

Ответ: То, что время - это достижение цивилизации, действительно так, Луман не первый пришел к этой идее, но он был единственным, кто это так убедительно показал. Существуют общества, для которых время не играет никакой роли и которые все происходящее с ними приписывают настоящему: умершие, в их представлении, не те, кто принадлежит прошлому, а те, кто существует в настоящем. Они просто живут в другой реальности, под землей. Они отделены от живущих пространством, но не временем. И здесь мы опять наталкиваемся на эволюционную логику идей Лумана: представить время как нечто состоящее из трех временных горизонтов, которые все дальше отходили друг от друга в процессе социокультурной эволюции. Эволюция предстает, с этой позиции, как разделение трех временных горизонтов: настоящего, прошлого и будущего.

Интервью провели Беляев А., Зименкова Т. В.

Литература

1. Brown G. S. Laws of Form. NY, 1969.
2. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Suhrkamp, 1984.
3. Maturana H. R. Der Baum der Erkenntnis: die biologischen Wurzeln der menschlichen Erkenntnis. Bern, 1987.
4. Heisenberg W. Physik und Philosophie. Stuttgart, 1972.
5. Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Bd 1. Opladen, 1970.
6. Habermas J. Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie - was leistet die Systemforschung? Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971.

**«...ЕСТЬ ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА».
РОССИЯ: ТРУДНЫЙ
ПУТЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Размышлять о себе всегда интригующе приятно, как известно из личного опыта каждому, только о себе многие говорят много и со вкусом. Очевидно поэтому жанр исповеди и личного дневника в литературе является одновременно как самым древним, так и самым распространенным во многих культурах. Пример России в этом смысле представляется крайне характерным: у нас исстари, начиная от проповедей митрополита Иллариона и заканчивая проповедями Солженицына, взято за культурную норму рефлексировать над собственным прошлым, проблематизировать настоящее и гадательно рассуждать о будущем. С известной долей условности, но можно утверждать, что вся история культуры России написана в единственном жанре, жанре гигантски разросшейся по своим масштабам и бесконечной во времени книги-исповеди, в которой - беспрестанное самовыговаривание в бесчисленных вариациях на одну и ту же заданную тему: о самих себе. В русской культуре эта донельзя страшная психологическая изломанность получила свое разностороннее художественное выражение и писательское толкование так, что это дало повод одному умному человеку не без злой иронии заметить, что Россия знает только два извечных для себя состояния: либо самооплевывание, либо самооблизывание. Действительно безотносительно к тематике во всем, что написано о России и касается так или иначе ее культуры и истории, поражает прежде всего уже изначальная теоретическая предвзятость, засилье эмоций и полемическая одержимость в отстаивании своей и в опровержении чужой точки зрения. Выдержанный тон, строгий и объективный анализ, неспешность формулировок и продуманность выводов - явление, увы, крайне редкое в огромном массиве отечественной историософской и культурологической литературы. Тацитовское «без гнева и пристрастия» у нас пусть часто и цитируется, немало практикуется. Вот почему выход в свет книги известного московского писателя и философа В. К. Кантора «Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки», выпущенной издательством Российская политическая энциклопедия, этот пробел, - как нам кажется, сделает на одну книгу меньше. Всякая рецензия представляет собой переросшую свои границы аннотацию по причине жанровой необходимости включения в нее замечаний личного свойства. Сразу хочется отметить, что среди подобных эту книгу, посвященную, по-видимому, вечной для России проблеме ее исторической и цивилизационной самоидентификации, выгодно отличает отсутствие напускной велеречивости и полемической взвинченности с одновременным присутствием «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Помимо того факта, что в ней есть много того, что идет от сердца, в ней также есть немало другого, что идет от головы. Уже в предисловии автор так выразился о своем видении проблем, затронутых в книге, и о трудностях, с этим связанных: «понять их, не впадая в иллюзии или панику, трудное дело» (с. 9). В положительный актив этого произведения следует сразу отнести то обстоятельство, что автору удалось в содержательном плане свести к минимуму количество замечаний личного свой-

ства. В целях же строгой объективности следует заметить, что ответ на вопрос, о чем эта книга, с исчерпывающей полнотой дает аннотация к ней, в которой перечислены те сюжеты, что составили ее содержание: «...отношение России к Западу; противостояние стихийных элементов цивилизационно-организующим; тип национальной ментальности; роль степного начала как препятствия на пути к праву и закону; фактор насилия, всегда служивший провокацией к цивилизационным срывам в России; отсутствие подлинной бюрократии при засилии чиновников; не сложившийся механизм смены поколений; страх буржуазного предпринимательства и роль литературы в христианизации страны, утверждению в ней идей просвещения и свободы» (с. 2). Комментарии, как говорится, излишни: сюжеты не просто интересны, они захватывающе интересны. Конечно, в целях той же объективности надо оговориться, что об этом писали и не раз. Однако пусть не новы основные, положения, зато вновь внеочечная интонация и любопытны смысловые акценты. Так, в статье «Западничество как проблема «русского пути» есть интересный диалектический оборот, когда Кантор пишет о том, что испугавшаяся европеизации часть народа, вынужденная жить религиозно и экономически самостоятельно (имеются в виду раскольники), как бы вонне и помимо государства, раньше и *органичнее* пришли к западному пути, чем оставшаяся с правительством. В итоге, западниками больше всего оказывались те, кто менее всего об этом говорили.

Вообще, по структуре книга составлена из разных статей, написанных, по-видимому, и в разное время, объединенных, однако, одной темой - темой историсофского постижения России. Помимо содержательной однородности, их объединяет и стилистическая, поскольку все статьи написаны в жанре очерков. Это заметно прежде всего по языку; книга написана живым, доходчивым и образным стилем, сказывается литературная школа автора (прежде всего русская), и объясняется, вероятно, тем, что, не прибегнув к художественной условности литературных средств изложения, невозможно было бы «вогнать» проблематику и содержание русской истории в объем 15-20 страницной статьи. Вместе с тем, эта непринужденная манера письма хорошо увязывается с вполне серьезным и строгим до научности подходом автора к проблемам русской истории.

По Кантору, проблематика русской культуры, а шире, «проблематика каждой культуры скрывается в ее истории, есть сама история» (с. 17). Бесспорно, подход не нов, он встречается у Гегеля (предмет есть его история), а у нас задан ещё Чаадаевым, который настоятельно рекомендовал за философическим объяснением обращаться к истории, она для него была «ключом к пониманию народов». Правда, в отличие от Чаадаева, для которого обращение к русской истории сразу привело к обнаружению «пробелов» в ее понимании, Кантор настроен более оптимистически и его подход более конструктивен. Во всех статьях он предпринимает своеобразную сводку перечня факторов, сыгравших ту или иную роль (положительную или отрицательную) в российской истории. Пример, статья «Демократия как историческая проблема, России», в которой автор проводит типологию причин, сыгравших, на его взгляд, отрицательную роль в практическом осуществлении демократии в России. Причин в итоге несколько: «Удельная Русь: зародыш противоправных отношений», «Татарское нашествие: бесправие как

принцип жизни», воспрепятствовавших демократизации российских политических институтов, и ряд положительных факторов, которые могли бы стать (к сожалению, не стали) реальными факторами демократизации политических институтов в России: «Князь-народ-дружина: договорное право», «Создание дворянства - граждански-правовой силы в неправовом государстве». Авторское резюме: «но теперь Россия, кажется, получила шанс на иной путь развития. Не более, чем шанс. Но в исторической перспективе это совсем не мало» (с. 243). Звучит, согласитесь, утешительно.

В. К. Кантор автор «очень» русский (затрудняюсь сказать, достоинство это «очень» или недостаток), и это обстоятельство сразу же бросается в глаза при прочтении во второй части книги, где он, отдавая дань распространенному в России литературоцентризму, пропускает историю сквозь сито русской литературы. Так, в статье «Русская литература: желание и боязнь капитализма (Пушкин и Гоголь)» на примере пушкинского Онегина с его увлечением английской политэкономической литературой с, одной стороны, показывается, что у нас были те люди, в сознание которых проникали идеи рачительного хозяйствования, а, с другой, на примере гоголевских персонажей демонстрируется обратное - отсутствие укорененности в русском сознании идей постоянного и кропотливого труда. Конечно, в строгом логико-онтологическом смысле статус существования А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и статус существования их героев - не одно и то же. Если первые существовали на самом деле, то вторые - только в творческой фантазии первых. Однако, памятуя о том, что поэт в России больше, чем поэт и «Евгений Онегин» Пушкина - «энциклопедия народной жизни» (выражение Белинского), попытка Кантора в драматических сюжетах русской литературы увидеть отражение ее исторических коллизий представляется вполне оправданной. В итоге, на примере известных литературных персонажей демонстрируется любопытный штрих к портрету российской ментальности, когда прямо пропорционально росту материальных богатств появляется зуд желания их транжирить. Принимая эстафету выше упомянутого литературоцентризма, думаю что прав не Лотман, полагавший, что «Чичиков - приобретатель», а Кантор, утверждающий, что «Чичиков - мошенник», а также соглашусь с Ноздревым, увидевшим в Чичикове Наполеона: для Чичикова, как и для Наполеона власть, как деньги - нужна вся и сразу.

В заключении своей книги В.К. Кантор. очень тактично, спокойно и взвешенно касается сквозной для всей русской историографии проблемы - проблемы метафизической таинственности и загадочности русской души и истории, отмечая, что известное тютчевское «умом Россию не понять...», ставшее формулой заклинания для *русских* исследователей и камнем преткновения для зарубежных, «...свидетельствует, скорее, о метафизическом отчаянии поэта, отчаянии принадлежащем определенной мыслительной традиции» (с. 467). Трудно не согласиться в этом с автором: столь долгое время культивировавшийся у нас тезис о принципиальной несхожести рационализма Запада и иррационализма России стал на самом деле устойчивой и трудно преодолимой аберрацией сознания, источником заблуждений и ошибок. И в заключение позволю себе замечание сугубо личное: мне, как читателю, всегда нравились те книги, в синтаксисе которых встречается больше знаков вопроса, чем знаков восклицания. За знаками вопроса, как правило, всегда

стоит мысль, а за знаками восклицания чаще всего скрывается только эмоция. Уже только поэтому - это умная книга, что, поверьте, есть верный знак ее качества.

В. И. Ильин

ТРУДОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В отечественной социологии, некогда повально увлекавшейся изучением отношения самых разных категорий работников к своему труду, в постсоветский период эта тема превратилась в своего рода символ старомодности. Поскольку, по моему мнению, интересные работы появляются чаще всего у авторов, игнорирующих моду и идущих против ее течения, то книга российского социолога Елены Шершневой и ее немецкого коллеги Юргена Фельдхофа привлекла мое внимание уже своим названием: «Культура труда в трансформационном процессе. Эмпирическое исследование на российских промышленных предприятиях».

В формулировании темы исследования привлекает и отказ от ставшего сомнительным даже для самых оптимистичных либералов понятия «переходного периода», который предполагает как минимум более или менее четко очерченную траекторию движения к некоторому новому типу общества. Разложение во всех сферах общественной жизни России, наблюдаемое на протяжении всего последнего десятилетия, никак нельзя обозначить как «переход». Понятие «трансформации», допускающее изменение качества без четко определенного вектора изменений, представляется гораздо более точным.

Достоинством работы является попытка совместить пилотажное эмпирическое исследование с основательным обзором научной литературы, посвященной проблемам культуры. Примечательно, что вопреки складывающейся традиции игнорирования багажа советского обществоведения авторы опираются на исследования не только западных, но и советских философов и социологов. В результате цитаты из интервью с работниками предприятий логично ложатся на логически стройный теоретический фундамент, вплетающийся в рамки отечественной и евроамериканской традиции.

Авторы предприняли анализ трансформации труда на российских предприятиях через призму культуры. В их подходе четко прослеживается влияние веберовской парадигмы. Исходная посылка исследования состояла в том, что культура труда здесь сформировалась, во-первых, еще в процессе дореволюционного развития страны, во-вторых, этот процесс был продолжен в условиях советской системы, в-третьих, заметную роль в ней играют элементы, заимствованные из западной экономической культуры. В качестве ключевой проблемы современной России авторы рассматривают «напряжение», возникающее между преимущественно традиционной культурой труда и капиталистическими рыночными реформами российской экономики. Попытки заменить «советскую трудовую культуру» «рыночной культурой» могут, по их мнению, вести в тупик, так как официально провозглашенные рыночные нормы и ценности не усвоены рабочими и в повседневной жизни сосуществуют с традиционными ценностями и нормами. В результате новые рыночные институты воспроизводят традиционные социальные отно-

шения и формируют так называемый «квази рынок».

В фокусе исследования находится социальная организация промышленного предприятия. Опираясь на труды М. Вебера, К. Поланьи и Ф. Тенниса, авторы книги конструируют идеальные типы традиционной и рационально-капиталистической организации. Эмпирическое исследование, проведенное на трех петербургских предприятиях с помощью качественных методов, имело целью сравнить реальное положение на этих российских предприятиях со сконструированными идеальными типами. В результате авторы приходят к выводу, что реальная работа организована в основном в соответствии с принципами традиционной организации, в то время как формальная организация создана в соответствии с принципами рациональной бюрократии.

Три исследованных предприятия, по мнению авторов, демонстрируют три различные стратегии адаптации к рынку. Государственное предприятие игнорирует давление рынка и стремится усилить традиционную организацию труда. Частное предприятие с участием иностранного инвестора демонстрирует стремление к реорганизации по западным образцам: повышает требования к качеству выпускаемой продукции, уделяет большое внимание рационализации и формализации трудовых отношений на основе трудового контракта. Третье предприятие, тоже частное, довольно успешно интегрирует традиционные и рационально-капиталистические методы организации.

Вполне соглашаясь с наблюдениями авторов рецензируемой книги, можно предложить взглянуть на проблему и с другой стороны. Тогда в основе объяснительной модели будут лежать не столько инерционная по своей природе культура, сколько квази реформы, обусловленные социальными интересами прорабов «глубоких экономических реформ». Формируемые в результате этих реформ социально-экономические структуры отражают сущностные характеристики номенклатурного капитализма и совершенно закономерно воспроизводят в новых условиях традиционную советскую трудовую культуру, вполне адекватную социальной организации большинства постсоветских промышленных предприятий.

Тормозящее рыночную трансформацию общества влияние традиционной культуры действительно имеет место. С этим трудно не согласиться. Однако оно в данный момент наблюдается в основном только в новом секторе мелкого бизнеса. Именно здесь мы видим причудливое сосуществование ростков «духа капитализма», четко проявляющихся в деятельности мелких предпринимателей, и традиционной российско-советской культуры, воспроизводящей пассивные способы выживания.

Хотя не со всеми выводами авторов книги можно согласиться, в целом работа удалась. Она провоцирует размышления, а это, на мой взгляд, главная функция научной книги: не давать готовые ответы для их пассивного запоминания, а толкать к дальнейшему поиску.

* Shershneva E., Feldhoff J. The Culture of Labour in the Transformation Process. Empirical Studies in Russian Industrial Enterprises. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang, 1998. 129 p.

Abstracts

[Interview with Prof. V. Yadov](#)

Prof. V. A. Yadov, carrying on a conversation with the JSSA editor V. V. Kozlovsky, tells about his scientific career and discusses developments of Soviet / Russian sociology in 1960–90s.

[E. Tiryakian. Pitirim Sorokin: My Teacher and Prophet of Advanced Modernity](#)

The author tells about his personal contacts with P. Sorokin and analyses some Sorokin's ideas. The paper presents the image of strong scientist and passionate prophet which revealed and convicted the value crisis of advanced modern society. The author points out especial relevance of Sorokin's integral sociocultural order conception and his analysis of sexual and political morality.

[G. Schlee. Cross-Cutting Ties in Conflict Theory](#)

The article is dedicated to role of kin relationship between members of different ethnic groups. In the context of raiding and war, cross-cutting ties have been discussed mostly as factors which exert a counter-effect to these hostilities. The author examines case of cross-cutting ties between clans from two Ethiopian and Kenyan tribes. Example of the inter-clan ties between Rendille and Gabbra confronts the assumption that such ties have de-escalating effects and inhibit violence.

[V. Achkasov. Ethnic identity in situations of social choice](#)

This article is about the problem of role of ethnic identity in the situations of social choice. Author notes that in situation of deep social crisis ethnic identity becomes the universal answer to the question about social action and life sense. Identity is the important means of personal research

of the social reality. In accordance with self-defined identifications man organises and directs his behavior. Ethnic identity is the powerful factor of ethnic groups and their connections' formation. The identification with large social (ethnic) group can invest mass behavior and political action (expectually in crisis situation). Ethnic identity is in the same time the means of legitimation and delegitimation of political power in transit societies because it legitimates the national elites action and create necessary conditions for ethno-political mobilisation. Because of that the research of group identification can contribute to prediction of social and political development.

A. Yakobson. Ethnic Interests and Problems of National and Territorial Policy

Main problems of ethno-territorial organization of Soviet Union and Russia are analyzed. The author introduces concept «ethnic interests», which are defined as individual's interests determined by his/her ethnicity. Three main groups of such interests are differentiated:

- equality of civil rights,
- reproduction of national culture,
- the «proprietor of territory position».

Current problems of Russia Federation are related to substitution of initial soviet ethno-territorial organization by the Stalin's model in 1930s. The former had realized all groups of ethnic interests, the latter reduced ethno-territorial organization to distribution of «proprietor positions».

B. Hoelscher, R. Dittrich. Russia Goes West?

The article is dedicated to analysis of the Russian social structure transformation. The authors consider history of the general censuses in Russia and inequality criteria traditionally used for

analysis of the Russian social structure. These criteria are compared with recent western approaches to inequality investigation - "horizontal" stratification through life styles and individual images. Discussed is the problem of application of western standards to Russian system of social inequality.

Y. Davydov. Where Russia Has Come To?

The "New Russian" capitalism is analyzed in framework of the two capitalisms conception initially developed by M. Weber. Following Weber, the author distinguishes modern (productive, industrial) capitalism and archaic (parasitic, commercial and adventurist) one. Current Russian society seems to be a representation of the archaic capitalism, which is considered as a sociocultural type.

N. Rusinova, V. Braun. Social Inequalities and Health: Awareness of Individual Responsibility and Control

The article presents some results of the research of relations between social status and the health attitudes and practices. Investigated were subjective importance of health, life styles, personal and family' behavior, and ways of the health problems resolving by St. Petersburg habitants from different social strata. The research was focused on the role of individuals attitude to control and be responsible for their own health.

G. Steinkamp. Death, Illness, and Social Inequality

The article demonstrates on the base of the recent researches the association between social class, life expectancy and morbidity (somatic and psychiatric). These findings are interpreted by discussing the artifact approach, the genetic and social selection theses, the cultural-behavioral and

the structural-materialistic variants of explanation. The distinct superiority of the structural-materialistic theses is demonstrated. The author claims lack of theoretical conceptualization of the association between social class and illness/life expectancy. In order to eliminate these deficits a hierarchical multidimensional model is introduced: the position in the system of social inequality (macro dimension) is connected with the dimension of social action (meso dimension), and with the micro dimension of personality / organism.

T. Zimenkova. Niklas Luhmann in his Colleagues View

This article is dedicated to one of the most famous theorists of the society of the XX century, Niklas Luhmann, who died on November 6th 1998 in Bielefeld, Germany. The article deals, first of all, with his style of scientific work combining the theory design and teaching. Also there are considered Luhmann's key theoretical innovations: description of the society in terms of communications viewed as social system' elementary operations, and introducing the term of «autopoiesis» which points out the ability of (social) system to re-produce itself from its own operations.

The author argues the system theory is open for the further development, especially in domain of the global society analysis.

Universality of the System Theory: Interview with Prof. R. Stichweh

Prof. R. Stichweh, answering the questions about logical structure and development of N. Luhmann's theory, reveals meaning and role of its key concepts - distinction, self-reference, autopoiesis, communication etc.

Pitirim Sorokin and Sociocultural Tendencies of Our Times

Presented are the key topics discussed by the participants of the international symposium which took place 4-7.02.1999 in Moscow, St. Petersburg, and Syktyvkar (Komi Republic). Symposium was devoted to P. Sorokin's 110th anniversary, and debates were focused on contemporary interpretations of his conceptual heritage.

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

1999. Том II. № 1

Редактор *Е.В. Пурицкая*
Компьютерная верстка *И.К. Ивановой*

Лицензия ЛП № 000324 от 07.12.99.

Подписано в печать 12.06.2001. Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,00. Уч.-изд. л. 19,88. Тираж 500 экз. Заказ

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского.
193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.
Факультет социологии СПбГУ.

Отпечатано с диапозитивов в типографии ООО Издательство «Скифия».
192241, Санкт-Петербург, ул. Софийская, д. 58.